Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

На правах рукописи

АВДЕЕВА НАДЕЖДА ПЕТРОВНА

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ А. П. ЧЕХОВА)

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Борисова Мара Борисовна

доктор филологических наук, доцент
Прокофьева Лариса Петровна

Саратов – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……... 5
ГЛАВА 1. ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ……. 12
1.1 Психологическое направление в изучении внутренней речи …….. 13
1.2 Психолингвистический аспект: внутренняя речь в моделях речепорождения и речевосприятия ……... 16
1.3 Литературоведческий аспект изучения внутренней речи персонажа …….. 18
1.4 Структурно-типологический аспект изучения внутренней речи персонажа ……... 22
1.5 Структурно-функциональный аспект изучения внутренней речи персонажа …… 27
1.6 Лингвокогнитивный аспект изучения внутренней речи персонажа ……..... 30
1.7 Коммуникативно-прагматический аспект изучения внутренней речи персонажа …… 32
1.8 Изучение внутренней речи персонажа в творчестве А. П. Чехова …….. 36
Выводы по первой главе ……. 40
ГЛАВА 2. ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН …….. 44
2.1 Поток сознания …….. 46
2.2 Внутренняя реплика-реакция ……... 52
2.2.1 Когнитивные механизмы внутренней реплики-реакции ……..... 53
2.2.1.1 Внимание и его объекты ……. 53
2.2.1.2 Внешнее и внутреннее восприятие как триггер ……... 56
2.2.1.3 Когнитивные действия в структуре внутренней реплики-реакции …… 61
2.2.2 Когнитивно-коммуникативные функции внутренней реплики-реакции и саморуминация…….. 64
2.2.3 Автокоммуникативность и спонтанность ……... 73

2.2.4 Трансформация языковых единиц в автокоммуникации (на примере лексемы «прощай») ……74
2.3 Внутренний монолог как заключительный этап внутренней речи …….. 76
2.3.1 Когнитивный аспект: моделирование мышления и памяти ……... 77
2.3.2 Когнитивный аспект: моделирование воображения ……..…….. 80
2.3.3 Метакогнитивные процессы в структуре внутреннего монолога ……...83
2.3.4 Автокоммуникативность и диалогичность внутреннего монолога…….85
2.3.5 Полифонизм внутреннего монолога ……. 89
2.3.6 Стилистический аспект: книжность и разговорность …….....91
2.4 Произнесённая внутренняя речь персонажа ……... 95
2.4.1 Автокоммуникативность произнесённой внутренней речи ……... 95
2.4.2 Произнесённая внутренняя речь в состоянии аффекта ……..... 98
2.4.3 Базовые эмоции в произнесённой внутренней речи ……. 101
2.5 Внутренний монолог в авторском пересказе ……..... 106
2.5.1 Предметно-аналитический внутренний монолог …….. 108
2.5.2 Словесно-аналитический внутренний монолог ……. 109
2.5.2.1 Моделирование эмоционально-оценочного мышления …… 109
2.5.2.2 Диалогизация внутреннего монолога в авторском пересказе…….111
2.5.3 Импрессионистический внутренний монолог ……... 114
2.5.3.1 Моделирование ассоциативно-образного мышления ……... 115
2.5.3.2 Зависимость мышления от физического состояния ……... 117
2.5.3.3 Коллективный внутренний монолог как проявление вненаходимости автора ……. 119
2.5.3.4 Авторская позиция и её эволюция во внутреннем монологе ……121
2.6 Внутренний диалог ……..125
2.6.1 Введение понятия «когнитивно-коммуникативная тактика» ……..125
2.6.2 Внутренний диалог: столкновение смысловых позиций ……..126
2.6.3 Метакоммуникативный внутренней диалог ……..……... 128
Выводы по второй главе ……... 130

ГЛАВА 3. ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖАКАК ЭТАП РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ И РЕЧЕВОСПРИЯТИЯ ……. 138
3.1 Внутренняя речь в процессе речепорождения ……...139
3.1.1 Реализация кооперативной стратегии во внутренней речи ……...139
3.1.2 Реализация конфронтационной стратегии во внутренней речи…….....144
3.1.3 Динамика когнитивно-коммуникативных тактик во внутренней речи (на примере рассказа «С женой поссорился») …….....149
3.1.4 Динамика коммуникативных стратегий во внутренней речи (на примере рассказов «Трифон», «Мститель» и «Супруга») …….. 152
3.1.5 Психофизиология когнитивно-коммуникативных тактик во внутренней речи …… 160
3.2 Внутренняя речь как этап речевосприятия ……... 163
3.2.1 Реализация кооперативной стратегии во внутренней речи ……...165
3.2.2 Реализация конфронтационной стратегии во внутренней речи ……...173
3.2.3 Внутренняя речь как этап речевосприятия и речепорождения (на примере рассказа «Гость») ……..... 184
3.2.4 Взаимозависимость стратегии речевосприятия и психофизиологического состояния …….. 187
Выводы по третьей главе …….. 191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ …….. 199
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ ……206
ГЛОССАРИЙ ……..207
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ……. 208

ВВЕДЕНИЕ

Основными тенденциями современной лингвистики являются антропоцентричность и междисциплинарность. Язык как инструмент деятельности человека связан с речью, мышлением, восприятием, памятью, вниманием и эмоциональной регуляцией. В этой связи внутренняя речь является сложным и значимым феноменом, отражающим процесс рождения речи и мысли, диалектическое единство языка и сознания, взаимосвязь речевой и когнитивной деятельности. Именно сложность этих взаимосвязей и заключается **актуальность** изучения внутренней речи.

Необходимость разработки интегрального подхода, объединяющего достижения гуманитарных дисциплин, также определяет актуальность исследования. Степень изученности внутренней речи (далее – ВР) в науке высока, однако обзор научной литературы выявляет методологическую фрагментарность, поскольку психологические и психолингвистические модели ВР не всегда интегрированы с лингвистическим и лингвостилистическим анализом. Психологические исследования Б. Г. Ананьева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А. Н. Соколова и др. сформировали основу для понимания генезиса, структуры и функций естественной ВР, служащей прототипом для её художественного моделирования. В психолингвистике ВР рассмотрена Т. В. Ахутиной, И. Н. Гореловым, Н. И. Жинкиным, И. А. Зимней, А. А. Леонтьевым, К. Ф. Седовым и др. в аспекте теории речевой деятельности. Это позволяет анализировать ВР как центральный этап речепорождения (программирования будущего высказывания) и речевосприятия (декодирования чужой речи). Литературоведческие исследования М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, А. П. Скафтымова, Е. Г. Эткинда и др. осмысляют ВР (внутренний монолог и внутренний диалог) как художественный приём, выступающий инструментом психологизма. Такие феномены, как «диалектика души», диалогизм и полифонизм сознания, а также их эволюция в литературе XX–XXI вв. демонстрируют способы художественного воссоздания ментальной деятельности

персонажа. Представители лингвистического направления И. В. Артюшков, В. В. Виноградов, В. А. Кухаренко, Ю. В. Погребняк, Ю. М. Сергеева и др. разработали классификации форм ВР, описали её структурные особенности, выявили прагматику автокоммуникации, а также реконструировали когнитивные структуры сознания автора и персонажа. Тем не менее в науке до сих пор отсутствует интегральная модель анализа ВР как когнитивно-коммуникативного явления, объединяющая типы художественной репрезентации ВР, моделируемые ею когнитивные процессы и автокоммуникативные особенности.

ВР представляет собой скрытый, беззвучный, интроспективно данный процесс. Соответственно, её сложно наблюдать эмпирически и воссоздать экспериментально. В связи с этим особую ценность приобретает художественный текст, и прежде всего произведения писателей-психологов, моделирующих речемыслительную деятельность персонажей. Выбор материала исследования обусловлен не только глубоким психологизмом творчества А. П. Чехова как писателя, тонко чувствующего душевные движения героев, но и спецификой медицинского взгляда врача, обладающего теоретическими и клиническими знаниями о психике и физиологии человека. При этом, как показал анализ научной литературы, основное внимание филологов традиционно сосредоточено на несобственно-прямой речи как инструменте объективного повествования, в то время как другие формы художественного моделирования ВР (поток сознания, внутренняя реплика-реакция, прямой внутренний монолог, внутренний монолог в авторском пересказе, произнесённая ВР) не исследованы в когнитивно-коммуникативном аспекте.

Объектом исследования является внутренняя речь персонажа в художественной прозе.

Предмет исследования – когнитивно-коммуникативные механизмы художественного моделирования ВР персонажа.

Цель исследования – выявить и описать взаимосвязь языковой репрезентации, моделируемых когнитивных процессов и коммуникативных функций ВР персонажей в художественной прозе А. П. Чехова 1880–1904 гг.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать и систематизировать теоретические подходы к изучению ВР в психологии, психолингвистике, литературоведении и лингвистике.

2. Разработать интегральную мультидисциплинарную модель анализа ВР в художественном тексте.

3. На основе сформированного корпуса контекстов классифицировать формы художественного моделирования ВР в прозе Чехова, описав их языковые, когнитивные и коммуникативные особенности.

4. Исследовать функционирование выделенных форм с позиций теории речевой деятельности (как этапов речепорождения и речевосприятия), применив инструментарий коммуникативной лингвистики для описания автокоммуникативных стратегий и тактик.

5. Выявить особенности идиостиля писателя, проявляющиеся в художественном моделировании ВР.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что внутренняя речь в прозе А. П. Чехова представляет собой системное единство языковых, когнитивных и коммуникативных характеристик, обусловленное медико-психологическим мировидением писателя.

Материалом исследования послужили 2 175 контекстов ВР персонажей, собранных методом сплошной выборки из рассказов и повестей А. П. Чехова 1880–1904 гг. (Чехов А. П. Собр. соч. : в 12 т. – М. : Правда, 1985).

Методы исследования определяются интегральным подходом к анализу ВР и включают сравнительно-сопоставительный и интерпретационный анализ текста; структурно-типологический анализ (идентификация и классификация форм ВР); структурно-функциональный анализ (выявление функциональных особенностей ВР с помощью лексико-грамматических средств); элементы когнитивного моделирования процессов речемышления, речепорождения и речевосприятия; прагматический и стилистический анализ; элементы дискурсивного анализа, а также количественные наблюдения.

Научная новизна исследования заключается в создании интегральной модели анализа ВР персонажа, объединяющей структурно-типологический, структурно-функциональный, коммуникативно-прагматический и лингвокогнитивный подходы. Созданная модель позволяет описывать ВР персонажа как когнитивно-коммуникативный феномен в единстве языковой формы, когнитивного процесса и коммуникативной цели. Введено понятие «когнитивно-коммуникативная тактика», дополняющее теорию речевых тактик и позволяющее описывать и анализировать автокоммуникативные процессы.

Теоретическая значимость определяется интеграцией знаний о ВР, а также уточнением её статуса в филологических науках как комплексного когнитивно-коммуникативного феномена. Разработанный категориальный аппарат (интегральная модель и понятие когнитивно-коммуникативной тактики) расширяет возможности описания речемышления персонажа и дополняет инструментарий коммуникативной лингвистики в исследовании интраперсональной коммуникации. Результаты исследования углубляют теоретические представления о механизмах текстового моделирования сознания персонажа и вносят вклад в изучение идиостиля А. П. Чехова.

Практическая значимость заключается в том, что результаты могут быть использованы в вузовских курсах по стилистике художественного текста, когнитивной поэтике, психолингвистике, теории дискурса, лингвистике текста, а также в спецкурсах, посвящённых творчеству А. П. Чехова и проблемам психологизма в литературе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Внутренняя речь персонажа в художественном тексте является когнитивно-коммуникативным феноменом, репрезентирующим интраперсональную коммуникацию и моделирующим процессы речемышления, речепорождения и речевосприятия с помощью специфических лексико-грамматических средств и структурных форм.

2. Разработана интегральная модель анализа внутренней речи персонажа, объединяющая структурно-типологический, структурно-функциональный,

коммуникативно-прагматический и лингвокогнитивный подходы и устанавливающая взаимосвязь языковой формы, когнитивного процесса и коммуникативной цели.

3. Введено понятие «когнитивно-коммуникативная тактика», дополняющее теорию речевых тактик при анализе интраперсональной коммуникации и определяемое как автокоммуникативное действие, объективирующее коммуникативную стратегию персонажа и обусловленное мотивом, коммуникативным намерением и эмоциональным состоянием персонажа.

4. В прозе А. П. Чехова выделены и описаны формы художественной репрезентации внутренней речи персонажа: поток сознания, внутренняя реплика-реакция, прямой внутренний монолог, внутренний монолог в авторском пересказе, произнесённая внутренняя речь и внутренний диалог. Каждая форма внутренней речи коррелирует с типом и стадией речемыслительной деятельности персонажа и с когнитивными процессами: мышлением, памятью, восприятием, вниманием и воображением.

5. В процессе речепорождения внутренняя речь осуществляет программирование будущего высказывания (включающее планирование, прогнозирование и самоконтроль). Доминантная кооперативная стратегия в прозе А. П. Чехова реализуется когнитивно-коммуникативными тактиками поддержания, восстановления и сохранения коммуникативного сотрудничества. Конфронтационная стратегия проявляется в когнитивно-коммуникативных тактиках угрозы, обвинения, оскорбления, упрёка, отказа от общения и запрета. Выявлена эволюция автокоммуникации: в ранней прозе А. П. Чехова внутренняя конфронтация трансформируется в прагматически выгодную кооперацию, в поздней прозе – в аутоагрессию и самодискредитацию персонажа.

6. В процессе речевосприятия внутренняя речь персонажа реализует смысловое декодирование воспринимаемого высказывания (включающее переработку, осмысление и оценивание). Доминантная конфронтационная стратегия объективируется в когнитивно-коммуникативных тактиках негативного

оценивания, конфронтационного толкования, переопределения и игнорирования. Кооперация представлена когнитивно-коммуникативными тактиками применения, кооперативного толкования, развития и позитивного оценивания.

7. В художественной прозе А. П. Чехова когнитивно-коммуникативные процессы во внутренней речи определяются психофизиологическим состоянием персонажа. Эта зависимость проявляет идиостилевую особенность автора – «клинический реализм». Под «клиническим реализмом» понимается языковая и стилистическая система писателя, отражающая клиническую достоверность в изображении психосоматического единства персонажа и обусловленная профессиональными медицинскими знаниями и клиническим мышлением автора.

Апробация работы осуществлялась на международных, всероссийских и региональных конференциях: Всероссийская конференция молодых учёных «Филология и журналистика в XXI веке» (25-27 апреля 2012 г., СГУ им. Н. Г. Чернышевского, Саратов); XXXIV Международная научно-практическая конференция «Чеховские чтения в Ялте: Мир Чехова: семья, общество, государство» (22-26 апреля 2013 г., Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, Ялта); Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в образовательном процессе» (1 декабря 2016 г., СГЮА, Саратов); XXXVIII Международная научно-практическая конференция «Чеховские чтения в Ялте: Изучение чеховского наследия на рубеже веков: взгляд из XXI столетия» (24-28 апреля 2017 г., Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, Ялта); Региональная научная конференция «XXIV Чеховские чтения» (29 января 2021 г., Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», Южно-Сахалинск) (участие онлайн); Всероссийская с международным участием научно-практическая онлайн-конференция «Функциональная грамматика: теория и практика» (25 февраля 2021 г., Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, Чебоксары); Всероссийская научно-практическая конференция (дистанционная) «Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики» (25 марта 2021 г., Ульяновский гос. ун-т, Ульяновск); Международная научно-практическая конференция «Манипуляции и социум: язык, сознание, культура» (15-17 мая

2023 г., Балтийский федер. ун-т им. И. Канта, Калининград); Научная конференция с международным участием «Человек в коммуникации: категория вежливости и речевая агрессия» (16-18 мая 2024 г., Балтийский федер. ун-т им. И. Канта, Калининград); XXVII ежегодные научные чтения (с международным участием) «Язык как материал словесности» (19 октября 2024 г., Лит. ин-т им. А. М. Горького, Москва) (участие онлайн); II Международная научная конференция «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения» (6–8 февраля 2025 г., Кемеровский гос. ун-т, Кемерово) (участие онлайн); Международная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (3-4 апреля 2025 г., Нижегородский гос. пед. ун-т им. К. Минина, Нижний Новгород); XVI Международная лингвистическая конференция «Основные направления лингвистической и лингводидактической мысли в 21 веке (лингвистика, методика, перевод)» (22-23 мая 2025 г., Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, Рязань) (участие онлайн); XIII Международная конференция по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (5-7 июня 2025 г., Тюменский гос. ун-т, Тюмень); XXI Международная научно-практическая конференция «Искусство звука и света: Галеевские чтения – 2025» (3-6 июля 2025 г., фонд «Галеев-Прометей», Казань); Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и литература в социокультурном контексте» (23-26 октября 2025 г., Южный федер. ун-т, Ростов-на-Дону); XIV Международный конгресс по когнитивной лингвистике (22-25 апреля 2026 г., Пятигорский гос. ун-т, Пятигорск).

Основные положения и результаты исследования отражены в 29 публикациях, 7 из которых опубликованы в научных изданиях их перечня ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка принятых сокращений, глоссария и списка литературы.

ГЛАВА 1
ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутренняя речь представляет собой сложный феномен в антропоцентрической парадигме современного гуманитарного знания, отражающий диалектическое единство языка и мышления, когниции и автокоммуникации. Являясь скрытым, беззвучным, интроспективно данным процессом, естественная внутренняя речь (далее – ВР) практически недоступна для прямого эмпирического наблюдения и экспериментального воссоздания. В этой связи при изучении ВР необходимо опираться на данные её художественного воспроизведения. Художественный текст, выступая в качестве «вторичной моделирующей системы» [Лотман 1970: 16], становится уникальным материалом для исследования специфики литературной трансформации естественной ВР в творчестве писателей-психологов [Сакварелидзе 1975: 3], «едва ли не единственным полигоном концептуализации всего разнообразия чувственных, перцептивных впечатлений, которые получает и обрабатывает человеческое сознание» [Авдевнина 2022].

Многообразие научных подходов к изучению ВР обусловливает многозначность «понятия внутренней речи в его действительном научном статусе» [Ушакова 1985: 51]. Анализ научной литературы, с одной стороны, демонстрирует глубокую разработанность проблемы, а с другой – её методологическую фрагментарность. Результаты психологических и психолингвистических исследований ВР не всегда интегрированы в лингвистический и лингвостилистический анализ. Это требует последовательного рассмотрения результатов изучения ВР в психологическом, психолингвистическом, литературоведческом и лингвистическом аспектах [Артюшков 2004].

1.1 Психологическое направление в изучении внутренней речи

Для исследования внутренней речи (далее – ВР) персонажа как когнитивно-коммуникативного феномена психологический подход имеет фундаментальное значение. В трудах Б. Г. Ананьева [Ананьев 1960], П. П. Блонского [Блонский 1935], Л. С. Выготского [Выготский 1982], А. Р. Лурии [Лурия 2006], А. Н. Соколова [Соколов 1967] и др. были заложены основы понимания генезиса, структуры и функций ВР. В психологии ВР определяется как «беззвучная речь, скрытая вербализация, возникающая, напр., в процессе мышления» [Большой психологический словарь 2003] и выступает особой формой речемыслительной деятельности. В исследованиях формируется модель «естественной» ВР, которая впоследствии эстетически преобразуется в художественной литературе. Таким образом, обращение к психологическому направлению позволяет сформировать инструментарий для анализа речемышления персонажа.

Вопрос о генезисе ВР является наиболее дискуссионным. Согласно концепции Л. С. Выготского, ВР возникает из внешней, социальной речи в процессе её постепенной интериоризации. Развивая идеи Ж. Пиаже об эгоцентрической речи, Л. С. Выготский представил её как переходный этап. Эгоцентрическая речь используется ребёнком для регуляции собственного поведения и постепенно обеззвучивается, переходя в шёпотную, а затем в ВР «про себя и для себя» [Выготский 1982]. Иная концепция генезиса ВР представлена в работах П. П. Блонского. Исследователь полагает, что ВР развивается не последовательно, а параллельно с внешней речью, возникая «из слушания» как «непроизвольная, тихая, зародышевая, про себя производимая, симультанная, т. е. происходящая одновременно со слушанием, эхолалия» – повторение про себя слов взрослых [Блонский 1935: 155]. Несмотря на различия в понимании механизмов возникновения ВР, обе теории связывают ВР с внешней, диалогической речью, тем самым отмечая её коммуникативные свойства.

Л. С. Выготский впервые системно описал семантические и структурные особенности ВР. В семантическом плане ВР отличается преобладанием динамичного, контекстуального, личностного смысла над устойчивым,

словарным значением. Данная особенность проявляется в агглютинации – образовании «концентрированных сгустков смысла», «единых сложных слов для выражения сложных понятий», а также в идиоматичности – формировании индивидуального «внутреннего диалекта», понятного только субъекту [Выготский 1982: 346–351].

В синтаксическом плане ВР характеризуется сокращённостью, фрагментарностью, отрывочностью и предикативностью, т. е. тенденцией «всегда опускать подлежащее и состоять из одних сказуемых», поскольку субъект мысли известен говорящему и «образует фон сознания» [Выготский 1982: 331–346]. Важно подчеркнуть, что структура ВР динамична. Как показал А. Р. Лурия, в ситуации мыслительных затруднений предикативная по своей природе ВР разворачивается до полных грамматических конструкций, поскольку «произошла из развёрнутой внешней (речи) и данный процесс является обратимым» [Лурия 1979: 140]. В моменты эмоционального напряжения возможна экстериоризация ВР, выражающаяся в «непроизвольном проговаривании не вполне определённых звуковых комплексов», а также «открытой артикуляции слов и фраз внутренней речи, их громком проговаривании» [Страхов 1969: 14].

Современные исследования дополняют список особенностей ВР такими характеристиками, как дислексичность (нарушение грамматических норм в построении предложений и словоформ), переключаемость и многовекторность (способность удерживать в сознании одновременно несколько мыслей), а также инфильтрированность (наполнение ВР обсценной и инвективной лексикой, табуированной для внешней речи) [Ширяева 2023: 88–89].

ВР занимает значимое место в психической жизни человека, являясь полифункциональным инструментом мышления и когнитивной регуляции. В работах Б. Г. Ананьева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. Р. Лурии ВР выступает в качестве инструмента умственной ориентировки, преодоления интеллектуальных затруднений, планирования действий и организации работы памяти [Ананьев 1960; Блонский 1935; Выготский 1982; Гальперин 1957; Лурия 1979].

Современные исследования в области когнитивной психологии подтверждают и уточняют регулятивную роль ВР. Экспериментальные методы доказывают участие ВР в управлении вниманием [Karbach, Kray 2009; Laurent, Millot, Andrieu, Camos, Floccia, Mathy 2016; Nedergaard, Skewes, Wallentin 2023], в развитии когнитивной гибкости [Fernyhough 2016], в функционировании рабочей памяти (в моделях «фонологической петли» А. Бэддели и Г. Хитча [Baddeley, Hitch 1974]) и долговременной памяти [Fernyhough, Borghi 2023], а также в усвоении абстрактных понятий [Borghi, Fernyhough 2022]. ВР выполняет также функции самосознания и рефлексии. Она определяется как «один из общих механизмов сознания» [Ананьев 1960: 348] и обеспечивает работу «нравственного сознания с его переживаниями совести» [Ананьев 2001: 268], саморефлексии и метакогнитивного контроля [Morin 2018], что подчёркивает её оценочную и автокоммуникативную природу.

Таким образом, в психологических исследованиях ВР трактуется как сложный, динамичный феномен, генетически связанный с внешней диалогической речью. Она обладает специфической архитектоникой: её «особый синтаксис» характеризуется сокращённостью, фрагментарностью, отрывочностью, предикативностью, аграмматичностью и многовекторностью. Семантически ВР отличается от внешней речи преобладанием смысла над значением, агглютинативностью, идиоматичностью, инфильтрированностью. Выступая инструментом мышления, ВР функционирует как когнитивный регулятор психической деятельности, а также формирует самосознание и механизмы нравственной оценки. Рассмотренные концепции служат теоретическим фундаментом, позволяя комплексно описать ВР персонажа как моделируемую автором речемыслительную деятельность, а также её роль в когнитивных процессах мышления, памяти, внимания, восприятия и воображения.

1.2 Психолингвистический аспект: внутренняя речь в моделях речепорождения и речевосприятия

В психолингвистике внутренняя речь (далее – ВР) рассматривается в рамках теории речевой деятельности в работах Т. В. Ахутиной [Ахутина 2021], И. Н. Горелова и К. Ф. Седова [Горелов, Седов 2001], Н. И. Жинкина [Жинкин 1964], И. А. Зимней [Зимняя 2001], А. А. Леонтьева [Леонтьев 1969] и др. В данном контексте ВР определяется как «начальный момент порождения речевого высказывания, его “внутреннее программирование” до реализации в устной или письменной речи» [Большой психологический словарь 2003]. Тем самым ВР выступает этапом перехода от мотива и коммуникативного намерения к языковому оформлению высказывания и артикуляционно-моторной реализации. Анализ психолингвистических моделей речепорождения позволяет выделить два основных подхода к пониманию данного феномена.

Первый подход, намеченный Л. С. Выготским и развитый в трудах А. Р. Лурии, А. А. Леонтьева, Т. В. Ахутиной и др., рассматривает ВР как «внутреннее слово» между мотивом и внешней речью [Выготский 1982: 358]; как вербальное звено «в процессе превращения исходного замысла или симультанной “семантической записи”, смысл которой понятен лишь самому субъекту, в развёрнутую, протекающую во времени, синтагматически построенную систему значений» [Лурия 1979: 195].

Признание вербальности внутреннего плана речемышления в концепции Л. С. Выготского позволило последующим исследователям описать ВР как стадию смыслового синтаксирования и внутренней организации содержания будущего высказывания. В данной концепции ВР понимается как промежуточное звено между мотивационно-целевым этапом и исполнительно-контрольной реализацией внутренней программы во внешней речи.

Обобщающей схемой речепорождения выступает концепция Т. В. Ахутиной, известная в науке как «модель Л. С. Выготского – А. А. Леонтьева – Т. В. Ахутиной»: «мотив → преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего → смысловое

синтаксирование (выбор внутренних слов по значению) → семантическое синтаксирование (выбор слов по значению) → поверхностное синтаксирование (выбор слов по форме) → кинетическое программирование (выбор артикулем)» [Ахутина 2021: 425]. В данной модели уровни смысловой организации, семантического выбора и грамматического оформления отражают превращение мотива в линейную синтаксическую структуру и далее – в артикуляционное выражение. Тем самым данный подход трактует ВР как вербальное явление, оформляющее замысел в речевую последовательность.

Альтернативный подход, представленный в теории кодов Н. И. Жинкина и развитый И. Н. Гореловым и К. Ф. Седовым, напротив, базируется на признании невербальной природы мышления [Горелов, Седов 2001]. В рамках данной концепции ВР трактуется как функционирование особого, лишённого языкового знака универсально-предметного кода (УПК), оперирующего образами, схемами и представлениями. Речемыслительный механизм осуществляется путём динамичного перевода предметно-схемного кода во внешний речедвигательный код [Жинкин 1964].

Данный подход объясняет структурные отличия ВР от внешней речи: на глубинном уровне ВР оперирует не лексемами, а целостными образными структурами, которые лишь впоследствии декодируются в лексико-грамматические формы. Концепция Н. И. Жинкина позволяет объяснить специфику художественной репрезентации «потока сознания», образность, ассоциативность и фрагментарность которого обусловлены нелинейностью и синкретизмом универсально-предметного кода.

При изучении ВР персонажа мы придерживаемся вербально-ориентированной концепции Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева и Т. В. Ахутиной, поскольку данный подход методологически необходим для лингвистического анализа языковых средств и структурных форм, объективирующих речемыслительную деятельность литературного героя.

В отечественной психолингвистике ВР играет значимую роль не только в порождении, но и в восприятии речи – сложной «перцептивно-мыслительно-

мнемонической деятельности» [Зимняя 2001: 309]. В процессе речевосприятия И. А. Зимняя выделяет два уровня: перцептивный и смысловой. Перцептивный уровень связан с восприятием внешней, звуковой формы сообщения, смысловой – направлен на «осмысление», закономерно приводящее к пониманию или непониманию информации [Зимняя 2001: 297–309]. В данном контексте ВР является внутренним механизмом конструирования смыслов. Согласно идеям А. И. Новикова, она формирует «содержание текста как результат понимания» и обеспечивает «область кодовых переходов» от «внешних кодов языка к внутреннему коду интеллекта» [Новиков 1983: 46].

Когнитивно-ориентированное уточнение психолингвистических моделей речепорождения связано с работами Е. С. Кубряковой, подчёркивающей зависимость порождения речи от организации знаний и ментального лексикона. Как отмечает исследователь, если часть знаний хранится «в виде сложившихся пропозиций», то соответствующий тип речи связан с «извлечением из памяти определённого кванта информации», структурированной предшествующим опытом. Речепорождение зависит не только «от языковой способности человека, но и от организации его интеллекта, его оперативного мышления, от всей базы знаний в его ментальном лексиконе» [Кубрякова 1991: 79].

Следовательно, психолингвистическое направление представляет ВР как динамичный процесс и центральный этап порождения и восприятия высказывания. Дискуссии о вербальной и невербальной природе ВР не исключают её опосредующую, переходную функцию от мотива и коммуникативного намерения к внешнему, речевому воплощению. Психолингвистические положения служат теоретической основой для художественного моделирования ВР в процессах речепорождения и речевосприятия.

1.3 Литературоведческий аспект изучения внутренней речи персонажа

Если в психологии и психолингвистике исследуется внутренняя речь (далее – ВР) как реальный речемыслительный процесс, то литературоведческое и

лингвистическое направления сосредоточивают внимание на механизме художественного воплощения ВР персонажа.

Методологически значимым в данном аспекте является тезис В. В. Виноградова о том, что ВР в художественном тексте представляет собой условную литературную форму [Виноградов 1939]. Натуралистическое воспроизведение естественной ВР в произведении невозможно, поскольку реальная ВР эгоцентрична, свёрнута и не рассчитана на внешнее восприятие. Как отмечает В. В. Виноградов, «переход от внутренней речи к внешней представляет собой не простое присоединение звуковой стороны к молчаливой речи, а сложное качественное превращение особого внутреннего плана речевого мышления в другие структурные формы, присущие внешней речи» [Виноградов 1939: 181].

Автор художественного текста стилизует ВР, используя средства внешней, литературно-разговорной речи. В литературоведческой традиции такая стилизация часто обретает форму внутреннего монолога (далее – ВМ), который определяется как «обращённое к самому себе высказывание героя, непосредственно отражающее внутренний психологический процесс, монолог “про себя”, в котором имитируется эмоционально-мыслительная деятельность человека в её непосредственном протекании» [ЛЭС 1987: 65]. ВМ выступает в качестве основного инструмента психологизма, раскрывающего образ персонажа и идейно-художественный замысел автора, что нашло отражение в трудах М. М. Бахтина [Бахтин 2002], Л. Я. Гинзбург [Гинзбург 1977], Л. П. Гроссмана [Гроссман 1959], А. П. Скафтымова [Скафтымов 1972] и др.

Анализ научной литературы выявил две основополагающие и полярные модели художественного изображения ВР в русской литературе.

Модель Л. Н. Толстого основана на принципе «диалектики души» (Н. Г. Чернышевский). Она заключается в особом типе психологизма, изображающем «текучий» внутренний мир беспрестанно эволюционирующих персонажей [Бочаров 1979: 88], и демонстрирует противоречивую сложность их душевного мира [Эткинд 1998: 273]. Данный принцип воссоздаёт многомерный процесс речемышления персонажа, в котором писателю, как отмечает А. Б. Есин,

«одинаково важны и эмоции, и настроения, и ходы мысли, и воспоминания, и образы фантазии, и желания, и подсознательные процессы» [Есин 1988: 127]. Данный процесс, по наблюдению А. П. Скафтымова, образует «неразрывность внешнего и внутреннего бытия», отражает «непрерывный индивидуальный поток бегущих столкновений, противоречий, всегда вызванных и усложнённых теснейшими связями психики с окружающей обстановкой текущего момента» [Скафтымов 1972: 165]. Мысли и чувства героев раскрываются в их «обычной бытовой распределенности среди множества всяких привходящих и сопутствующих впечатлений» [Скафтымов 1972: 181], что придаёт достоверность внутреннему миру персонажей.

«Диалектика души» становится инструментом авторского исследования, позволяя «наглядно и художественно убедительно проследить во всех подробностях процесс нравственного самосовершенствования человека» [Есин 1988: 127]. ВМ персонажа отражает значимую для Л. Н. Толстого проблему свободной воли: использование «бесконечно малого момента свободы» для совершения нравственного выбора [Шутеева 2008: 234] демонстрирует напряжённую внутреннюю работу, итогом которой становится выстраданная морально-этическая истина.

Психологизм Толстого не сводится исключительно к изображению «текучести» сознания. «Диалектика души» разворачивается в рамках устойчивых типологических структур личности, определяющих поведение, мышление и эмоциональные реакции героев. Как справедливо отмечает Л. Н. Духанина, «уникальность Толстого-писателя не только в том, что личностные структуры, изображаемые им, не аморфны и более чем узнаваемы, но и в том, что герои всегда поступают, думают, действуют исключительно в строгих рамках своей структуры личности» [Духанина 2011: 24]. Как следствие, толстовская модель гармонично сочетает «текучесть» внутреннего мира с изображением характерологических особенностей, определяющих глубину психологического анализа.

Антитезой «монолитно монологичному» миру Л. Н. Толстого [Бахтин 2002: 66] является модель художественного воплощения ВР в творчестве Ф. М. Достоевского. Она определяется М. М. Бахтиным как «диалогическая открытость» [Бахтин 2002: 300] и демонстрирует другой тип ВР – внутренний диалог (далее– ВД), отражающий «борьбу сил в душе героя» [Эткинд 1998: 217]. Подобная форма речемышления представляет собой «микродиалог», в котором «все слова двуголосые, в каждом из них происходит спор голосов», перерастающий в скрытую полемику героя с самим собой, с другими персонажами, с автором, с миром [Бахтин 2002: 87]. Как отмечает Л. П. Гроссман, новаторская форма «внутренней драмы исстрадавшейся души» [Гроссман 1959: 361] напрямую связана с центральной темой Достоевского – «раздвоением сознания, расщеплением личности главного персонажа» [Гроссман 1959: 352]. Противоборство естественного человека и социальных ролей во «внутреннем человеке» [Эткинд 1998: 268] обостряется в моменты «душевных катастроф, нравственного конфликта» [Акимова 2024: 146], обнажая «предельную напряжённость сознания, безудерж страстей» [Гроссман 1959: 368] и «зарождение духовных изменений» [Акимова 2024: 146].

Принципы изображения внутреннего мира, восходящие к классическим традициям XIX века, получают дальнейшее развитие в литературе XX века. И. А. Бунин, по мнению исследователей, создаёт «синтетическую» форму психологизма, в которой ВМ персонажа сливается с потоком чувственного восприятия мира («потоком внешних впечатлений» [Пращерук 1997: 68]) и авторским психологическим анализом [Ковалева 2025: 36].

В современной прозе ВМ демонстрирует ещё более широкое разнообразие художественных функций. У Е. Водолазкина он трансформируется в «гибридную диалогизированную форму обращения к умершей героине», «оживляя» адресата и утверждая «идею бессмертия в слове и памяти» [Калинина 2023: 184]. В прозе В. Пелевина ВМ, ориентированный на «навязчивое желание самообъяснения», служит инструментом самопрезентации героя. Однако «сложная и неявная система “саморазоблачений” и оговорок героя», обнажая подсознание и

корректируя созданный героем образ, становится авторским инструментом управления читательским восприятием [Миллер 2023]. У З. Прилепина ВМ с элементами самоанализа и символическими снами показывает душевную опустошённость героев, одиночество и внутреннюю борьбу [Спешилова 2024: 106].

Таким образом, литературоведческий подход к изучению ВР персонажа рассматривает её как приём психологизма, основными формами которого выступают ВМ и ВД. Анализ эволюции ВМ в русской прозе демонстрирует переход от монологической «диалектики души» Л. Н. Толстого и диалогической драмы сознания Ф. М. Достоевского к синтетическим и гибридным формам психологизма в литературе XX–XXI веков. ВМ оказывается динамичным, многофункциональным феноменом, который служит средством психологического анализа и выполняет сложные идейно-философские, игровые задачи в соответствии с художественной системой автора. Изучение ВР позволяет проследить развитие форм психологизма и изменение представлений о структуре сознания в различные литературные эпохи.

1.4 Структурно-типологический аспект изучения внутренней речи персонажа

Лингвистические исследования сосредоточены на языковых средствах, с помощью которых создаётся «своеобразное моделирование» внутренней речи (далее – ВР) в художественном тексте [Кольцова, Карташкова 2018: 59].

В свою очередь, структурно-типологическое направление систематизирует и классифицирует текстовые формы, с помощью которых представлена «художественно преобразованная внутренняя речь» [Сельченок 1988]. В рамках этого исследовательского подхода выстраивается многоуровневая классификация, позволяющая упорядочить и унифицировать терминологический аппарат.

На первом уровне ВР рассматривается как «чужая речь» по отношению к авторской и классифицируется с точки зрения субъектно-речевого плана автора и персонажа по аналогии с формами внешнего межличностного общения. Исследователями традиционно выделяются прямая, косвенная и несобственно-

прямая ВР [Сакварелидзе 1975; Зименкова 1989; Сахнович 1990; Гусева 2002; Артюшков 2004; Погребняк 2012; Сергеева 2017]. В частности, И. В. Артюшков предлагает четырёхчленную структурно-семантическую модель, включающую прямую, косвенную, тематическую и несобственно-прямую речь (далее – НПР) [Артюшков 2004: 190]. В рамках данной типологии прямая ВР понимается как «воспроизведение ВР в субъектно-речевом плане самого персонажа» [Сакварелидзе 1975: 11]; косвенная ВР – как «переложение» мыслей персонажа в плане автора-рассказчика [Сакварелидзе 1975: 9]; в тематической речи речемышление представляется автором в общем виде, называется только тема [Артюшков 2004: 323–329]; НПР – как «воспроизведение ВР через интерференцию двух субъектно-речевых планов» автора и персонажа [Сакварелидзе 1975: 10]. Как отмечает Л. А. Соколова, посредством НПР писатель «может передавать внутреннюю речь героя, его внешнюю речь или просто точку зрения героя, не оформленную как “речь”, но способствующую подаче всех событий путём введения отдельных слов и оборотов, под углом зрения героя» [Соколова 1968: 29]. Значимым параметром НПР выступает характер взаимодействия автора и персонажа. Исследователь различает такие типы, как «самоустранение» повествователя при отчётливости границы с планом персонажа; «тесное взаимодействие автора и героя», при котором они участвуют в повествовании «как бы на равных правах, часто сменяя друг друга»; и главенство автора, позволяющего «время от времени сказать своё слово герою» [Соколова 1968: 25–28].

Концепция «интериоризованного дискурса» Ю. В. Погребняк расширяет типологию включением «всех видов мыслительных операций субъекта, направленных “на себя”» (сновидения, обрывочные эмоциональные реакции, мечтания, предположения и воспоминания) [Погребняк 2012: 10]. Исследователь дополняет прямую речь и НПР формой «условно интериоризованной речи» – авторской передачей мыслей персонажа, которые «могут даже не находить вербального выражения» в ментальном плане героя [Погребняк 2012: 122–123].

Следующий уровень структурно-типологического описания связан с объёмом форм ВР и типом внутренней коммуникации: *внутреннее реплицирование (репликация), внутренний монолог* и *внутренний диалог* [Архипова 2003; Артюшков 2004; Погребняк 2012; Сергеева 2017].

Внутреннее реплицирование как форма ВР представляет собой «краткие, невзаимосвязанные высказывания, возникающие обычно в неречевых ситуациях, либо отражающие внутренний комментарий индивидуума к воспринимаемой им внешней речи» [Сергеева 2017: 21]. М. В. Архипова обосновывает данное явление как самостоятельную единицу и «простейшую форму художественной реализации внутренней речи» [Архипова 2003: 5]. И. В. Артюшков детализирует реплицированную прямую ВР, выделяя монологические, диалогические и комбинированные реплики, а также показывая их семантико-функциональное разнообразие, включающее констатацию, воспоминание, характеристику, комментарий, намерение, желание, чувствование, раздумье; вопросы и побуждения [Артюшков 2004: 214–225].

В. В. Прозоров расширяет анализ данной формы ВР за счёт введения понятия «внутренней немой сцены» – автокоммуникативного феномена, при котором внезапный сигнал (внешний или внутренний) прерывает речемыслительный процесс, приводя к озарению или потрясению и придавая мысли «новые качественно-смысловые импульсы» [Прозоров 2025: 169].

Внутренний диалог (далее – ВД) также описывается как одна из форм ВР, «обладающая собственной структурой, семантикой и коммуникативной природой». ВД определяется как «последовательность диалогически взаимосвязанных высказываний, порождаемых индивидуумом и непосредственно воспринимаемых им в процессе интраперсонального общения» [Сергеева 2017: 41]. Методологически значимым выступает разграничение явного и скрытого ВД. В явном ВД выражены «две или более речевые позиции» [Сергеева 2017: 49], в скрытом – «одна речевая позиция выражена в произносимой внутренней речи, а другая – в представленной» [Сергеева 2017: 51].

Следующая форма ВР – *внутренний монолог* (далее – ВМ). Он определяется как «сложная форма одностороннего речевого общения индивидуума с самим собой», «фиксирующая конечные результаты собственного мыслительного процесса» и характеризуется «содержательной цельностью и непрерывностью» [Сергеева 2017: 31].

На третьем уровне ВМ типизируются по «направлению движения речемыслительной деятельности персонажа» [Сергеева 2017: 34]. С точки зрения временной направленности выделяются ретроспективный, актуальный и проспективный типы ВМ [Федорчук 1990; Гусева 2002; Сергеева 2017]. И. В. Страхов определяет их как монологи-воспоминания, монологи-размышления и монологи-мечтания [Страхов 1969].

В соответствии с доминантами сообщения выделяются повествующие, аналитические, побуждающие, эмоциональные, смешанные ВМ [Артюшков 2004: 251–259; Сакварелидзе 1975: 29]. Ю. В. Погребняк дополняет этот перечень жанрово-типологическим делением интериоризованного дискурса по преобладанию понятийной (констатация или описание фактов, размышление, рассуждение, анализ), эмоционально-оценочной (выражение эмоций и выражение оценок) или образной составляющей (предположение, воспоминание, фантазия, проекция, план, сюжет, сновидение) [Погребняк 2012: 170].

В. В. Виноградов, обозначая проблему художественной объективации ментальных процессов, предложил классификацию ВМ по степени организации речемыслительного процесса. Логический ВМ представляет собой «полный необычайного синтаксического напряжения и семантического лаконизма и энергии, своеобразный логизованный стиль литературного языка» [Виноградов 1939: 188]. Алогический ВМ сближается с потоком сознания, в котором «слова и мысли <…> движутся в стремительном и беспорядочном порыве, как бы освобождённые наполовину от логико-синтаксических и предметно-смысловых форм литературного выражения. Они кружатся, отдаваясь индивидуальным прихотливым ассоциациям и нарушая семантическую последовательность привычного синтаксического и фразеологического ряда» [Виноградов 1939: 184].

Именно алогический ВМ, изображающий «нерасчленённый и в то же время прерывистый поток сознания» [Гинзбург 1977: 339], создаёт «иллюзию живого процесса эмоционально-мыслительного акта как сложного клубка сталкивающихся мыслей, чувств и разнообразных побуждений» [Скафтымов 1972: 179], когда «действительность, непрерывно вторгаясь в сознание, своими толчками неустанно разрывает взятый ход мысли на множество раздробленных линий» [Скафтымов 1972: 179].

В современном научном дискурсе проблема соотношения ВМ и потока сознания (далее – ПС) остаётся дискуссионной. Первая позиция разграничивает ВМ и ПС как явления разных уровней. Н. И. Сакварелидзе рассматривает ВМ как стилистический приём передачи ВР в художественном тексте, а ПС как психологический феномен, объективирующий мыслительную деятельность [Сакварелидзе 1975]. Г. Г. Ярмоленко предлагает семантический критерий для разграничения ВМ и ПС: ВМ воспроизводит осознаваемые психические процессы, а ПС – неосознаваемые, что обусловливает его иррациональность и хаотичность [Ярмоленко 1982].

Представители альтернативного направления под ПС понимают «предельную степень, крайнюю форму внутреннего монолога, в которой объективные связи с реальной средой нередко трудно восстановимы» [ЛЭС 1987: 292]. Эта точка зрения разделяется И. В. Артюшковым [Артюшков 2004], М. Т. Гаибовой [Гаибова 1986], В. А. Кухаренко [Кухаренко 1988], Т. Л. Мотылевой [Мотылева 1965], О. С. Федотовой [Федотова 2007] и др. Т. Л. Мотылева определяет ПС как стилистическую вариацию ВМ, «воспроизведение подспудной, неслышной, подчас логически не упорядоченной внутренней речи человека» [Мотылева 1965: 47].

И. В. Артюшков полагает, что «ВР и “поток сознания” – это способы изображения разных стадий речемыслительной деятельности персонажей», поскольку ПС изображает зарождение мысли, «психически нерасчленённую» «начальную стадию», тогда как ВР – «внутреннее говорение как заключительную стадию» [Артюшков 2004: 187].

ВМ представляет собой единственную форму изображения для ПС и основную для ВР [Артюшков 2004]. Ю. М. Сергеева считает ПС «крайним случаем актуального внутреннего монолога, “пограничным” с галлюцинациями» [Сергеева 2017: 38].

Таким образом, структурно-типологическое направление систематизировало способы репрезентации ВР в соответствии с субъектно-речевыми планами и формами представления чужой речи: прямая, косвенная, НПР, тематическая; разработало типологию структурно-композиционных форм: внутреннее реплицирование, внутренний монолог и внутренний диалог. Определены параметры описания форм ВР в соответствии с доминантами сообщения: повествующие, аналитические, побуждающие, эмоциональные, смешанные или с преобладанием понятийной, эмоционально-оценочной и образной составляющей.

Следовательно, для структурно-типологического анализа языкового материала в практической части нашего исследования значимы следующие оппозиции: по субъектно-речевому плану – прямая ВР vs. косвенная ВР (ВР в авторском пересказе); по коммуникативной структуре – внутренний монолог vs. внутренний диалог; по степени развёрнутости – внутренняя реплика vs. внутренний монолог; по степени когнитивной обработки – логическая ВР vs. алогическая ВР (поток сознания); по степени интериоризации – беззвучная ВР vs. произнесённая ВР. Данные оппозиции дифференцируют и классифицируют контексты ВР, формируя корпус для последующего когнитивного и коммуникативного анализа.

1.5 Структурно-функциональный аспект изучения внутренней речи персонажа

В рамках структурно-функционального направления исследователи выявляют и описывают лексико-грамматические средства, служащие сигналами «стилизации подлинной внутренней речи» персонажа в художественном тексте [Логинов 1992: 5]. Внутренняя речь (далее – ВР) рассматривается как «текстовая

композиционно-стилистическая категория» [Логинов 1992], её анализ направлен на выявление функций языковых единиц, создающих «образ мышления» героев.

На лексическом уровне эмоционально-экспрессивные единицы (разговорно-просторечные слова, профессионализмы, архаизмы и т. д.) в ВР персонажа реализуют «функцию эксплицитного субъектного актуализатора» [Сергеева 2017: 147]. Их отбор социально и психологически обусловлен, а также отражает кругозор и речевой портрет героя.

Модальные слова, передающие «отношение думающего к объекту своего высказывания» [Сергеева 2017: 149], служат «средством демаркации плана персонажа в авторском повествовании» [Сергеева 2017: 149].

Антропонимические экспрессивы (эмоционально-оценочные номинации) также являются маркером точки зрения персонажа. Исследования показывают, что в интраперсональной коммуникации, особенно в самооценочных суждениях, доминируют «высказывания отрицательного вектора» (самокритика и самоосуждение) [Кольцова, Карташкова 2018].

Грамматические средства стилизуют особенности естественного речемышления – диалогичность, предикативность, субъективность, фрагментарность, ассоциативность, ситуативность и эмоциональную насыщенность.

ВР диалогизируется с помощью вопросов, цепочек вопросов, вопросо-ответных структур (единств, комплексов), обращений, повелительного наклонения, «мы»-форм и глагольных и местоименных форм 2-го лица [Ковтунова 1986; Кошкаров 1987; Логинов 1992; Моисеева 1998; Гнатишина 2009; Фотина 2017; Скорик 2017 и др.]. Особое место в этом ряду занимает вопрос, выступающий в качестве инструмента, стимулирующего динамику размышлений [Логинов 1992; Изотова 2017], объективирующего «ассоциативный характер мышления, спонтанность появления тех или иных тем в ВР» [Артюшков 2004: 227]. Вопросительные и побудительные предложения отражают состояние повышенной эмоциональной напряжённости, внутренней борьбы и поиска решения [Зименкова 1989; Сергеева 2017; Скорик 2017].

Комплекс синтаксических средств [Оюн 1998; Погребняк 2012] становится инструментом психологизации повествования. Фрагментарность и спонтанность речемыслительного процесса поддерживаются эллиптическими конструкциями [Сергеева 2017: 163]. Парцелляция отражает «расчленённость подачи информации» и фрагментарность мышления [Бобрикова 2008: 13; Сергеева 2017: 165]. Асиндетон (бессоюзие) усиливает нелинейность, прерывистость, рассеянность мыслительного процесса, нарастающее напряжение мыслей и чувств [Сергеева 2017: 165].

Предикативность и субъективность проявляются в односоставных предложениях. Р. Р. Набиуллин на материале произведений Л. Н. Толстого выявляет предикативность и наглядно-чувственный характер односоставных глагольных предложений в ВР. Безличные и инфинитивные предложения частотны в изображении психоэмоциональных состояний [Набиуллин 2010]. Номинативный синтаксис (именные сенсоиды) в потоке сознания отражает «ассоциативную работу сознания, так как непосредственно называет Объекты восприятия Субъекта потока сознания» [Уфимцева 2007: 4].

Прерванные, или усечённые конструкции, графически обозначенные многоточием, характеризуют «диалектическое противоречие между непрерывностью мышления и дискретностью речи» и отражают «обрывы и перескакивание мысли с предмета на предмет, задержки в “порождении” мысли» [Кошкаров 1987: 15]. Данные синтаксические конструкции передают эмоциональную трудность или нежелание продолжать мысль [Сергеева 2017: 164]. В интериоризованном дискурсе «стилистически значимое многоточие» выражает сожаление, разочарование, сомнение, неуверенность, возмущение, а также описывает ситуации, когда персонаж «сталкивается с поразительными фактами» и ему «эмоционально трудно говорить и/или думать» [Погребняк 2012: 229].

Повторы и полисиндетон выступают как «экспансиональные конструкции» [Сергеева 2017: 166]. В прозе Ф. М. Достоевского повтор описывается как показатель «мук слова», когда одна и та же мысль варьируется многократно и

«знаменует собой поиски мысли, поиски “слова”, поиски “начал”, причин и следствий и т. п.» [Кошкаров 1987: 13–14].

Выбор языковых средств ВР обусловлен не только индивидуально-психологическими, но и гендерными аспектами. Исследования Е. Н. Бобриковой [Бобрикова 2008], Е. М. Исаковой [Исакова 2011], О. В. Омелькиной [Омелькина 2018] показывают, что для ВР персонажей женского пола более характерны абстрактные существительные, эмоционально-оценочная лексика, восклицательные и вопросительные конструкции, в то время как ВР персонажей-мужчин тяготеет к повествовательности, конкретной лексике, меньшему количеству экспрессивных синтаксических конструкций.

Структурно-функциональное направление разработало систему лексико-грамматических средств для анализа особенностей ВР персонажей: субъективности (экспрессивность, модальность, оценочность), диалогичности, эмоциональной напряжённости, фрагментарности, непосредственности восприятия, ассоциативности и предикативности. Комплекс лексико-грамматических средств используется в исследовательской части работы для описания речемышления персонажей, моделирования когнитивных процессов и выявления коммуникативных особенностей ВР.

1.6 Лингвокогнитивный аспект изучения внутренней речи персонажа

Лингвокогнитивное направление выявляет взаимосвязь языковых особенностей ВР, когнитивных процессов, которые она моделирует, и структур сознания. В данном контексте внутренняя речь (далее – ВР) рассматривается как вербализация когнитивных структур, отражение концептуальных систем, метафорических моделей и оценочных фреймов, формирующих внутренний мир персонажа и реконструирующих индивидуально-авторскую картину мира [Буцыкина 2004; Федотова 2007; Салимова 2007].

ВР является средством реконструкции персонажной и индивидуально-авторской картины мира. Концептуальный анализ внутренних монологов и внутренних диалогов позволил Н. Е. Буцыкиной выявить в художественной прозе

Ф. Мориака «вершинный» концепт ЛЮБОВЬ, который организует речемышление героев и отражает ценностную иерархию автора [Буцыкина 2004]. С. Ю. Лаврова и Л. А. Ермакова определили ключевые концепты, организующие содержание ВР персонажа (СЛУЖЕНИЕ, ДОЛГ, ДОСТОИНСТВО и др.) в романе Кадзуо Исигуро «Остаток дня» [Лаврова, Ермакова 2021].

Внутренний мир и эмоциональное состояние персонажа осмысляются и описываются с помощью метафорической модели. Анализ стилистических средств ВР (эпитетов, сравнений, метафор) позволяет определить когнитивные структуры. Внутреннее пространство персонажа, его мысли и ощущения репрезентируются метафорическим концептом «контейнер». Источниками метафорической проекции являются области природных явлений (туман, вода, темнота), температурных показателей («отрицательные эмоции ассоциируются с холодом, а состояние душевного комфорта ассоциируется с образом тепла»), а также пространственная локализация (замкнутое, нереальное или «внешнее» пространство) [Федотова 2007]. Образный язык концептуализирует природу психических процессов персонажей.

Модальность ВР рассматривается как способ объективации авторского сознания. С помощью фреймового анализа выявляются частотные виды субъективной модальности в ВР персонажей английских и русских текстов – эпистемическая (описывающая) и аксиологическая (оценивающая). Исследования показывают, что для ВР характерно усиление субъективной модальности и преобладание отрицательной оценки [Салимова 2007].

Лингвокогнитивный подход позволяет выявить концептуальную информацию, реконструирующую индивидуально-авторскую картину мира, когнитивные механизмы субъективной интерпретации действительности и фреймовую организацию модальности. Результаты исследований данного направления определяют концептуальный анализ ВР, объективируемый когнитивными структурами (концепты, метафорические модели, модальные фреймы).

В практической части нашего исследования фокус лингвокогнитивного анализа ВР не предполагает реконструкции когнитивных структур (концептов, метафорических моделей, фреймов). Наше исследование состоит в когнитивном моделировании ВР персонажа в художественном тексте, а также процессов речемышления, речепорождения и речевосприятия. Вектор анализа «от ментальных (содержательных) категорий – к их текстовым репрезентациям» соответствует подходу, принятому в когнитивной поэтике [Тарасова 2018: 42]. Как отмечает Л. О. Бутакова, психолингвистическое понимание связи смысла и формы позволяет «вскрыть механизмы творчества “изнутри”, показать мотивировку выбора формы для представления смысла» [Бутакова 2001: 31]. Данная методология позволяет рассматривать идиостиль писателя как динамичную модель речемыслительной деятельности [Бутакова 2001] и систему «индивидуальных способов употребления и функционального преобразования единиц в эстетически значимые элементы художественного текста» [Пищальникова 1992: 20]. Применение когнитивно-ментального анализа [Бутакова 2001] позволяет обнаружить взаимосвязь языковой репрезентации ВР и моделируемых ею процессов речемышления, речепорождения и речевосприятия.

1.7 Коммуникативно-прагматический аспект изучения внутренней речи персонажа

Коммуникативно-прагматический подход к исследованию внутренней речи (далее – ВР) основывается на положении Л. С. Выготского о том, что ВР «не предназначена для сообщения, это речь для себя» [Выготский 1982: 351]. Однако замкнутость речи «на себе» не означает отсутствия коммуникации. Ю. М. Лотман показал, что «сообщение самому себе уже известной информации» представляет собой особый тип коммуникации в системе «я – я», или автокоммуникацию [Лотман 2000]. Теоретической основой понимания ВР как автокоммуникативного акта служит идея М. М. Бахтина о «диалогической природе сознания» [Бахтин 1986: 336]. Основная цель автокоммуникации заключается не в передаче новой информации, а в «переформулировании» сообщения, вследствие чего оно

приобретает новый смысл [Лотман 2000]. В рамках данного направления ВР понимается как автокоммуникация [Лотман 2000], интраперсональное общение [Сергеева 2017] и анализируется как речевой акт, обладающий иллокутивной силой и направленный на внутреннего адресата.

В современной лингвистике выделяется типология адресатов в ВР, которые могут быть как ипостасями собственного «я», так и интериоризованными образами: обращение к себе как к другому лицу, «второму я», отсутствующему, воображаемому или потенциальному собеседнику, «нададресату» (Богу), читателю [Попова 2002; Леонова 2005; Сергеева 2009; Погребняк 2012]. Моделирование автокоммуникации позволяет автору объективировать внутренний конфликт персонажа [Ларина 2014], его сомнения и ценностные установки. Рассмотрение ВР как коммуникативного акта позволяет анализировать её с точки зрения речевых тактик и стратегий. Автокоммуникация включает в себя не только размышления персонажа, но и убеждение, критику, оправдания, планирование. Современные исследования свидетельствуют о реализации макроречевых актов (ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы) и типов речевого поведения (интровертный и экстравертный) [Гнатишина 2009]. В рамках интериоризованного критического дискурса авторами фиксируются коммуникативные тактики сравнения и противопоставления, отражающие саморефлексию и деструктивную самокритику, которые усиливают негативное самовосприятие [Новикова 2024]. Анализ таких тактик позволяет выявить механизмы саморегуляции и самооценки персонажа, его аксиологическую систему и скрытые мотивации [Ван 2023: 7].

Исследователями отмечается двойственная прагматика ВР в художественном тексте [Абитова 1999]. С одной стороны, ВР представляет собой автокоммуникацию в рамках самонаправленной прагматической системы «персонаж – персонаж», которая вовлекает рациональное и эмоциональное начала личности в поиск ответа на вызовы внешнего мира или собственного разума [Сергеева 2017: 155]. С другой стороны, ВР является частью системы «автор –

читатель». ВР выступает инструментом, позволяющим автору решать свои прагматические задачи по управлению читательским восприятием.

Коммуникативно-прагматическое направление анализирует ВР как интраперсональное общение, представляющее собой динамичный процесс речевого действия, направленный на решение когнитивно-коммуникативных задач. В рамках данного направления выявляются коммуникативные стратегии и тактики персонажа, которые позволяют реконструировать его аксиологическую систему и механизмы принятия решений; учитывается двойственная прагматика ВР персонажа и автора.

Рассмотрение ВР в коммуникативно-прагматическом аспекте позволяет в практической части нашего исследования перейти к моделированию речевой деятельности, к анализу коммуникативных стратегий кооперации и конфронтации, а также образующих их тактик в процессах речепорождения и речевосприятия. В процессе речепорождения в ВР отражается программирование стратегии будущего высказывания, а в процессе речевосприятия в ВР оцениваются и интерпретируются речевые действия собеседника.

Таким образом, под *внутренней речью персонажа в художественном тексте понимается языковая репрезентация интраперсональной коммуникации, моделирующая когнитивные процессы мышления, памяти, внимания, восприятия, воображения и речевую деятельность персонажа (процессы речепорождения и речевосприятия) с помощью специфических лексико-грамматических средств и структурных форм.*

Дальнейшее изучение ВР персонажа заключается в интеграции существующих подходов и выработке целостной межуровневой модели анализа. Необходимость такого мультидисциплинарного интегрального подхода – одна из центральных идей современной гуманитарной науки [Дементьев 2024]. Мультидисциплинарный подход позволяет создать интегральную модель анализа ВР персонажа в художественном тексте и рассматривать ВР одновременно как языковой, когнитивный и коммуникативный феномен.

Теоретический анализ проблемы ВР показал, что, несмотря на значительность накопленного материала, в науке отсутствует интегральная модель анализа ВР. На основе синтеза подходов, объединяющих психологию, психолингвистику, структурно-типологический, структурно-функциональный, лингвокогнитивный и коммуникативно-прагматический аспекты, нами разработана интегральная модель анализа ВР. Данная модель является методологической основой исследования и представляет собой следующий алгоритм.

Интегральная модель анализа внутренней речи персонажа как когнитивно-коммуникативного феномена

Цель – провести интегральный анализ контекстов ВР, установив связи между языковой формой ВР, когнитивным содержанием и коммуникативной функцией.

Этап 1. Структурно-типологическая идентификация.

Задача: определить формальный тип ВР.

Инструмент анализа: структурно-типологический анализ по ряду бинарных оппозиций: по субъектно-речевому плану (прямая ВР vs. косвенная ВР); по коммуникативной структуре (внутренний монолог vs. внутренний диалог); по степени развёрнутости (внутренняя реплика vs. внутренний монолог); по степени когнитивной обработки (логическая ВР vs. алогическая ВР); по степени интериоризации (беззвучная ВР vs. произнесённая ВР).

Результат: формирование классифицированного корпуса контекстов ВР.

Этап 2. Структурно-функциональное описание.

Задача: выявить языковые средства, формирующие тип ВР.

Инструмент анализа: анализ лексико-грамматических средств диалогизации, адресованности, эмоциональности, оценочности, фрагментарности и т. д. в каждом фрагменте ВР.

Результат: описание языковой репрезентации ВР, определение функции ВР персонажа.

Этап 3. Лингвокогнитивная интерпретация.

Задача: установить моделируемые процессы речемышления, речепорождения и речевосприятия.

Инструмент анализа: моделирование когнитивных процессов, моделирование этапов речепорождения и речевосприятия.

Результат: установление корреляции между языковой репрезентацией потока сознания, внутренней реплики-реакции, внутреннего монолога как заключительного этапа ВР, произнесённой внутренней речи, внутреннего монолога в авторском пересказе, внутреннего диалога и когнитивными процессами мышления, памяти, внимания, восприятия и воображения; установление корреляции между языковой репрезентацией ВР и речепорождением (подготовка будущего высказывания) vs. речевосприятием (осмысление сообщения собеседника).

Этап 4. Коммуникативно-прагматическая характеристика.

Задача: определить стратегии и тактики автокоммуникации.

Инструмент анализа: коммуникативные стратегии (кооперация vs. конфронтация) и тактики, их образующие.

Результат: определение коммуникативной цели ВР, создание модели ВР как этапа речевой деятельности (между мотивом и внешней речью).

Таким образом, разработанная интегральная модель представляет собой четырёхэтапный алгоритм, на основании которого проводится анализ эмпирического материала в исследовательской части данной работы (главы 2 и 3).

1.8 Изучение внутренней речи персонажа в творчестве А. П. Чехова

Анализ изученности внутренней речи (далее – ВР) в творчестве А. П. Чехова позволяет выявить актуальные для нашего исследования научные лакуны. Выбор художественной прозы Чехова в качестве материала исследования ВР обусловлен психологизмом писателя. Как отмечает А. Б. Есин, Чехов был «смелым новатором», которому «приходилось искать новые дороги, создавать новые приёмы и принципы художественного освоения внутреннего мира человека» [Есин 1988: 159]. В свою очередь, В. И. Тюпа указывает на то, что новаторство

Чехова было направлено на постижение «природы внутреннего “я”» [Тюпа 1989: 32]. Чеховское своеобразие проявляется во внимании к внутреннему миру «обыкновенных людей», к осмыслению «внутреннего нравственного движения так называемого *обыденного сознания*» [Есин 1988: 160], а также в уникальном объединении художественного метода и научного медицинского взгляда. Писатель, будучи практикующим врачом, внимательно следил за достижениями современной психологии и психиатрии (В. М. Бехтерев, С. С. Корсаков, Г. И. Россолимо, И. М. Сеченов). Это позволило ему совместить методы научной психологии и законы художественного творчества [Катаев 1979; Меве 1989; Буняева 2013 и др.]. Тем самым чеховские тексты становятся источником изучения «глубинной основы» личности [Есин 1988: 24]. «Взаимопроникновение научного знания и литературной образности» [Буняева 2013: 20] делает прозу Чехова бесценным материалом для изучения художественного моделирования ВР.

Несмотря на признание мастерства Чехова в изображении «внутреннего мира персонажей» [Есин 1988: 12], степень изученности ВР как основного приёма отражения речемышления остаётся фрагментарной. В современном чеховедении отсутствует системное исследование, посвящённое феномену ВР в творчестве писателя.

Первые наблюдения над внутренним монологом (далее – ВМ) в прозе Чехова были сделаны в контексте изучения его психологического мастерства. Продолжая традицию анализа творчества Л. Н. Толстого, И. В. Страхов обратил внимание на «оригинальное творческое развитие» стиля ВМ в произведениях Чехова [Страхов 1969: 52], охарактеризовал чеховскую ВР, находящуюся «как бы на грани её перехода во внешнюю речь», как «бормотание», т. е. озвученную, но не обращённую к собеседнику рефлексию [Страхов 1969: 52]. Он также отметил психологическую достоверность в изображении незаконченности, алогичности, ассоциативности и многонаправленности мыслительного процесса, особенно в эмоционально напряжённых и изменённых состояниях сознания персонажей. Проводя параллели с прозой Л. Н. Толстого, исследователь выделил в прозе Чехова связную, последовательную, словесно завершённую форму монологов-

размышлений, монологов-воспоминаний и монологов-мечтаний, подчеркнув их важность для идейно-нравственных исканий героев [Страхов 1969: 54].

Следующий этап изучения ВР в прозе Чехова связан с её структурно-диалогическим аспектом. Опираясь на признанную концепцию отказа от монологической назидательности в поэтике Чехова [Чудаков 1971; Кубасов 1990; Степанов 2005 и др.], исследователи выявили диалогическую основу речи его персонажей. В частности, в трудах Н. В. Изотовой показано, что монологическая ВР пронизана «вторичной диалогичностью», основным средством создания которой является вопрос [Изотова 2006: 290]. Специфика подобных вопросительных конструкций заключается в постановке проблемы, выражении неуверенности и смятения, «попытке осознать и оценить иную возможную позицию» [Изотова 2006: 292].

Н. В. Изотова описала структуру внутреннего диалога персонажа как ирреального общения со своим вторым «я», которое может называться «совесть», «бес жадности» или неопределённо «кто-то» [Изотова 2006: 295]. Эта текстовая форма, возникающая в момент «надрыва личности», позволяет писателю представить раздвоение сознания [Изотова 2006: 296]. В чеховедении подробно исследованы средства диалогизации (вопросительные конструкции) в авторской и персонажной монологической речи [Моисеева 1998], средства внутренней и внешней диалогичности в прозе Чехова [Фотина 2017]. Тем не менее остаётся открытым вопрос о том, как эти формы моделируют когнитивные процессы и речевую деятельность (речепорождение и речевосприятие).

Изучение ВР в коммуникативно-прагматическом аспекте намечено в диссертационном исследовании М. Б. Самойловой, посвящённом тактикам убеждения в разных типах дискурса Чехова. ВР рассматривается в работе как автокоммуникация, в ходе которой персонаж, движимый угрызениями совести, страхом или тщеславием, стремится убедить самого себя, используя тактики самооправдания, самоосуждения, самоактуализации и опровержения [Самойлова 2013]. Представляя несомненный научный интерес, данная работа, однако, фокусируется на одной, хотя и важной тактике ВР – убеждении. Между тем

прагматический потенциал ВР значительно шире и включает в себя стратегии кооперации и конфронтации с определённым репертуаром тактик, что и составляет предмет дальнейшего рассмотрения в нашей работе.

Изучение ВР в прозе Чехова традиционно проводилось в психологическом, тематическом, структурно-диалогическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Однако, несмотря на несомненную ценность накопленного материала, исследования носят фрагментарный характер. Работы последних лет, как правило, ограничены анализом узких тем или отдельных произведений [Манджиева 2024; Сы 2023].

Важно отметить, что основное внимание исследователей чеховского психологизма было сосредоточено на несобственно-прямой речи (далее – НПР) как инструменте объективного повествования [Чудаков 1971] и как средстве «сопряжения» речевых планов и оценочных позиций повествователя и героя [Барлас 1991: 161]. Этот новаторский приём, обеспечивающий «синтез объективности и лиризма» [Кожевникова 1963], стал проявлением идиостиля Чехова.

Ввиду своей значимости НПР в прозе Чехова стала предметом всестороннего анализа. В отечественном языкознании были разработаны её структурно-семантические типы [Милых 1967], прослежена функционально-стилистическая эволюция от авторской иронии к «углублению психологизма» и «новым формам выражения авторского отношения к описываемому» [Кожевникова 1963: 54; Падучева 2010], а также определена роль в формировании авторской модальности и повествовательной структуры [Чудаков 1971; Барлас 1991; Степанов 2002]. В когнитивном аспекте данное явление рассмотрено как механизм перспективации и репрезентации сознания повествователя и персонажа [Падучева 2010], а в лингвопрагматическом – проанализирован потенциал художественно-изобразительных приёмов (сравнения, метафоры и метонимии) в контексте выражения авторской модальности [Чалый 2024]. Системность и глубина исследований НПР подтверждаются рядом диссертационных работ

[Сопочкина 2003; Андреева 2004; Сысоева 2004; Моргулева 2005; Беличенко 2006; Грицай 2011 и др.].

Высокая степень изученности НПР в чеховедении и в лингвистике в целом (в том числе в когнитивно-коммуникативном аспекте на материале творчества других авторов [Попова 2002; Омелькина 2007; Блинова 2015 и др.]) позволяет исключить НПР из нашего анализа, чтобы избежать повторения известных научных результатов. Кроме того, исключение из анализа НПР объясняется тем, что она является не формой ВР, а стилистическим приёмом, особым способом введения ВР в авторское повествование. НПР отражает интерференцию, слияние планов (голосов) автора и персонажа в представлении мыслей и восприятий персонажа, что затрудняет анализ ВР как автокоммуникации. Сосредоточимся на менее изученном, но не менее значимом материале – прямых формах (поток сознания, внутренняя реплика-реакция, внутренний монолог как заключительный этап ВР, произнесённая ВР, внутренний диалог) и косвенных формах (внутренний монолог в авторском пересказе) художественного моделирования ВР, сохраняющих автономию субъектного плана персонажа.

Выводы по первой главе

1. Проведённый анализ научной литературы, посвящённой проблеме внутренней речи (далее – ВР), позволяет сделать вывод, что данный феномен представляет собой сложный, многоаспектный объект, находящийся на пересечении психологии, психолингвистики, литературоведения и лингвистики. Изученный материал, с одной стороны, демонстрирует глубокую разработанность указанной проблемы в рамках отдельных научных направлений, а с другой – методологическую фрагментарность, затрудняющую целостное представление ВР как когнитивно-коммуникативного феномена. В связи с этим исследование художественного моделирования естественной ВР как когнитивно-коммуникативного феномена требует интегрального мультидисциплинарного подхода, объединяющего достижения гуманитарных наук.

2. Обзор научной литературы определил теоретические положения и инструментарий для анализа материала в практической части работы. Психологические исследования (Б. Г. Ананьев, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Соколов и др.) сформировали основу для понимания генезиса, структуры и функций естественной ВР, служащей прототипом для её художественного моделирования. Психолингвистический подход (Т. В. Ахутина, И. Н. Горелов, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, К. Ф. Седов и др.) рассматривает ВР в аспекте теории речевой деятельности, определяет ВР как центральный опосредующий этап в моделях речепорождения и речевосприятия, что позволяет анализировать её как динамичный процесс программирования (кодирования) и восприятия (декодирования) высказывания. Литературоведческое направление (М. М. Бахтин, Л. Я. Гинзбург, А. П. Скафтымов и др.) осмысляет ВР (внутренний монолог и внутренний диалог) как художественный приём, выступающий инструментом психологизма. «Диалектика души» Л. Н. Толстого и диалогизм (полифонизм сознания) Ф. М. Достоевского, а также их последующее развитие в литературе XX–XXI вв. демонстрируют эволюцию художественного осмысления мышления персонажа.

3. Накопленный в лингвистике опыт исследования ВР позволил сформировать комплексный инструментарий её анализа. В рамках структурно-типологического подхода были систематизированы формы текстового представления данного феномена (прямая, косвенная, несобственно-прямая, тематическая; поток сознания, внутреннее реплицирование, внутренний монолог, внутренний диалог) и их разновидности. Структурно-функциональное направление выявило лексико-грамматические средства, моделирующие естественное речемышление персонажа (в частности, средства экспликации диалогичности, адресованности, эмоциональности, оценочности и фрагментарности). Лингвокогнитивный аспект позволил реконструировать структуры сознания (концепты, фреймы, метафорические модели) в различных типах интраперсонального дискурса, обеспечив воссоздание индивидуально-авторской и персонажной картины мира. В свою очередь, коммуникативно-

прагматический подход определил ВР как форму интраперсонального общения, обладающую иллокутивной силой, прагматической адресованностью и реализуемую с помощью системы речевых стратегий и тактик.

4. Проведённый анализ ВР подтвердил необходимость применения интегрального мультидисциплинарного подхода, рассматривающего художественное моделирование ВР персонажа в единстве языкового, коммуникативного и когнитивного аспектов. Интегральная модель анализа ВР персонажа предполагает создание классифицированного корпуса контекстов ВР персонажей с помощью инструментов структурно-типологической идентификации в соответствии с оппозициями: прямая ВР vs. косвенная ВР (ВР в авторском пересказе); внутренний монолог vs. внутренний диалог; реплика vs. монолог; логическая ВР vs. алогическая ВР (поток сознания); беззвучная ВР vs. произнесённая ВР. Структурно-функциональный подход выявляет лексико-грамматические средства репрезентации ВР (диалогичности, адресованности, эмоциональности, оценочности, фрагментарности и т. д.) и определяет её первичные функции. В когнитивном аспекте данный феномен отражает художественное моделирование когнитивных процессов мышления, памяти, внимания, восприятия и воображения. В коммуникативном аспекте ВР представляет собой форму интраперсональной коммуникации, моделирующую психолингвистические процессы речепорождения и речевосприятия. Интегральная модель анализа ВР устанавливает взаимосвязь языковой формы ВР, моделируемого когнитивного процесса и прагматической цели персонажа.

5. На основании синтеза подходов под внутренней речью персонажа в художественном тексте понимается языковая репрезентация интраперсональной коммуникации, которая моделирует когнитивные и речемыслительные процессы персонажа с помощью специфических лексико-грамматических средств и структурных форм.

6. Для реализации интегрального подхода нами была разработана интегральная модель анализа ВР, включающая следующие этапы: 1) структурно-типологическую идентификацию (определение формального типа ВР); 2)

структурно-функциональное описание (анализ языковых средств); 3) лингвокогнитивную интерпретацию (моделирование когнитивных процессов, речепорождения и речевосприятия); 4) коммуникативно-прагматическую характеристику (анализ автокоммуникативных стратегий и тактик).

7. Анализ степени изученности ВР в прозе Чехова показал, что, несмотря на признание психологического мастерства писателя, исследования ВР остаются фрагментарными. Внимание филологов традиционно сосредоточено на несобственно-прямой речи, изученной всесторонне в структурно-семантическом, лингвопрагматическом, функционально-стилистическом и лингвокогнитивном аспектах. В то же время другие, не менее значимые формы ВР, такие как поток сознания, внутренняя реплика-реакция, внутренний монолог как заключительный этап ВР, произнесённая ВР, внутренний монолог в авторском пересказе, внутренний диалог, остаются фрагментарно изученными в когнитивно-коммуникативном аспекте.

ГЛАВА 2
ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

В художественном тексте внутренняя речь (далее – ВР) как когнитивно-коммуникативный феномен репрезентируется посредством многообразия лексико-грамматических средств и структурных форм. Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на понимание ВР как инструмента психологизма, в филологии до сих пор сохраняется терминологическая вариативность в трактовке понятия. Дискуссионным остаётся вопрос о структурно-семантическом статусе феномена. Существующие дефиниции соотносят ВР с разными стадиями речемыслительной деятельности и потому сближают ВР либо с *потоком сознания*, подчёркивая его алогичность, фрагментарность и ассоциативность [Белокурова 2006], либо с *внутренним проговариванием* [Леонтьев 1969].

Опираясь на когнитивный подход, мы объясняем типологическое многообразие ВР различной степенью интериоризации. Чем глубже уровень интериоризации, тем ближе текстовая репрезентация ВР к алогичному, ассоциативному и фрагментарному потоку сознания, соответствующему предметно-изобразительному коду [Жинкин 1964]. И наоборот, низкая степень интериоризации сближает ВР с логически и грамматически оформленной внешней речью, «логическим» внутренним монологом (далее – ВМ) [Виноградов 1939: 182–183; Гинзбург 1977: 356].

Последовательность рассмотрения форм ВР в данной главе определяется степенью их интериоризации (от потока сознания к произнесённой ВР), способом репрезентации в тексте (от прямой формы к косвенной), а также особенностями коммуникативной структуры (от монологической к диалогической). Степень интериоризации ВР отражает движение от «глубинных» и спонтанных форм ВР к структурам, логически оформленным и приближенным к внешней речи:

1) *поток сознания* – форма ВР, репрезентирующая начальные, наиболее интериоризованные и алогичные стадии речемыслительной деятельности и характеризующаяся спонтанностью, ассоциативностью и фрагментарностью;

2) *внутренняя реплика-реакция* – краткая форма ВР, фиксирующая мгновенные, спонтанные отклики сознания персонажа на речевые или неречевые стимулы;

3) *развёрнутый внутренний монолог* – логически организованный, менее интериоризованный уровень ВР, близкий к внутреннему проговариванию как заключительному этапу речемышления;

4) *произнесённая внутренняя речь* (автокоммуникативное бормотание) – тип экстериоризации ВР, возникающий в состоянии аффекта или глубокой задумчивости;

5) *внутренний монолог в авторском пересказе* – косвенная форма ВР, передающая содержание речемышления персонажа сквозь призму повествователя;

6) *внутренний диалог* – форма ВР, отражающая расщепление сознания персонажа на взаимодействующие субличности (ипостаси).

Вышеперечисленные типы (1–4) относятся к прямым формам репрезентации ВР. Далее исследовательский фокус смещается на *внутренний монолог в авторском пересказе* (5) – косвенный способ передачи мыслей, при котором фиксируется содержание ВР персонажа в изложении повествователя. Рассмотрев монологические структуры, переходим к анализу *внутреннего диалога* (6), который эксплицирует диалогическую природу сознания героя. Подобная архитектоника главы позволит последовательно описать основные модели художественной репрезентации ВР, выявить их идиостилевое своеобразие как средств автокоммуникации персонажа и отразить специфику протекания когнитивных процессов.

Следует отметить, что значительный объём данной главы обусловлен как разнообразием анализируемых типов репрезентации ВР, так и их высокой частотностью в художественных текстах автора. В настоящей главе

проанализированы 1 863 контекста (из 2 175, отобранных для исследования), что составляет 86% от общего корпуса примеров монологической и диалогической ВР разной степени интериоризации. Большое количество контекстов свидетельствует о важной роли этих форм в поэтике Чехова, что обусловливает необходимость их детального и последовательного рассмотрения.

2.1 Поток сознания

В художественной системе Чехова поток сознания (далее – ПС) является значимым средством моделирования естественной внутренней речи (далее – ВР), воспроизводя её спонтанную, ассоциативную и фрагментарную природу. Он представляет собой форму автокоммуникации и моделирует динамичное взаимодействие таких когнитивных процессов, как внимание, восприятие и память. При этом важно отметить, что, несмотря на свою концептуальную значимость для понимания художественной репрезентации ВР и чеховского психологизма, ПС не является для писателя преобладающей формой. В общем корпусе исследуемого материала было выявлено 32 контекста функционирования ПС, что составляет менее 1,5% от общего объёма выборки. Небольшая представленность ПС в исследуемом материале обусловливает лаконичность настоящего подраздела, однако не снижает теоретической значимости анализа ПС в поэтике автора. Исследованию ПС как начального этапа речемышления, а также выявлению его мультимодальной природы посвящены наши статьи [Авдеева 2014в; Авдеева, Прокофьева 2026б].

Спонтанность переключения внимания присуща самой природе ПС. В состоянии «блуждания ума» [Andrews-Hanna 2014] фокус внимания персонажа переключается под воздействием внешних перцептивных стимулов: визуальных (зрительных), аудиальных (слуховых), тактильных (осязательных), ольфакторных (обонятельных) и густаторных (вкусовых), а также интероцептивных (внутренних, исходящих из тела). Например, в рассказе «Безнадёжный» в ПС председателя земской управы Шмахина, играющего в шашки со своим слугой Илюшкой, стимулом для переключения внимания становятся зрительные и

обонятельные впечатления: «*Приятно вести борьбу и победить человека равного*, – думал он, – *человека, который в общественном смысле стоит с тобой на одной точке... А какой мне интерес Илюшку побеждать? Победишь его или не победишь – один чёрт: никакого удовольствия...* ***О, взял шашку и улыбается!*** *Приятно барина обыгрывать! Ещё бы!* ***Луком воняет****, а небось рад старшему напакостить!*» (курсив здесь и далее мой. – Н. А.) (т. 3, с. 288)[1]. Появление в ПС визуальных (*взял шашку и улыбается!*) и ольфакторных (*луком воняет*) впечатлений создаёт эффект спонтанного переключения внимания.

На спонтанность ПС героев Чехова влияют не только перцептивные, но и интероцептивные стимулы. Так, в рассказе «Открытие» физиологическое восприятие холода инженером Бахромкиным прерывает цепочку его размышлений о писателях и мгновенно перенаправляет фокус внимания: «*М-да... необыкновенная жизнь... Про железные дороги когда-нибудь забудут, а Фидия и Гомера всегда будут помнить... На что плох Третьяковский, и того помнят...* ***Брррр... холодно!..*** *А что, если бы я сейчас был художником? Как бы я себя чувствовал?*» (т. 4, с. 205–206). Размышления героя динамичны и характеризуются непосредственной фиксацией происходящего в ПС по мере его восприятия. Подобные перцептивные и интероцептивные ощущения представлены в тексте «психологическими предикатами», оформленными односоставными глагольными предложениями, актуализирующими непосредственную фиксацию действительности в ПС. Поток сознания репрезентирует речемышление чеховских персонажей в ситуациях ожидания, скуки, тоски, т. е. в моменты снижения концентрации внимания, когда активизируются ассоциативные связи [Оттенс 2012].

Ассоциативность является характерным свойством ПС. Связи между объектами речемышления в ПС чеховских героев устанавливаются не по законам логики, а по ассоциативным принципам и моделируют когнитивные процессы внимания, восприятия и памяти. Мысль персонажа следует за его блуждающим вниманием, «выхватывая» из окружающей действительности случайные детали.

[1] Цит. по Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. – М. : Правда, 1985.

Внешние и внутренние впечатления стимулируют мыслительные цепочки. Так, в рассказе «Драма» визуальные, аудиальные и физиологические впечатления актуализируют ассоциативность ПС Павла Васильевича, уставшего слушать «произведение» Мурашкиной: «*Как бы мне не потерять образчик* ***тесьмы****,* – думал он. – *Куда я его сунул? Кажется, в синем* ***пиджаке****… А подлые мухи успели-таки засыпать многоточиями женин* ***портрет****. Надо будет приказать Ольге помыть стекло… Читает XII* ***явление****, значит, скоро конец первого действия. Неужели в такую* ***жару****, да ещё при такой корпуленции, как у этой туши, возможно вдохновение? Чем драмы писать, ела бы лучше холодную окрошку да спала бы в погребе…»* (т. 6, с. 115–116). Зрительное восприятие портрета жены запускает цепочку ассоциаций в ПС Павла Васильевича: портрет напоминает герою о необходимости купить тесьму, а припоминание её «местонахождения» приводит к мысли о синем пиджаке. В этот момент внимание слушателя драмы переключается на «многоточия» мух на портрете жены, что порождает новую мысль – приказать его помыть. Портрет является внешней деталью, которая активизирует работу памяти и порождает спонтанное ассоциативное переключение мыслей героя. Припоминания героя прерываются слуховыми впечатлениями – чтением Мурашкиной XII явления собственной пьесы. Параллельное соматическое ощущение *такой жары* стимулирует ассоциативный ряд, вызывая в сознании образы холодной окрошки и погреба. Тем самым ассоциативная природа ПС героя отражает работу памяти, переключение внимания, визуальные и аудиальные восприятия.

Ассоциативность ПС дремлющего Павла Васильевича основывается на физиологических (внутренних) и визуальных (внешних) впечатлениях: *«Забыл я соды принять,* – думал он. – ***О чём, бишь, я? Да, о соде…*** *У меня, по всей вероятности, катар желудка… Удивительно: Смирновский целый день глушит водку, и у него до сих пор нет катара… На окно какая-то птичка села…* ***Воробей****…»* (т. 6, с. 117). Неприятные ощущения в желудке приводят героя к мысли о необходимости принять соду; сода – к мысли о вероятности катара желудка; катар желудка, в свою очередь, напоминает о пьющем, но здоровом

Смирновском. Активизация памяти скучающего героя, сопровождающая физиологические ощущения, подтверждается нейробиологическими данными: воспоминания и ассоциации в нейронных сетях активны в состоянии покоя [Buckner 2008]. Вопросо-ответные единства отражают работу памяти и автокоммуникативность: *«Куда я его сунул? Кажется, в синем пиджаке…»*; «*О чём, бишь, я? Да, о соде…*» (т. 6, с. 116–117). Вопросы *куда*, *о чём* и неуверенное предположение *кажется* в значении припоминания свидетельствуют об автокоммуникативности ПС Павла Васильевича. Случайное зрительное восприятие – воробей, севший на окно, – переключает внимание и меняет направление мысли героя.

Ассоциативность ПС станового пристава в рассказе «Не в духе» проявляется во взаимодействии двух параллельных потоков мыслей: внешнего (реакция на зубрёжку пушкинского стиха сыном) и внутреннего (навязчивые мысли о карточном проигрыше). Логическая связь между этими потоками мыслей, перебивающими друг друга, отсутствует. Ассоциативность объективируется постоянным переключением внимания героя со стихов Пушкина на воспоминания о карточном проигрыше. Сын пристава повторяет строки: «Его лошадка, снег почуя... снег почуя, плетётся рысью как-нибудь...» Аудиальное восприятие стихов стимулирует ПС Прачкина: «*Ещё бы она вскачь понеслась! Рысак какой нашёлся, скажи на милость! Кляча – кляча и есть... Нерассудительный мужик рад спьяну лошадь гнать, а потом как угодит в прорубь или в овраг, тогда и возись с ним... Поскачи только мне, так я тебе такого скипидару пропишу, что лет пять не забудешь!.. И зачем это я с маленькой пошёл? Пойди я с туза треф, не был бы я без двух...»* (т. 2, с. 99–100). ПС Прачкина демонстрирует отсутствие эстетического восприятия образов Пушкина и вызывает прагматические ассоциации героя. Данный пример отражает работу избирательного внимания героя в ПС, выражающуюся в спонтанном вычленении из общего звукового фона лишь отдельных слов. Строки пушкинского стихотворения становятся аудиальными стимулами внутренних

ассоциативных реакций персонажа, соответствующих его индивидуально-профессиональным особенностям.

Параллельно с реакцией на стихи память постоянно возвращает Прачкина к навязчивым мыслям о карточном проигрыше. Аудиальные стимулы (слова из «Евгения Онегина» Пушкина) отвлекают героя от проигрыша, но память возвращает его к болезненной теме, репрезентируя автокоммуникативные функции ПС: самооправдание (*всегда отыграться можно),* самоанализ (*И зачем это я с маленькой пошёл? Пойди я с туза треф, не был бы я без двух...*), обвинение *(А всё десятка, в сущности, наделала!*), сожаление *(Было бы мне после ужина не садиться...*) и запоздалое решение проблемы (*Поужинать бы, да и уехать...)*. Ассоциативность ПС связана с переключением внимания под влиянием внешних и внутренних восприятий и памяти.

Фрагментарность ПС реализуется через обрывочность мыслей и образов. Так, в рассказе «В потёмках» ПС Марьи Михайловны, заметившей тёмную, пробирающуюся к дому фигуру, представлен ассоциативными фрагментами, которые формируют целостный образ страха: «*Вор лезет в кухню, из кухни в столовую… серебро в шкапу… далее спальня… топор… разбойничье лицо… золотые вещи…*» (т. 5, с. 118–119). Гипотетический сценарий ограбления связан с работой памяти и воображения героини. Односоставные прерванные конструкции объективируют фрагментарность ПС и мгновенную сменяемость тревожных ассоциаций. При этом номинативные предложения создают «мысленный образ целой ситуации» [Зименкова 1989: 12–13]: «*серебро в шкапу… далее спальня… топор… разбойничье лицо… золотые вещи…*» Фрагментарность ПС создаётся парцеллированными конструкциями, которые обусловливают «увеличение объёма информации при лаконичности формы» [Кузнецова 2011: 33].

Наиболее ярким примером фрагментарности и ассоциативности ПС чеховских персонажей выступает ПС Ольги Ивановны в рассказе «Попрыгунья». ПС героини, пребывающей в состоянии дремоты, характеризуется нарушением семантических связей: *«Nature morte, порт…* – думала она, опять впадая в забытье, – *спорт… курорт… А как Шрек? Шрек, грек, врек… крек. А где-то*

теперь мои друзья? Знают ли они, что у нас горе? Господи, спаси… избави. Шрек, грек…» (т. 7, с. 374). ПС Ольги Ивановны насыщен «чужими» словами: из речи художника Рябовского в него попадают слова *nature morte, порт, курорт*, из речи доктора Коростелёва – *Шрек*. Приём эхолалии, т. е. «автоматическое повторение чужих слов» [Большой психологический словарь 2003], отражает спонтанное ассоциативное всплывание в сознании Ольги Ивановны фраз из лексикона «её друзей и добрых знакомых», создавая эффект «порхания» и «мешанины мыслей». «Чужие» слова, проникающие в ПС, неосознанно воспринимаются героиней как собственные мысли. Подобная ассимиляция чужой речи характеризует её как личность, живущую жизнью других людей, неосознанно впитывающую их слова и впоследствии воспринимающую их как свою собственную ВР. Кроме того, в ПС Ольги Ивановны возникают звуковые сочетания, сформированные исключительно по принципу фонетического созвучия и понятные только самой героине. Приём глоссолалии в ПС – «звуковые сочетания, не имеющие <…> содержания» [Литературная энциклопедия 1925: т. 1, 172] – подтверждает концепцию психологов об индивидуальном содержании (идиоматичности) ВР (например, цепочка ассоциаций: *шрек, грек, врек… крек*). Эхолалия и глоссолалия в ПС репрезентируют эклектичное и поверхностное речемышление, характеризуя героиню, живущую чужими смыслами.

Таким образом, ПС представляет собой сложный когнитивно-коммуникативный феномен, моделирующий когнитивные процессы восприятия, внимания и памяти. Сиюминутные перцептивные (визуальные, аудиальные, тактильные, ольфакторные и густаторные) и интероцептивные (внутренние, исходящие из тела) ощущения отражают восприятие и внимание, воспоминания – память. Это взаимодействие порождает уникальную чеховскую поэтику ПС, характеризующуюся спонтанностью, ассоциативностью, фрагментарностью и нарушением семантических связей. Автокоммуникативный аспект определяет диалогическую организацию и функционирование ПС: самоанализ, самооправдание, принятие решения и эмоциональное переживание. Комплекс лингвостилистических средств ПС (односоставные предложения, вопросо-

ответные единства, парцелляция, повторы, эхолалия и др.) обеспечивает высокую степень интериоризации ВР. Изучение ПС в связи с когнитивными процессами позволяет углубить понимание чеховского психологизма и проследить, как ВР моделирует фундаментальные механизмы работы сознания персонажа.

2.2 Внутренняя реплика-реакция

Терминологическая вариативность в обозначении «малых вкраплений» [Кухаренко 1988: 168] внутренней речи (далее – ВР) персонажа в авторском повествовании обусловлена различием исследовательских подходов. В структурном аспекте краткие формы ВР определяются как «внутренняя реплика» [Погребняк 2012], «простое внутреннее реплицирование» [Сергеева 2017; Ларина 2014], «внутренняя репликация» [Архипова 2003], «реплицированная прямая внутренняя речь» [Артюшков 2004], «реплицированная форма экстериоризированной внутренней речи» [Кириллова 2011]. С точки зрения функционального подхода выделяются такие понятия, как «эмоциональная реакция» [Леонова 2005], «внутриречевая реакция» [Набиуллин 2010]. В когнитивном аспекте «малые вкрапления» ВР определяются как «малоформатная рефлексия» [Шарапова 2001].

Для определения малых форм ВР персонажа в художественном тексте остановимся на термине «внутренняя реплика-реакция», поскольку он объединяет структурный (краткая форма, 1–3 предложения) и функциональный (мгновенная реакция) аспекты данного феномена. Под внутренней репликой-реакцией (далее – ВРР) понимается мгновенное отражение в ВР героя его восприятия внешних (перцептивных) и внутренних (интероцептивных) когнитивных стимулов в неречевых ситуациях.

ВРР в художественной прозе Чехова является наиболее частотной формой прямой ВР в неречевых ситуациях (572 контекста ВРР против 181 контекста развёрнутой прямой ВР). Это свидетельствует о стремлении автора к фиксации мгновенных реакций героя, неразрывно связанных с когнитивными процессами внимания и восприятия.

2.2.1 Когнитивные механизмы внутренней реплики-реакции

2.2.1.1 Внимание и его объекты

Языковая репрезентация внутренней реплики-реакции (далее – ВРР) в художественном тексте связана с когнитивными процессами внимания и восприятия. Когнитивное пространство персонажа в ВРР, т. е. «структурированная совокупность знаний и представлений» [Банникова 2004: 3], определяется фокусом внимания, обращённого на окружающую действительность и внутреннее состояние. Следовательно, выделяются две группы объектов когнитивного пространства героев: внешние и внутренние.

К наиболее частотным внешним объектам внимания персонажей в ВРР относятся поведение и внешний вид персонажей, мир вещей, а также живая и неживая природа.

1. **Поведение** других героев как объект внимания в ВРР. Например, ВРР Софьи Петровны, вызванная манерой мужа принимать пищу: «*Боже мой,* – думала Софья Петровна, – *я люблю его и уважаю, но… зачем он так* ***противно жуёт****?*» (т. 5, с. 86).

Внешний вид персонажей включает детали их лиц, фигур и одежды. Так, длинные седые волосы и сгорбившаяся фигура сотского Лошадина привлекают внимание судебного следователя Лыжина: «***Точно колдун в опере***» (т. 9, с. 312). В ВРР Кунин оценивает грязную и залатанную одежду отца Якова: «*Странный субъект*… – подумал Кунин, глядя на его полы, обрызганные грязью. – *Приходит в дом первый раз и не может* ***поприличней одеться***» (т. 4, с. 150). Поведение и внешний вид персонажей отражают телесно-бытовую сторону повседневности в ВРР.

2. **Вещный мир** в когнитивном пространстве героя представлен окружающей обстановкой (интерьер, личные вещи, еда). На особое значение чеховских деталей указывал А. П. Чудаков, сравнивая характеристичность художественной детали в дочеховский период со «случайностью» у самого Чехова [Чудаков 1971]. Детали вещного мира, попадая в фокус внимания ВРР героя, наполняют его когнитивное пространство и свидетельствуют о

наблюдательности. Идеалист Лысов по нескольким деталям оценивает дорогую обстановку кабинета доктора Клябова: «*А* ***хорошо живёт*** *каналья!* – подумал он, садясь в кресло и оглядывая обстановку. – ***Одна софа, небось, рублей четыреста стоит***…» (т. 4, с. 223). Интерьер чердака с его «балками, тёмными углами, печными трубами, запахом паутины и пыли, странной, землистой почвой под ногами» стимулирует ВРР барыни: «***Так вот где домовые живут****?*» (т. 5, с. 320).

Восприятие **вещного мира** в сознании героев отличается разномасштабностью. В ВРР Стрекачёва бедность оценивается по содержанию кошелька – «один скомканный, пахнущий керосином рубль, пуговица, две копейки»: «***Мало****... Ну, да ничего,* – решил он. – *Зайду так, посижу немножко*» (т. 3, с. 41). В ВРР Андрюшеньки «величественные» чемоданы дяди генерала предполагают благородное содержимое: «*Должно быть*, – подумал я, – ***в этих сундуках мундиры и порох***…» (т. 5, с. 21).

Еда, а именно её количество, становится объектом внимания в ВРР героев в рассказах «Сапожник и нечистая сила» и «Глупый француз». Для сапожника Фёдора количество блюд за обедом служит поводом для удивления: «***И как это господа не полопаются от такой еды!»*** *– думал он* (т. 7, с. 87). У француза же Пуркуа обилие пищи вызывает страх: «*Как, однако,* ***много подают в русских ресторанах****!* – подумал француз, глядя, как сосед поливает свои блины горячим маслом. – ***Пять блинов! Разве один человек может съесть так много теста****?*» (т. 4, с. 211).

3. **Живая природа** (животные, насекомые, птицы) также попадает в фокус внимания и оценки персонажей в ВРР. Такова ВРР героя на пробегающую мимо собаку: «***Хорошая собака***… – подумал я, – *чья она*?» (т. 5, с. 44). Фокусом ВРР Фёдора Степаныча становится беспокойная птица в клетке: «***Спать не даёт****!* – подумал Фёдор Степаныч. – ***Чёррт***...» (т. 2, с. 176). ВРР Хромого на большую осу, которая не может вылететь в окно, выражает недоумение: «***Отчего она, дура, в дверь не летит****?*» (т. 2, с. 210).

Природные явления (гроза, вечерняя заря, дождь) и **природные объекты** (река, горы, луна и др.) активно стимулируют ВРР. Прохладные воды реки

вызывают ВРР музыканта Смычкова: «***Не выкупаться ли?***» (т. 5, с. 34). Мрачные и красивые горы и ущелья в ВРР Лаевского рождают протест: «***Ах, проклятые горы***, – вздыхал Лаевский, – ***как они мне надоели!***» (т. 7, с. 238). Широкое поле и вечерняя заря отражаются в ВРР Коврина: «***Как здесь просторно, свободно, тихо!*** – думал Коврин, идя по тропинке. – *И кажется, весь мир смотрит на меня, притаился и ждёт, чтобы я понял его*…» (т. 8, с. 191).

Важно отметить, что фокус внимания героев Чехова концентрируется как на традиционных объектах (окружающих персонажах, предметах интерьера, природных явлениях), так и на физиологических деталях. Внимание в ВРР часто привлекают **действия** и **внешний вид самого героя,** а также его **физиологическое** и **эмоциональное состояние**.

1. **Собственные действия** попадают в фокус внимания и оценки, например, в ВРР токаря: «*Куда ж я еду?* – спохватывается вдруг токарь. – ***Хоронить надо, а я в больницу***... ***Ошалел словно!***» (т. 4, с. 47–48). В ВРР Лаевский анализирует своё нерешительное поведение: «*Своею* ***нерешительностью*** *я напоминаю Гамлета*, – думал Лаевский дорогой. – *Как верно Шекспир подметил! Ах, как верно!*» (т. 7, с. 219).

2. **Собственный внешний вид** стимулирует ВРР Андрея Ефимыча: «*Всё равно*… – думал Андрей Ефимыч, стыдливо запахиваясь в халат и чувствуя, что в своём новом костюме он похож на арестанта. – *Всё равно… Всё равно, что фрак, что мундир, что этот халат*…» (т. 8, с. 81–82).

3. В ВРР фиксируется внимание героев к базовым **физиологическим состояниям**, таким как жажда: «***Пить хочется***» (т. 3, с. 69); голод: «***Жрать хочется***» (т. 2, с. 119).

4. Объектом оценочного самонаблюдения становится **эмоциональное состояние** героев – скука и тоска в ВРР Докукина: «*Спать улечься, что ли?*» (т. 3, с. 29); страх в ВРР Васкина: «***Чёрт знает что... Боишься, словно маленький... Глупо!***» (т. 3, с. 50); счастье супружеской жизни в ВРР Грохольского: «***Как я счастлив!***» (т. 1, с. 255).

ВРР моделирует когнитивный процесс внимания, что свидетельствует об избирательности сознания персонажа. Многообразие объектов, попадающих в зону его внимания, представлено внутренним и внешним миром, живой природой и миром вещей. Внимание к бытовым деталям, специфическим физиологическим и эмоциональным состояниям свидетельствует о наблюдательности персонажа. Многообразие и разномасштабность объектов в ВРР (от пуговицы и блина до грозы и счастья) отражают особенности внимания чеховских персонажей. В когнитивном пространстве персонажей бытовая мелочь и мировоззренческие ценности сопоставимы по значимости, что является проявлением идиостиля писателя.

2.2.1.2 Внешнее и внутреннее восприятие как триггер

Когнитивный процесс внимания взаимосвязан с восприятием. Представляется актуальным выявить и систематизировать способы восприятия, моделируемые внутренней репликой-реакцией (далее – ВРР). Результаты анализа внешних (перцептивных) и внутренних (интероцептивных) способов восприятия, стимулирующих появление ВРР и формирующих её содержание, отражены в нашей работе [Авдеева, Прокофьева 2026б].

Анализ внешних стимулов ВРР выявил «перцептивную доминанту» – **визуальный канал восприятия** в художественной прозе Чехова (308 контекстов из 572). Как отмечает О. Ю. Авдевнина, «в центре обозначения восприятия как психологического процесса находится глагол» [Авдевнина 2022: 19]. В авторском повествовании, вводящем ВРР, частотны глаголы и словосочетания зрительного восприятия: *смотреть, видеть, увидеть, поглядеть, вглядываться, взглянуть, выглянуть, оглядеть, замечать, не отрывать глаз, не спускать глаз, прищурить глаза, броситься в глаза, провожать глазами* и т. д. Например, в сцене, иллюстрирующей ВРР жены и тёщи присяжного поверенного Квашина: *Жена и тёща* ***не отрывали глаз от его лица*** *и думали: «Какой он у нас умный, ласковый! Какой он красивый!*» (т. 6, с. 113). Другой пример отражает ВРР Маркела Лохматова: «*Как он, собака, всё это ловко!* – думал он, **следя** за движениями

пальцев фармацевта, делившего какой-то порошок на доли. – *И на всё ведь это нужна наука!*» (т. 3, с. 385–386).

Менее частотным является **аудиальное восприятие** (77 контекстов из 572). В авторской ремарке активны перцептивные глаголы: *слышать, услышать, прислушиваться, слышаться, послышаться* и др.; глаголы звучания: *говорить, кричать, завывать, петь, стучать, шлёпать, дребезжать;* а также лексемы, обозначающие объекты восприятия: *шорох*, *стон, шаги, шум, шушуканье, голоса, крик, звон, звонок, звяканье, бормотанье* и др. Например, плач кухарки вызывает ВРР семилетнего карапузика Гриши: «*Бедная, бедная!* – думал Гриша, **прислушиваясь** к рыданьям кухарки. – *Куда её повели? Отчего папа и мама не заступятся?*» (т. 4, с. 12). ВРР опереточной певицы актуализируется под влиянием разнообразных впечатлений: *Но вот певица опять вздрагивает: опять в передней* ***дребезжит звонок****. Горничная, бранясь и сердито* ***шлёпая туфлями****, идёт отворять дверь. Опять кто-то входит и* ***стучит, как лошадь****. «Вернулся!» – думает певица* (т. 3, с. 428–429). Доминирование визуального и аудиального каналов указывает на их ведущую роль в получении информации о мире.

Тактильные, ольфакторные и густаторные впечатления представлены единичными, но яркими примерами. Например, в рассказе «Скрипка Ротшильда» отражена ВРР гробовщика Якова на прикосновение к гробу: *Прощаясь в последний раз с Марфой, он* ***потрогал*** *рукой гроб и подумал:* «*Хорошая работа!*» (т. 8, с. 257–258). Тактильное ощущение стимулирует ВРР токаря Григория, **нащупавшего холодную руку** жены: «*Померла, стало быть! Комиссия!*» (т. 4, с. 47). Ольфакторные стимулы (запах керосина) вызывают ВРР Стрижина: «*Батюшки мои, это я вместо водки керосину выпил!* – ужаснулся он. – *Святители угодники!*» (т. 6, с. 5–6). Запах мёда также запускает ВРР Егорушки: *Он подумал,* ***понюхал: пахнет мёдом****. «Ага, это еврейский пряник! Как он, бедный, размок!*» (т. 6, с. 392).

ВРР не всегда стимулируется лишь одним каналом восприятия. **Полимодальное восприятие** в прозе Чехова зафиксировано в 46 контекстах из

572. Синтез визуального и аудиального восприятия является самым продуктивным типом полимодальности (33 контекста). Как отмечает А. Р. Лурия, «воспринимающая деятельность почти никогда не ограничивается пределом одной модальности, но включает в свой состав результат совместной работы нескольких органов чувств (анализаторов)» [Лурия 2006: 123]. Таков синтез аудиального и визуального восприятия в когнитивном пространстве Невыразимова: *И чем явственнее* ***слышался звон****, чем* ***громче стучали экипажи****, тем* ***темнее*** *казались* ***бурые*** *стены и* ***закопчённые*** *карнизы, тем сильнее* ***коптила*** *лампа. «Нешто удрать с дежурства?» – подумал Невыразимов* (т. 3, с. 25). Интенсивность сенсорного восприятия сопровождается ростом психологического напряжения.

Исследуемый материал демонстрирует преобладание визуального канала восприятия (53,8% контекстов) при получении информации из внешнего мира, что свидетельствует о его роли в когнитивной системе чеховского героя. Второй по значимости канал – аудиальный (около 13% контекстов). Тактильные, ольфакторные и густаторные способы получения информации представлены единичными примерами. Тем не менее использование всех каналов восприятия свидетельствует о наблюдательности персонажа и полноте его сенсорного восприятия мира. Случаи полимодального восприятия, представленные синтезом визуальных и аудиальных стимулов, подтверждают положение нейропсихологии о комплексной работе анализаторов.

К **внутренним способам** восприятия, моделируемым ВРР, мы относим интероцептивные процессы, что отражает «клинический реализм» автора. ВРР может запускаться физиологическими потребностями. Например, чувство **жара и духоты** у маленького Гриши стимулирует поиск причины в ВРР: *Грише, окутанному,* ***становится невыносимо жарко и душно****. «Отчего бы это?» – думает он, оглядываясь* (т. 4, с. 165). Чувство **жажды** актуализирует ВРР Лаева: «***Пить*** *хочется...*» (т. 3, с. 69).

ВРР у чеховских героев, как правило, рождается из синтеза эмоциональных и интероцептивных ощущений. Это подтверждается данными психологии:

ощущения, «сигнализирующие о состоянии внутренних процессов организма», «всегда сохраняют свою близость к эмоциональным состояниям» [Лурия 2006: 101]. Такова ВРР Сени, отражающая ощущение стыда и его физиологическое проявление в виде жара, судороги и чувства тяжести в ногах: *Меня **бросило в жар** и **передёрнуло**... «Ну, начинается мой срам!» – подумал я, чувствуя, как **наливаются свинцом мои руки и ноги*** (т. 3, с. 276). Волнение Володи в одноименном рассказе физиологически представлено дрожью в руках, спазмами внутренних органов, ощущением нехватки воздуха и головокружением: ***Руки** у него **дрожали**, а **в груди и в животе** было такое ощущение, как будто **по всем его внутренностям бегали холодные волны**. От запаха эфира, карболовой кислоты и разных трав, за которые он без всякой надобности хватался **дрожащими руками** и которые рассыпались от этого, ему было **душно и кружилась голова**. «Кажется, тапап ушла, – думал он. – Это хорошо… хорошо…»* (т. 6, с. 94).

Чехов с клинической точностью описывает физиологическое проявление эмоций. Страх, волнение и стыд отражаются в работе сердца (*забилось сердце*; *ещё сильнее забилось сердце* (т. 4, с. 272); *сердце воспалено и близко к разрыву*; *пульс был горячечный»* (т. 1, с. 190)), в нарушении терморегуляции (*холодеют голова, ноги, руки* (т. 9, с. 292)); *на голове под волосами леденеет кожа* (т. 4, с. 240)), в лихорадочном состоянии (*глаза горят, щеки его пылают* (т. 2, с. 119)), в треморе (*начиная дрожать всем телом* (т. 9, с. 292)), в изменении дыхания (*грудь вздымалась под корсажем, как волна* (т. 1, с. 306); *не дышит* (т. 9, с. 292)).

Взаимосвязь психики и физиологии демонстрируется автором и в ситуации искажения перцепции. Например, в ВРР Мисаила Полознева отражается подавление эстетического чувства природы голодом. Возвышенный порыв героя, вид поля, песня жаворонка перекрываются навязчивыми образами еды: «***Хорошо бы теперь поесть хлеба с маслом**!*» (т. 9, с. 89).

Эмоции героя тесно связаны с восприятием действительности. ВРР моделирует искажение восприятия героем окружающей действительности под влиянием эмоционального состояния. Так, в ВРР Лаптева представлено

негативное восприятие природы, обусловленное мрачным, раздражённо-подавленным настроением: «*Но какая* ***наивная, провинциальная*** *луна, какие* ***тощие, жалкие*** *облака!» – думал Лаптев* (т. 8, с. 305). В другом контексте ВРР Ивана Дмитрича демонстрирует изменение отношения к своим родственникам под влиянием эмоций: *Иван Дмитрич припоминал своих родственников, и их* ***лица, на которые он прежде глядел безразлично, казались ему теперь противными, ненавистными****. «Это такие* ***гадины****!» – думал он* (т. 6, с. 48).

Психиатрическую интерпретацию поведения героев представили М. В. Буняева [Буняева 2013], М. Е. Бурно [Бурно 1996], Е. Б. Меве [Меве 1989] и др., рассмотрев патографию (описание болезни) героев и самого автора, а также отметив медицинскую достоверность Чехова в изображении нервных расстройств. В психостилистическом аспекте целесообразно рассмотреть участие ВРР в сложном процессе соматических проявлений сильных эмоций.

Страх профессора Николая Степановича во время грозы сопровождается детальным описанием физиологии эмоций: замиранием сердца, потливостью, учащённым дыханием, дрожью в теле, спазмами внутренних органов, ощущением паутины на лице. Итогом сложного психофизиологического процесса становится ВРР, в которой принимается решение: «*Что делать? Позвать семью? Нет, не нужно*» (т. 7, с. 157).

Кроме того, ВРР отражает интенсивные, внезапные и бесконтрольные эмоциональные состояния (истерику, приступ паники), фиксируя момент осознания героем своего состояния. Например, в рассказе «Припадок» приступ паники студента Васильева представлен внезапным и сильным чувством страха (*ему было страшно потёмок, страшно снега, страшно было фонарных огней*) и искажённым восприятием действительности (*ему казалось, что отовсюду идут и отовсюду глядят на него женщины, только женщины*). Своё состояние герой самодиагностирует в ВРР: «*Начинается у меня*, – думал он. – *Припадок начинается…*» (т. 7, с. 77).

В повести «Дуэль» Лаевский переживает истерику, которая проявляется в беспричинном смехе (*смех давил ему грудь и шею*), в потере контроля над телом

(*рука не могла закрыть рта*): «*Как это, однако, глупо!* – думал он, **покатываясь со смеху**. – ***Я с ума сошёл**, что ли?*» (т. 7, с. 270–271). Автор с врачебной достоверностью изображает психофизиологию этого состояния через потерю координации и судорожные движения, при которых смех сменяется беспричинным плачем: *Лаевский хотел встать из-за стола, но **ноги его не слушались и правая рука как-то странно, помимо его воли, прыгала по столу, судорожно ловила бумажки и сжимала их**. Он увидел удивлённые взгляды, серьёзное испуганное лицо Самойленка и взгляд зоолога, полный холодной насмешки и гадливости, и понял, что с ним **истерика**. «Какое безобразие, какой стыд, – думал он, чувствуя на лице **теплоту от слёз**… – Ах, ах, какой срам! Никогда со мною этого не было…*» (т. 7, с. 270–271).

Внутреннее восприятие персонажа в прозе Чехова представлено сочетанием эмоционального состояния и физиологических ощущений. Видение человека в единстве психики и физиологии, души и тела является основой клинического мышления автора. ВРР запускается интероцептивными ощущениями (жаждой, голодом, температурным дискомфортом) и отражает искажение восприятия действительности под влиянием физиологических или эмоциональных состояний. Писатель с психофизиологической точностью представляет нервные расстройства героев (истерику, припадок). В результате ВРР отражает профессиональное врачебное мировидение автора, что является особенностью чеховского идиостиля.

2.2.1.3 Когнитивные действия в структуре внутренней реплики-реакции

Внутренняя реплика-реакция (далее – ВРР) персонажа как когнитивно-коммуникативный феномен репрезентирует сенсорные стимулы, которые в сознании персонажа трансформируются в когнитивные действия. Рассмотрим специфику когнитивных действий в ВРР чеховских героев, с помощью которых они интерпретируют окружающую действительность: узнавание, припоминание, предположение, поиск и принятие решения, умозаключение.

Узнавание представляет собой «отождествление (перцептивную идентификацию), признание воспринимаемого объекта как уже известного по

прошлому опыту» [Большой психологический словарь 2003]. ВРР узнавания нередко сопровождается эмоциональным потрясением персонажа. В ВРР чиновника в рассказе «Двое в одном» идентификация сопровождается волнением героя и реализуется с помощью повторяющихся коротких восклицаний: «*Нет, это не он!* – думал я, глядя на одного маленького человечка в заячьей шубёнке. – *Это не он! Нет, это он! Он!*» (т. 2, с. 120). Однословная ВРР Лизы в повести «Живой товар» характеризует радостное узнавание предмета мебели на основе визуальных признаков (размера и формы): *Внесли также что-то большое, увязанное в рогожи, тяжёлое... «**Рояль**», – подумала Лиза, и у ней забилось сердце* (т. 1, с. 240). Растерянное и удивлённое узнавание поручиком обстановки в рассказе «Тина» выражено вопросительной конструкцией: *Поручик говорил, а сам искоса поглядывал в стороны. **«Да никак я в спальне?»** – думал он* (т. 5, с. 164).

Припоминание представляет собой «умственные действия, связанные с поиском, восстановлением и извлечением из долговременной памяти необходимой информации» [Краткий психологический словарь 1998]. ВРР связывает воспринимаемый стимул с прошлым опытом героя. В ВРР поручика Стрекачёва *розовые занавески бельэтажа* стимулируют припоминание приятного времяпрепровождения: «*Тут мадам Дуду живет...* – вспомнил он. – *Давно уж я у неё не был. Не зайти ли?*» (т. 3, с. 41). В ВРР ссыльного Фёдора Степаныча мелькающие огоньки крестного хода вызывают воспоминания о родных местах: «*Крестный ход*, – подумал ссыльный. – ***Как и там, у нас**...» (*т. 2, с. 175).

Предположение (вероятностное прогнозирование), т. е. «догадка, предварительное соображение» [Толковый словарь Ожегова 1992], актуализируется в ВРР в ситуации неопределённости. Модальные слова со значением возможности маркируют данное когнитивное действие: *должно быть, вероятно, может быть, кажется (кажись*). Например, в ВРР музыканта Смычкова при виде тёмных фигур, нёсших в руках узлы, отражается догадка: «*Не воры **ли** это?* – мелькнуло у него в голове. – *Они что-то несут! **Вероятно**, это наше платье!*» (т. 5, с. 38). ВРР сторожа при виде «маленького тусклого огонька» выражает сомнение: «*Огонь, **кажись**, в церкви*, – думает он. – *Откуда ему быть*

там? Спаси и помилуй, владычица! Так оно и есть!» (т. 6, с. 35). Сходным образом строится ВРР Надежды Петровны, услышавшей звонок в дверь: «***Должно быть**, муж...» – подумала она. Но, отворив дверь, она увидела не мужа* (т. 2, с. 281).

Поиск решения представлен в ВРР альтернативными вопросительными конструкциями, отражающими внутреннее колебание и сомнение в момент выбора. В ВРР Крюкова, услышавшего смех и пение из окон Сусанны Моисеевны, актуализируется сомнение: «*Не вернуться **ли**?» – думал он, берясь за звонок, но всё-таки позвонил и пошёл вверх по знакомой лестнице* (т. 5, с. 178). Инфинитивные вопросительные конструкции (в том числе с частицей ***ли***) выражают сомнение в ВРР Павла Андреевича в процессе поиска решения: *Я ходил взад и вперёд по платформе и думал: уехать мне **или** нет?* (т. 7, с. 340). Мысленное колебание здесь соотносится с физическим движением *взад и вперёд по платформе*, указывая на эмоциональное напряжение героя.

Принятие решения – «акт формирования последовательности действий, ведущих к достижению цели на основе преобразования исходной информации в ситуации неопределённости» [Краткий психологический словарь 1998]. Музыкант Смычков, выбившийся из сил в поисках футляра контрабаса, в ВРР принимает решение: «***Пощу** на рассвете*, – решил он» (т. 5, с. 39–40). Путохин, вернувшийся домой после пятидневного шатания по злачным местам, реагирует на молчание жены радикальным решением: «***Пущу** себе пулю в лоб!* – решил он, сгорая со стыда. – *Не могу дольше терпеть! Сил нет!*» (т. 5, с. 337–338). Привычный к курортным романам и скучающий Гуров, наблюдая за дамой с собачкой, принимает в ВРР прагматическое решение: «*Если она здесь без мужа и без знакомых*, – соображал Гуров, – *то было бы не лишнее познакомиться с ней*» (т. 9, с. 321). Формы будущего времени совершенного вида (*пощу*, *пущу*) выражают намерение героя.

Умозаключение в ВРР рассматривается как «умственное действие на основе присущих индивидуальному сознанию норм выводов, во многом совпадающих с правилами и законами логики» [Большой энциклопедический

словарь 2000]. Стрижин констатирует трагическую ошибку, почувствовав запах керосина: «*Батюшки мои, это я вместо водки керосину выпил!* – ужаснулся он. – *Святители угодники!*» (т. 6, с. 5–6). По смеху и пению из открытого окна Крюков делает вывод о присутствии гостей у Сусанны Моисеевны: «*Эге, у неё гости!*» – *подумал Крюков* (т. 5, с. 178).

Таким образом, когнитивные действия (узнавание, припоминание, предположение, поиск и принятие решения, умозаключение) структурируют действительность в сознании персонажа, моделируя динамичный речемыслительный процесс. Узнавание и припоминание актуализируют прошлый опыт (память), предположение – вероятностное прогнозирование (воображение), поиск и принятие решения – волевой процесс, а умозаключение фиксирует итог когнитивной обработки стимула.

2.2.2 Когнитивно-коммуникативные функции внутренней реплики-реакции и саморуминация

На когнитивное восприятие персонажа влияют как негативные эмоциональные состояния (ужас, злоба, стыд и др.), так и позитивные (восхищение, радость, счастье и др.). Во внутренней реплике-реакции (далее – ВРР) эмоциональное состояние героя часто отражают негативно-оценочные номинации других персонажей (*скотина, чёрт, дурак, гадины, собака* и др.) и позитивно-оценочные (*молодец, богатырь* и др.). Например, в рассказе «Волк» демонстрируется восхищение силой Нилова: «***Какой богатырь!*** – думал Овчинников, с умилением **глядя на его большую спину**. – ***Какой молодец!***» (т. 4, с. 244). Учитель Пустяков испытывает одновременно гнев и страх перед коллегой, заметившим его жульничество с орденом: «*Заметил,* ***подлец****!* – подумал Пустяков. – *По* ***роже*** *вижу, что заметил! А он,* ***мерзавец, кляузник***» (т. 2, с. 26).

Негативную **самооценку** в ВРР актуализируют бранные автономинации**:** *мерзавка, глупая, безнравственная, мерзкая, гуляющая барыня, старый хрен, старая собака* и др. Бранные автономинации в ВРР дачника Выходцева отражают удивление и сомнение в том, что «молоденькая блондиночка» может пригласить

его на свидание: «***Она?*** – подумал Выходцев. – ***Не может быть!*** *Разве субтильное, эфемерное существо может полюбить такого* ***старого, потасканного угря****, как я?* ***Нет, это невозможно!***» (т. 4, с. 271).

ВРР отражает психические и эмоциональные особенности персонажа. Ю. В. Погребняк выделила психологические функции интериоризованного дискурса: 1) функцию **самоидентификации** и её подфункции (самонаблюдения, самовосприятия и самоосознания); 2) функцию **саморегуляции** и её подфункции (самопланирования, самооценки, самовнушения, самопоощрения, самозащиты, самоподдержки, самоутешения, самооправдания, самоиронии, самообвинения, самоответа, самоупрёка, самокритики, самокоррекции); 3) функцию **самопонимания** и её подфункции (саморефлексии и самопознания) [Погребняк 2012].

В рамках нашего исследования выделенные психологические функции (самоидентификация, саморегуляция и самопонимание) рассматриваются как когнитивно-коммуникативные. Во-первых, это обусловлено тем, что объектом нашего изучения является ВР, т. е. феномен, с помощью которого эти процессы осуществляются. Во-вторых, ВР синтезирует автокоммуникацию и моделирование когнитивных процессов мышления, речи, памяти, восприятия, внимания, воображения и является «связующим звеном между коммуникативными и когнитивными способностями» [Верани 2010: 14].

Мы используем функции, выделенные Ю. В. Погребняк, расширяя их список, для определения функциональной специфики ВРР. Например, функция **самовосприятия** наблюдается в ВРР Подгорина, надевшего туфли отца семейства и почувствовавшего себя родным человеком: «*Точно зять*… – мелькнуло у него в мыслях» (т. 9, с. 423).

В ВРР Настасьи Канавкиной, пришедшей к зубному врачу просить денег, актуализируются функции **самонаблюдения** и **самовосприятия**: «*Может быть, он уж забыл про меня*… – думала она, не решаясь дёрнуть за звонок. – *И как я пойду к нему в таком платье? Точно нищая или мещанка какая-нибудь*…» (т. 5, с. 10–11).

В ВРР Софьи Петровны, поющей «романсы нервно, с каким-то полупьяным задором», представлены функции **самонаблюдения** и **осознания своего психофизиологического состояния**: «***Кажется, во мне происходит что-то неладное***…» *– изредка думала она сквозь смех и пение* (т. 5, с. 89).

Самонаблюдение физиологических ощущений проявляется в ВРР пьяного мужичонка**:** «***Жрать хочется****», – думает он* (т. 2, с. 119); в ВРР Лаева: «***Пить хочется***...» *– думает Лаев, стараясь открыть глаза и чувствуя, как через его голову кто-то лезет из окна* (т. 3, с. 69).

Целостное видение персонажа в единстве мыслительного и физиологического процессов, единстве души и тела является свойством клинического мышления автора-врача и проявлением идиостиля Чехова.

Функция самопонимания в ВРР реализуется через **саморефлексию** и наблюдается в ВРР Лыжина, проецирующего на себя поведение Тауница, не примирившегося с потерей жены: «*Неужели и я когда-нибудь могу дойти до такого состояния?» – думал Лыжин, засыпая и слушая сквозь стену его сдержанный, точно сиротский голос* (т. 9, с. 317). Саморефлексия отражается в ВРР извозчика Ионы, объясняющего себе причины тревожного состояния: «*И на овёс не выездил*, – думает он. – *Оттого-то вот и тоска. Человек, который знающий своё дело... который и сам сыт, и лошадь сыта, завсегда покоен*...» (т. 4, с. 84).

Предлагается дополнить функцию самопонимания подфункцией **самодиагностики**, характерной для ВРР героев Чехова. Функция **самодиагностики** сумасшествия наблюдается в ВРР героя, видевшего везде гробы: «*Я схожу с ума!* – подумал я в ужасе, хватая себя за голову. – *Боже мой! Что же делать?!*» (т. 2, с. 96). В ВРР Павла Андреевича реализуется функция **самодиагностики** сумасшествия наряду с **самоупрёком** в алогичности действий: «*Целый ряд непоследовательных поступков*... – думал я, пряча лицо от снега. – *Это я сошёл с ума. Ну, пускай*…» (т. 7, с. 341). Самодиагностика Павла Андреевича – это не клинический диагноз, а определение бесполезности и бесцельности своего существования, душевной боли.

В ВРР Коврина выделяются функции **самодиагностики** психического расстройства, **самозащиты** и **самообмана** в отрицании серьёзности болезни**:** «***Но ведь мне хорошо, и я никому не делаю зла; значит, в моих галлюцинациях нет ничего дурного»***, *– подумал он, и ему опять стало хорошо* (т. 8, с. 195). Самодиагностируя галлюцинации и размышляя о них, Коврин признаёт свой разлад с миром.

Функции **самоупрёка, самонаблюдения, самодиагностики** выделяются в ВРР учителя Сысоева, заплакавшего на ежегодном банкете: «*Конечно, напрасно я там разревелся!* – думал он, глядя на свои глаза с тёмными кругами и на впалые щёки. – *Сегодня у меня цвет лица гораздо лучше, чем вчера. У меня малокровие и катар желудка, а кашель у меня желудочный*» (т. 5, с. 68–69). Самодиагностика учителя – попытка рационализировать непонятную душевную боль, придав ей понятную «клиническую» форму.

Соответственно, функция самодиагностики в ВРР рефлексирующих интеллигентов представляет собой не клинический диагноз, а метафору разлада с миром, попытку объяснить внутренние терзания, тоску, апатию, бесцельность и бесполезность существования.

Функции **саморегуляции** персонажей отражают контроль и управление мыслями, психоэмоциональным состоянием, поведением и реализуются подфункциями самооправдания, самоподдержки, самозащиты, самопланирования, самоупрёка, самооценки, самообвинения.

В ВРР присяжного поверенного Скворцова, заставившего «человека избалованного, пьяного и, быть может, больного заниматься на холоде чёрной работой», актуализируется подфункция **самооправдания**: «*Ну, ничего, пусть…* – подумал он, идя из столовой в кабинет. – *Это я для его же пользы*» (т. 5, с. 250). Функция самооправдания наблюдается в ВРР мальчика, чувствующего обиду и стыд оттого, что красавица Маша не обращает на него внимания**:** «*Это оттого*, – думал я, – *что я весь в пыли, загорел, и оттого, что я ещё мальчик*» (т. 7, с. 25–26).

Самоподдержка и **самокритика** выделяются в ВРР статского советника Бахромкина, открывшего в себе способность рисовать: «*Превосходно! Браво!* – восхищался он. – *Поучиться бы только технике, совсем бы отлично было*» (т. 4, с. 207).

Самооценка и **самоупрёк** представлены в ВРР Софьи Петровны, вспомнившей свидание с Ильиным**:** «*И зачем я, глупая, пошла сегодня?* – мучилась она. – *И неужели я такая, что мне нельзя ручаться за себя?*» (т. 5, с. 86–87).

Самооценка и **самообвинение** выявляются в ВРР молодого человека, давшего своей невесте деньги без расписки: «*Ведь этакий я дурак!* – подумал он, когда поезд исчез из вида. – *Даю деньги без расписки! А? Какая оплошность, мальчишество!*» (т. 2, с. 152).

Самозащита наблюдается в ВРР доктора Старцева, почувствовавшего забытое чувство беспокойства от «грустных, благодарных, испытующих глаз» Екатерины Ивановны: «*А хорошо, что я тогда не женился*» (т. 9, с. 268). ВРР защищает его спокойную рациональную жизнь, заглушая неприятное чувство тревоги.

В ВРР Павла Андреевича прослеживается **планирование** бегства из дома после ссоры с женой: «*Нет, надо уехать!* – решил я наконец, выбившись из сил. – *Подальше от этих великолепных впечатлений. Завтра же уеду*» (т. 7, с. 332–333). В ВРР Нади Зелениной, сравнивающей офицера Горного и студента Груздева, выделяется подфункция **планирования чувств**: «***Нет, буду лучше любить Груздева***», – *решила Надя и разорвала письмо* (т. 8, с. 7).

В ВРР Веры, набросившейся на прислугу в приступе гнева и считающей, что такое поведение «нельзя забыть и простить себе в течение всей жизни», прослеживается **самокоррекция** мыслей: «*Нет, довольно, довольно!* – думала она. – *Пора прибрать себя к рукам, а то конца не будет… Довольно!*» (т. 9, с. 212).

В ВРР Гурова, проводившего Анну Сергеевну в Петербург, наблюдается **самоубеждение**: «*Пора и мне на север*, – думал Гуров, уходя с платформы. –

Пора!» (т. 9, с. 328). Повтор *пора* в ВРР показывает необходимость и неизбежность возвращения домой к привычной северной жизни.

Предлагается дополнить функцию саморегуляции персонажа подфункциями **самоотстранения** и **самообмана**.

Самоотстранение наблюдается в ВРР Гурова. Он не сопереживает горю и раскаянию Анны Сергеевны, воспринимает её слёзы как физиологический процесс, который нужно переждать: «***Ну, пускай поплачет, а я пока посижу***», – *подумал он и сел в кресло* (т. 9, с. 335).

В ВРР Павла Андреевича, ошибочно воспринимающего «взрыв ненависти» жены как что-то обыкновенное и легко поправимое, реализуется **самообман:** «*Ведь ничего же не случилось особенного!* – убеждал я себя. – *Что же я так волнуюсь? Завтра не пойду к ней вниз, вот и всё – и конец нашей ссоре*» (т. 7, с. 325).

Как мы отметили ранее, ВР моделирует когнитивный процесс внимания. Отражение фокуса и контроля внимания в ВР определяет её роль в саморегуляции. Анализ показывает, что чеховские персонажи не всегда способны контролировать свои мысли и эмоции и управлять ими. Для описания бесконтрольного и неуправляемого мышления героя предлагается ввести функцию **саморуминации**.

Руминацией в психологии и психиатрии называют повторяющиеся, нежелательные, трудноустранимые мысли, доминирующие в психической жизни человека [Martin, Tesser 1996]. Американский профессор психологии Сьюзен Нолен-Хуксема рассматривает связь руминации с депрессией и тревогой, поскольку люди с руминативным стилем мышления постоянно и пассивно размышляют о своих негативных эмоциях [Nolen-Hoeksema 2000]. Канадский профессор психологии Ален Морен определяет руминативную ВР как дисфункциональную, поскольку сосредоточенность на реальных или воображаемых негативных восприятиях может привести к психическим расстройствам, таким как тревога и депрессия [Morin 2012].

В контексте ВР под саморуминацией понимается навязчивая концентрация внимания на повторяющихся, тревожных, бесконтрольных мыслях, истощающих психику и усиливающих беспокойство. Саморуминация характерна для ВР чеховских персонажей и создаётся дистантным повтором ВРР. Например, Лидия Егоровна в рассказе «Герой-барыня» потрясена разорением и отъездом мужа к любовнице. Тем не менее она поддерживает светскую беседу, реагирует на шутки гостей (*Что вы?!*), участвует в разговоре (*изумилась, ахнула*), соблюдает этикет, улыбается. Но дистантный повтор в ВРР отражает её сосредоточенность на беспокоящей мысли: «***В Одессу на два месяца... к той.***..»; «***В Одессе теперь... развратник!***» (т. 2, с. 199). Повтор *в Одессу* в ВРР героини становится личным «сгустком смысла» [Выготский 1982: 475], концентрирующим гнев и ревность Лидии Егоровны.

Повтор в ВРР, отражая саморуминацию в мышлении героев, участвует в создании подтекста и углубляет психологическую характеристику персонажа. Разделяя позицию М. Б. Борисовой, определяем подтекст как «глубинный, дополнительный, скрытый смысл, особую смысловую насыщенность слова, выражения, фрагмента, отличительными особенностями которой являются ситуативная и психологическая обусловленность, с одной стороны, и связь с композиционной организацией текста, отражающей концепцию автора, – с другой» [Борисова 2008: 10]. М. Б. Борисова выделяет концептуально-авторский (композиционный) и субъективно-персонажный (ситуативный) подтексты [Борисова 2008] в отношении драмы. На наш взгляд, данные типы подтекста свойственны не только драме, но и прозе Чехова и создаются ВРР героев в неречевых ситуациях.

ВРР Лидии Егоровны создают концептуально-авторский подтекст. Повторяющиеся ВРР расширяют семантику приращениями и становятся «смысловыми и словесными лейтмотивами, словами-символами» [Борисова 2008: 14]. Дистантный повтор *в Одессу* указывает не только на временное местопребывание мужа, но наполняется дополнительным смыслом предательства и отчаяния.

Функция саморуминации наблюдается в ВРР Лаевского в повести «Дуэль». Структурно она организована дистантным повтором слова *пятница*. *Пятница* для Лаевского – это день получения денег для долгожданного отъезда в Петербург. Слово *пятница* не выходит у него из головы. Повторение ВРР демонстрирует саморуминацию и тем самым усиливает страх героя не уехать в Петербург. Внешне Лаевский спокоен, выполняет бытовые действия, внутренне он переживает панику, с ужасом осознаёт, что его план может разрушиться и он останется на Кавказе. Герой входит в гостиную: «***Пятница… пятница,*** – думал Лаевский, возвращаясь в гостиную. – ***Пятница***…» (т. 7, с. 267). «Ему подали чашку шоколаду. Он ожёг губы и язык горячим шоколадом и думал: ***Пятница… пятница***…» (т. 7, с. 267). «Поставили рядом два ломберных стола и сели играть в почту. Лаевский тоже сел. ***Пятница… пятница…*** – думал он, улыбаясь и вынимая из кармана карандаш. – ***Пятница***…» (т. 7, с. 267). Герой читает записку: «А кто-то в субботу не уедет». «*Глупое издевательство,* – подумал Лаевский. – ***Пятница, пятница***…» (т. 7, с. 271).

Слово *пятница*, повторяющееся в ВРР Лаевского, теряет значение «день недели» и приобретает индивидуальное значение, осложняясь семантическими приращениями. Дистантный повтор слова *пятница* становится лейтмотивом освобождения от несчастной жизни на Кавказе с нелюбимой женщиной, создаёт концептуально-авторский подтекст.

Таким образом, саморуминация в ВРР, углубляя психологизм героя, демонстрирует взгляд интересующегося психиатрией Чехова-врача на негативное бесконтрольное мышление, приводящее к тревожности. Структурные особенности саморуминации – повтор навязчивых мыслей – актуализируют концептуально-авторский (композиционный) подтекст. ВРР отражает единый авторский взгляд Чехова-врача и Чехова-писателя.

В художественной прозе Чехова ВРР функционирует как когнитивно-коммуникативный механизм, объективируя перцептивные, эмоциональные и мыслительные процессы персонажа. Анализ ВРР показал, что когнитивное восприятие действительности в ВРР связано с эмоциональной оценкой.

Номинации других персонажей в ВРР – результат мгновенной обработки сенсорных данных. Выделенные Ю. В. Погребняк психологические функции рассматриваются как когнитивно-коммуникативные, что обусловлено двойственной природой внутренней речи: репрезентацией автокоммуникации и моделированием когнитивных процессов и действий. В прозе Чехова данные функции приобретают специфическое значение. Самоидентификация и самовосприятие проявляются через осознание психофизиологических состояний. Самопонимание уточняется подфункцией самодиагностики, актуализирующей не постановку героем реального клинического диагноза, а рационализацию душевного разлада. Функция саморегуляции представлена рядом подфункций: прагматическим самопланированием, волевой самокоррекцией, а также защитными подфункциями – самооправданием, самоотстранением, самообманом. В прозе Чехова эти функции наполняются особым содержанием, отражающим его клинический взгляд на человека. Особый интерес представляет дисфункциональный аспект внутренней речи, для которого вводится термин «саморуминация» – навязчивая бесконтрольная фиксация внимания на негативных мыслях. В отличие от конструктивной саморегуляции, саморуминация отражает процесс психического истощения и тревожности. Саморуминацию организует дистантный повтор ВРР. Одновременно дистантный повтор ВРР создаёт концептуально-авторский подтекст, приобретая дополнительные смыслы.

Таким образом, спектр функций ВРР у Чехова широк и простирается от базовых механизмов когнитивной и эмоциональной саморегуляции до сложных дисфункциональных состояний (саморуминация), что демонстрирует не только психологическую глубину, но и психофизиологическую достоверность его персонажей, обусловленную синтезом взглядов писателя и врача. Внимание автора к психофизиологическим особенностям в ВРР и дисфункциональным состояниям позволяет сделать вывод о единстве авторского взгляда писателя-психолога и клинической наблюдательности врача. Данное единство обусловливает «клинический реализм», в котором персонаж предстаёт как

неразрывное психофизиологическое единство, а его внутренняя речь – отражение этого единства.

2.2.3 Автокоммуникативность и спонтанность

Основными характеристиками внутренней реплики-реакции (далее – ВРР) являются автокоммуникативность и спонтанность. **Автокоммуникативность** проявляется в диалогизации, реализуемой лексическими (экспрессивно-оценочные автономинации), морфологическими (глаголы и местоимения в форме 2-го лица при обращении к себе) и синтаксическими (вопросительные и побудительные конструкции). Например, в рассказе «Несчастье» ВРР Софьи Петровны отражает её бессилие в борьбе с собственной влюблённостью: «*Безнравственная! Мерзкая!* – грызла она себя за своё бессилие. – *Так вот ты какая?*» (т. 5, с. 90). Негативно-оценочные автономинации, местоимение *ты* в вопросительном предложении при обращении к себе актуализируют диалогичность ВРР. Другой пример – ВРР Ионы в рассказе «Тоска»: «*Пойти лошадь поглядеть,* – думает Иона. – *Спать всегда успеешь... Небось, выспишься...*» (т. 4, с. 84–85). Автокоммуникативность создаётся предикатами с побудительным значением (*пойти поглядеть*), а также формами 2-го лица при обращении к себе (*успеешь, выспишься*).

Эффект **спонтанности** ВРР персонажа создаётся с помощью односоставных восклицательных предложений, насыщенных экспрессивно-разговорной лексикой, а также посредством повтора. Такова ВРР Волдырева в рассказе «Справка», вызванная работой чиновников: «*Пишут!* – подумал он, вздыхая. – *Пишут, чтобы чёрт их взял совсем!*» (т. 1, с. 90). На неподготовленность, незавершённость, обрыв мысли указывают прерванные конструкции. В повести «Драма на охоте» ВРР Зиновьева на письма графа и облегчение от разрыва с Ольгой: «*Кончено!* – думал я. – *И слава богу... Надоело...*» (т. 3, с. 196–197).

Итак, основными характеристиками ВРР являются автокоммуникативность, проявляющаяся, в частности, в диалогизации, и спонтанность реакции на внешние и внутренние стимулы.

2.2.4 Трансформация языковых единиц в автокоммуникации (на примере лексемы «прощай»)

Для анализа внутренней реплики-реакции (далее – ВРР) как когнитивно-коммуникативного феномена особый интерес представляют случаи, когда языковые единицы внешней, межличностной коммуникации меняют свою роль в автокоммуникации. Попадая в ВР персонажа, они теряют функцию социального взаимодействия и становятся инструментом внутренней работы. Яркой иллюстрацией такой трансформации являются этикетные формулы во внутренней речи. Анализ функционирования лексемы «прощай» в ВРР выявляет утрату фатической функции речевого этикета. Кроме того, изменение семантики этикетной формулы в ВРР позволяет проследить эволюцию чеховского психологизма в диахронии.

В ВРР чеховских героев слово *прощай* перестаёт быть знаком вежливости и становится инструментом когнитивной и эмоциональной саморегуляции. Его значение расширяется и осложняется в зависимости от того, *с чем* или *с кем* прощается герой.

В ранних рассказах лексема *прощай* в ВРР актуализирует иронию. В рассказе «Роман с контрабасом» музыкант Смычков в ВРР поэтически прощается с красавицей, уснувшей во время рыбалки: «*Но довольно*… – подумал он, испустив глубокий вздох. – ***Прощай, чудное виденье****! Мне уже пора идти на бал к его сиятельству*…» (т. 5, с. 35). Смычков иронично и театрально прощается не с реальной женщиной, а со сказочной спящей красавицей, с чудным виденьем, с романтическим мимолётным чувством, похожим на любовь, и возвращается к рабочим обязательствам.

В зрелой прозе Чехова *прощай* в ВРР приобретает символическую глубину. В повести «Степь» Егорушка в ВРР прощается с бричкой, сопровождавшей его во время всего путешествия в большой город: *В дальнем углу двора темнела знакомая бричка; возле неё стояли гнедые и ели овёс.* «***Прощай, бричка****!» – подумал Егорушка* (т. 6, с. 400). В ВРР Егорушки прощание с бричкой – это не прощание с повозкой, а прощание с этапом жизни – детством. В ВРР мальчика

бричка становится олицетворением большого путешествия по степи и символом взросления. «*Прощай, бричка!*» – нежная печаль от расставания с детством, осознание необратимости перемен.

В позднем творчестве писателя *прощай* отражает не только утрату, но и обретение. В рассказе «Невеста» Надя в ВРР прощается с Сашей: *Она ясно сознавала, что жизнь её перевёрнута, как хотел того Саша, что она здесь одинокая, чужая, ненужная и что всё ей тут ненужно, всё прежнее оторвано от неё и исчезло, точно сгорело и пепел разнёсся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут. «**Прощай, милый Саша**!» – думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, ещё неясная, полная тайн, увлекала и манила её* (т. 9, с. 411). Прощание Нади – это обретение свободы и готовность к новой жизни.

Анализ лексемы «прощай» в ВРР демонстрирует трансформацию функционирования языковых единиц в автокоммуникации. Этикетная формула, утрачивая свою фатическую функцию, приобретает дополнительные семантические приращения. Эволюция семантики формулы – от иронично-театрального прощания с «чудным виденьем» у Смычкова, через символичное прощание с детством у Егорушки к встрече с будущим у Нади – отражает эволюцию чеховского психологизма.

Таким образом, ВРР – значимый элемент чеховской поэтики, моделирующий речемыслительную деятельность. Количественный анализ показал, что ВРР является преобладающей формой ВР в прозе писателя, что свидетельствует о его внимании к начальным, спонтанным этапам мышления. На когнитивном уровне ВРР характеризуется как мгновенная реакция, связанная с перцепцией и доминированием визуального канала восприятия (53,8% контекстов). Содержание ВРР определяется фокусом внимания, охватывающим внешний мир (персонажи, вещный мир, природа) и интероцептивные (внутренние, исходящие из тела) ощущения организма. Связь ВРР с интероцепцией раскрывает особенность идиостиля Чехова – «клинический реализм». Психосоматическая природа ВРР отражает уникальный авторский

взгляд, синтезирующий наблюдательность писателя и видение врача, воспринимающего человека в единстве психики и физиологии. На функциональном уровне исследование ВРР выявило такие специфические подфункции, характеризующие чеховский идиостиль, как самодиагностика и саморуминация – дисфункциональное, навязчивое повторение мыслей, формирующее концептуально-авторский подтекст произведения. Языковые единицы, попадая в ВРР, утрачивают прежние коммуникативные функции и приобретают новые, регулятивно-символические. Это было показано на примере эволюции лексемы «прощай»*:* от иронии в ранних рассказах к психологическому символу в поздних.

ВРР в художественной прозе Чехова представляет собой сложный феномен, синтезирующий когнитивные, автокоммуникативные и психофизиологические аспекты. ВРР определяется перцептивной обусловленностью, интероцептивной и психосоматической природой и реализует когнитивно-коммуникативные функции (включая самодиагностику и саморуминацию). Тем самым ВРР становится инструментом создания психологической глубины персонажа и уникальной чеховской поэтики.

2.3 Внутренний монолог как заключительный этап внутренней речи

Внутренний монолог (далее – ВМ) как заключительный этап внутренней речи (далее – ВР) характеризуется содержательной цельностью, логической последовательностью и структурной связностью. Эти свойства сближают его с внутренним проговариванием [Леонтьев 1969]. Рассматриваемый ВМ представляет собой автокоммуникацию, структурно и содержательно близкую к внешней речи, и моделирует такие когнитивные процессы, как мышление, память и воображение. Л. Я. Гинзбург называет такие монологи «логическими», подчёркивая, что в них «человек анализирует сам себя, для большей ясности прибегая к расчленённым формулировкам» [Гинзбург 1977: 356]. Логически оформленный ВМ демонстрирует не только то, *что* думает герой, но и то, *как* он думает. Данный феномен анализируется в трёх аспектах: 1) в *когнитивном*

аспекте рассматривается моделирование мышления и памяти (2.3.1), воображения (2.3.2), а также метакогнитивных процессов (2.3.3); 2) в *коммуникативном* аспекте изучаются его автокоммуникативность, диалогичность (2.3.4) и полифонизм (2.3.5); 3) в *стилистическом* аспекте исследуются книжность и разговорность как свойства ВМ (2.3.6).

2.3.1 Когнитивный аспект: моделирование мышления и памяти

Внутренний монолог (далее – ВМ) как заключительный этап внутренней речи (далее – ВР) моделирует когнитивные процессы мышления, памяти и воображения. Согласно классификации И. В. Страхова, ретроспективный ВМ (монолог-воспоминание) отражает взаимодействие мышления и памяти, в то время как проспективный ВМ (монолог-мечтание) в большей степени опирается на мышление и воображение [Страхов 1969].

Анализ ВМ в прозе Чехова позволяет выявить основные способы взаимодействия мышления и памяти: сопоставление прошлого и настоящего, установление причинно-следственных связей, а также итоговое оценочное обобщение.

Наиболее частотной мыслительной операцией в чеховском монологе-воспоминании оказывается противопоставление **прошлого и настоящего**. Так, в ВМ опереточной певицы Натальи Андреевны в рассказе «Mari d'elle» показано, как изменилось поведение мужа: «*Странно*... – думает певица. – ***Прежде, бывало**, получит жалованье и прячет, **а теперь** и ста рублей в день ему мало. **Бывало**, при гимназистах говорить боялся, чтоб глупости не сказать, **а теперь** даже с князьями фамильярничает... **Дрянной человечишка!***» (т. 3, с. 428). Результатом сопоставления становится итоговое оценочное суждение: «*Дрянной человечишка!*»

Сходным образом в ВМ прокурора Быковского сопоставляются устаревшие и современные методы воспитания детей: «***Прежде, в моё время**, эти вопросы решались замечательно просто*, – размышлял он. – *Всякого мальчугу, уличённого в курении, секли. Малодушные и трусы, действительно, бросали курить* <...>

Теперь же *эти средства представляются ничтожными и безнравственными. Становясь на почву логики, современный педагог старается, чтобы ребёнок воспринимал добрые начала не из страха, не из желания отличиться или получить награду, а сознательно*» (т. 6, с. 39). Память героя воссоздаёт прежние *простые решения*, которые теперь представляются *ничтожными и безнравственными*. Сравнивая две эпохи, Быковский приходит к выводу, что методы *современного педагога* предпочтительнее, поскольку воспитывают в ребёнке сознательность.

В повести «Скучная история» профессор Николай Степанович сопоставляет образ своей жены в прошлом и настоящем: «В недоумении я спрашиваю себя: *неужели* ***эта*** *старая, очень полная, неуклюжая женщина, с тупым выражением мелочной заботы и страха перед куском хлеба, со взглядом, отуманенным постоянными мыслями о долгах и нужде, умеющая говорить только о расходах и улыбаться только дешевизне – неужели эта женщина* ***была когда-то той самой*** *тоненькой Варею, которую я страстно полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как Отелло Дездемону, за "сострадание" к моей науке? Неужели* ***это та самая жена*** *моя Варя, которая* ***когда-то*** *родила мне сына?*» (т. 7, с. 112–113). Герой не узнаёт в нынешней *старой* и *неуклюжей женщине* ту *тоненькую*, *красивую* и *умную девушку*, на которой он женился. Память воскрешает образы прошлого, а мышление сопоставляет их с настоящим и выносит итоговую оценку.

Взаимодействие мышления и памяти проявляется также в поиске **причинно-следственных связей,** когда герой обращается к прошлому, чтобы объяснить своё текущее состояние или поведение. В ВМ Анны Акимовны в рассказе «Бабье царство» такая связь устанавливается между двумя типами руководства заводом: «***При отце*** *было больше порядка*, – думала Анна Акимовна, выезжая со двора, – ***потому что*** *он сам был рабочий и знал, что нужно.* ***Я же*** *ничего не знаю и делаю одни глупости*» (т. 8, с. 218). Порядок на предприятии, который был при отце, героиня связывает с его личным знанием дела. Свои же неудачи в управлении она объясняет отсутствием практического опыта.

Аналитическое мышление в ВМ земского врача Овчинникова в рассказе «Неприятность» проявляется в строгом сопоставлении собственного поведения и поступков фельдшера: «*Он человек нехороший, вредный для дела; за три года, пока он служит, у меня накипело в душе, но тем не менее мой поступок ничем не может быть оправдан. Я воспользовался правом сильного. Он мой подчинённый, виноват и к тому же пьян, а я его начальник, прав и трезв… **Значит**, я сильнее. **Во-вторых**, я ударил его при людях, которые считают меня авторитетом, и **таким образом** я подал им отвратительный пример…*» (т. 7, с. 12–13). Логику рассуждений доктора отражают вводные слова, маркирующие порядок мыслей (*значит, во-вторых, таким образом*). Вывод Овчинникова заключается в оценке своего поведения как *отвратительного примера* для подчинённых.

В рассказе «Кухарка женится» семилетний Гриша в ВМ сравнивает два типа женихов, выстраивая собственную наивную логику: «*Кухарка женится...* – думал он. – *Странно. Не понимаю, зачем это жениться? Мамаша женилась на папаше, кузина Верочка – на Павле Андреиче. Но на папе и Павле Андреиче, **так и быть уж, можно** жениться: **у них есть** золотые цепочки, хорошие костюмы, **у них всегда** сапоги вычищенные; **но** жениться на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках... **фи!** И почему это няньке хочется, чтоб бедная Пелагея женилась?*» (т. 4, с. 10). Отец и Павел Андреич в представлении ребёнка входят в категорию достойных избранников, поскольку у них есть *золотые цепочки* и *хорошие костюмы.* Извозчик, напротив, исключается вследствие его *красного носа* и *валенок*.

Таким образом, внутренний монолог как заключительный этап внутренней речи отражает когнитивные процессы мышления и памяти персонажа. Рассмотренные когнитивные операции – сравнение прошлого с настоящим, поиск причинно-следственных связей и итоговое оценочное обобщение – демонстрируют процесс осмысления прошлого у чеховских персонажей. Обращаясь к воспоминаниям, чеховские герои не просто воспроизводят картины былого, но ищут в них ключ к пониманию настоящего, пытаясь объяснить собственные поступки и выстроить внутреннюю логику своей жизни.

2.3.2 Когнитивный аспект: моделирование воображения

Во внутреннем монологе (далее – ВМ) как заключительном этапе внутренней речи (далее – ВР) автор отражает не только размышления персонажа о прошлом или настоящем, но и моделирует возможные ситуации будущего. Монолог, в ходе которого герой создаёт и переживает будущие события, основывается на когнитивном процессе воображения.

В сознании чеховских героев воображение формирует как реалистичный, так и фантастический образ будущего, который сразу становится объектом анализа, планирования и эмоциональной оценки. Выстраивая **план действий**, персонаж взвешивает его результативность. Такое прогностическое планирование проявляется в рассказе «Роман с контрабасом» в ВМ княжны Бибуловой, у которой похитили одежду во время купания: «*Что же мне теперь делать?* – заплакала она. – *Неужели идти в таком виде? Нет, никогда! Лучше смерть! Я* ***подожду****, пока стемнеет; тогда, в темноте, я* ***дойду*** *до тётки Агафьи и* ***пошлю*** *её домой за платьем… А пока* ***пойду спрячусь*** *под мостик*» (т. 5, с. 36–37). Ключевые пункты этого плана выражаются глаголами совершенного вида в форме будущего времени (*подожду, дойду, пошлю, спрячусь*), что подчёркивает решительность и хронологическую последовательность мыслей героини.

План действий представлен в рассказе «Бумажник» в ВМ странствующего актёра Попова, нашедшего деньги: «*Ведь этакое счастье!* – размышлял он дорогой. – *Не было ни гроша, да вдруг алтын.* ***Махну*** *теперь в родную Кострому,* ***соберу*** *труппу и* ***выстрою*** *там свой театр.* ***Впрочем****... за пять тысяч нынче и сарая путного* ***не выстроишь***» (т. 3, с. 304). Последовательность действий героя передаётся цепочкой глаголов будущего времени. Однако сомнение, выраженное словом *впрочем,* вводит в ВР актёра противоположную смысловую позицию: масштабный план мгновенно оценивается как нереалистичный.

Воображение персонажа также воссоздаёт вероятные ситуации. В рассказе «Роман с контрабасом» в ВМ музыканта Смычкова подбадривает предвкушение награды: «*Нет худа без добра*… – думал он, взбудораживая пыль босыми ногами и сгибаясь под ношей. – *За то тёплое участие, которое я принял в судьбе*

княжны, Бибулов ***наверно щедро наградит*** *меня*» (т. 5, с. 38). Похожий прогностический процесс обнаруживается в ВМ защитника окружного суда в рассказе «Сонная одурь», мечтающего о домашнем обеде: «*А* ***может быть****, у нас уже* ***обедают****!* – плывут мысли у защитника. – *За столом сидят тёща, жена Надя, брат жены Вася, дети...*» (т. 4, с. 22–23). Языковыми сигналами подобных ситуаций выступают модальные слова *наверно, вероятно, может быть*, выражающие субъективную оценку степени достоверности.

Воображение чеховских героев создаёт и **нереальные, но желательные ситуации**. Так, в мыслях актёра в рассказе «Бумажник» отражаются масштабные мечты о внезапном богатстве: «*Вот если* ***бы*** *весь бумажник* ***был*** *мой, ну, тогда другое дело... Такой* ***бы*** *театрище* ***закатил****, такой, что моё почтение*» (т. 3, с. 303–304). В ВМ Щеглова в рассказе «Трифон» воображаемый сценарий будущего приобретает форму возмездия: «*Его* ***бы наказать****, чтоб всю жизнь помнил...* ***Выпороть бы****, как прежде...* ***Разложить бы*** *в конюшне и этак... в десять рук, семо и овамо...*» (т. 2, с. 303). Нереальность реализации устремлений героев подчёркивается грамматической формой сослагательного наклонения.

Воображение в ВМ также моделирует будущие диалоги и прогнозирует реакцию потенциального собеседника. Так, Пётр Павлович Просудин в рассказе «Шило в мешке» тайно спешит с проверкой в уездный городишко, предвкушая ужас виновников: «*Накрыть... Как снег на голову...* – мечтал он, пряча лицо своё в воротник. – *Натворили мерзостей, пакостники, и торжествуют, небось, воображают, что концы в воду спрятали... Ха-ха... Воображаю* ***их ужас и удивление****, когда в разгар торжества послышится: “****А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!****” То-то* ***переполох*** *будет! Ха-ха...*» (т. 4, с. 53). В повести «Скучная история» заслуженный профессор Николай Степанович в ВМ воображает трагическое сообщение товарища-врача о своей болезни: «И тотчас же я воображаю, как *товарищ, выслушав меня, отойдёт молча к окну, подумает, потом обернётся ко мне и, стараясь, чтобы я не прочёл на его лице правды, скажет* ***равнодушным тоном****: “****Пока не вижу ничего особенного, но всё-таки, коллега, я советовал бы вам прекратить занятия****”*» (т. 7, с. 147).

ВМ позволяет воссоздать не только будущее, но и альтернативное прошлое, т. е. моделировать контрфактуальное мышление [Roese 1997; Epstude 2008]. Под ним понимаются ментальные репрезентации альтернатив прошлого, порождаемые негативным опытом [Roese 1997; Epstude 2008]. Контрфактуальное мышление опирается на воображение и память, но направлено не на объективный анализ событий, а на создание их вымышленной версии – ради самооправдания или, напротив, самобичевания.

Ярким примером такого мышления становится ВМ судебного следователя Зиновьева в повести «Драма на охоте». Герой размышляет о том, как могла бы измениться его жизнь, если бы цепь трагических событий оборвалась в самом начале: «Впоследствии я думал не раз: *сколько несчастий не пришлось бы мне перенести на своих плечах и сколько добра принёс бы я своим ближним,* ***если бы*** *в этот вечер у меня хватило решимости поворотить назад,* ***если бы*** *моя Зорька взбесилась и унесла меня подальше от этого страшного большого озера! Сколько мучительных воспоминаний не давили бы теперь моего мозга и не заставляли бы мою руку то и дело оставлять перо и хвататься за голову!*» (т. 3, с. 102). Память и воображение героя работают «от обратного»: Зиновьев конструирует спасительную альтернативу прошлому, используя её для горького самобичевания.

В повести «Палата № 6» доктор Рагин, оправдывая свою нечестность, представляет в ВМ альтернативное прошлое: «*Я служу вредному делу и получаю жалованье от людей, которых обманываю; я не честен. Но ведь сам по себе я ничто, я только частица необходимого социального зла: все уездные чиновники вредны и даром получают жалованье… Значит, в своей нечестности виноват не я, а время…* ***Родись*** *я двумястами лет позже,* ***я был бы*** *другим*» (т. 8, с. 54). В данном контексте контрфактуальное мышление служит инструментом самооправдания.

Следовательно, анализ ВМ как заключительного этапа ВР в когнитивно-коммуникативном аспекте показывает, как воображение персонажей выполняет важнейшие функции планирования, прогнозирования и переосмысления. ВМ в прозе Чехова отражает активный психологический процесс, в котором мышление,

память и воображение не просто воспроизводят картины былого, но моделируют будущее, а также конструируют альтернативное прошлое.

2.3.3 Метакогнитивные процессы в структуре внутреннего монолога

Внутренний монолог (далее – ВМ) чеховского героя не ограничивается отражением реальной действительности или воображаемых ситуаций, но включает метакогнитивные структуры, т. е. размышления героев о собственной мыслительной деятельности. Под метакогнитивными структурами понимается «мышление о мышлении» – рефлексия персонажа о своих когнитивных процессах (мышлении, внимании, памяти), их оценка и регуляция. Метакогнитивные фрагменты в ВМ свидетельствуют о высоком уровне психологической сложности и интеллектуальной культуры персонажа.

Анализ метакогнитивных фрагментов в структуре ВМ чеховских героев выявил следующие когнитивно-коммуникативные функции: оценку эффективности мышления и саморегуляцию интеллектуальной деятельности. Например, метакогнитивный процесс оценки двух способов мышления представлен в ВМ прокурора Быковского в рассказе «Дома»: «*Прежде люди просты были, меньше думали, потому и вопросы решали храбро.* ***А мы думаем слишком много, логика нас заела… Чем развитее человек, чем больше он размышляет и вдаётся в тонкости, тем он нерешительнее, мнительнее и тем с большею робостью приступает к делу****. В самом деле,* ***если поглубже вдуматься****, сколько надо иметь храбрости и веры в себя, чтобы браться учить, судить, сочинять толстую книгу…*» (т. 6, с. 41–42). Метакогнитивный характер ВМ проявляется в лексике, выражающей оценку глубины и детальности мышления: *думать слишком много, больше размышлять, вдаваться в тонкости, поглубже вдуматься.* Герой, сравнивая особенности мышления людей разных эпох, усматривает связь между мышлением и действием.

Мышление Петра Михайловича в рассказе «Соседи» оценивается им как нерешительное: «*Оливьер поступил бесчеловечно, но ведь так или иначе он решил вопрос, а я вот ничего не решил, а только напутал*, – подумал он, вглядываясь в

тёмную фигуру, похожую на привидение. – *Он говорил и делал то, что думал, а я говорю и делаю не то, что думаю;* ***да и не знаю наверное, что собственно я думаю***…» (т. 8, с. 33). Сравнивая своё мышление с мышлением Оливьера, герой признаёт свою беспомощность в решении вопросов.

Метакогнитивные структуры репрезентируют саморегуляцию персонажа: выбор стратегии мышления, планирование, корректировку и прекращение речемыслительного процесса. Таков метакогнитивный процесс **побуждения** к аналитическому мышлению в ВМ Лаевского в повести «Дуэль»: «*Итак,* ***надо взвесить все обстоятельства и сообразить****. Прежде чем уехать отсюда, я должен расплатиться с долгами. Должен я около двух тысяч рублей*» (т. 7, с. 217). Модальное слово *надо* вводит структурированный план, удерживающий мысль от хаоса.

Метакогнитивный процесс **корректировки** стратегии мышления представлен в ВМ студента Васильева в рассказе «Припадок»: «*Это оттого, что* ***я не стараюсь понять их****,* – думал он. – *Все они похожи на животных больше, чем на людей, но ведь они всё-таки люди, у них есть души.* ***Надо их понять и тогда уж судить***…» (т. 7, с. 71–72). Студент регулирует последовательность когнитивных операций: сначала – понять, затем – оценивать. Побудительные конструкции с модальным словом *надо* отражают метакогнитивный процесс выбора и корректировки стратегии мышления.

Метакогнитивный процесс **прекращения** также является средством саморегуляции. Персонаж, осознавая свой мыслительный процесс как нежелательный или бесполезный, пытается его остановить. Этот процесс моделируется в рассказе «Припадок» в ВМ студента Васильева, осматривающего безвкусную обстановку дома терпимости: «*Как всё бедно и глупо!* – думал Васильев. – *Что во всей этой чепухе, которую я теперь вижу, может искусить нормального человека, побудить его совершить страшный грех – купить за рубль живого человека? Я* ***понимаю*** *любой грех ради блеска, красоты, грации, страсти, вкуса, но тут-то что? Ради чего тут грешат?* ***Впрочем… не надо***

думать!» (т. 7, с. 67). Васильев останавливает размышления, осознав их разрушительность для своей психики.

Таким образом, анализ метакогнитивных структур в ВМ показывает моделирование «мышления о мышлении». Метакогниция демонстрирует, *как* персонаж думает о своём мышлении, оценивает его глубину и эффективность, регулирует собственные мыслительные процессы: выбирает стратегии, планирует, корректирует и прекращает размышление. Такой самоанализ представляет собой форму ВМ, свойственную рефлексирующим чеховским интеллигентам. Кроме того, метакогнитивная деятельность напрямую связана с диалогической природой сознания. Оценивая и корректируя собственную мысль, персонаж вступает во внутренний спор с самим собой. Способность к самодистанцированию и внутреннему диалогу является показателем самосознания интеллектуально и психологически развитых героев и свидетельствует о глубоком художественном психологизме Чехова.

2.3.4 Автокоммуникативность и диалогичность внутреннего монолога

Анализ исследуемого материала выявил два типа автокоммуникативного диалогического взаимодействия во внутреннем монологе (далее – ВМ) героев Чехова: конфронтационный (когнитивный конфликт) и кооперативный (когнитивное согласие), которые рассмотрены в наших статьях [Авдеева 2014а; Авдеева 2014б; Авдеева 2026а].

В **конфронтационных диалогических отношениях**, как правило, первый голос представляет собой эмоциональное начало (мечту, удивление, обвинение), а второй – рациональное (возражение, анализ, прогноз). Например, в ВМ актёра Попова в рассказе «Бумажник» автокоммуникация организуется конфронтацией эмоционального и рационального голосов: «*Ведь этакое счастье!* – размышлял он дорогой. – *Не было ни гроша, да вдруг алтын. Махну теперь в родную Кострому, соберу труппу и выстрою там свой театр.* ***Впрочем****... за пять тысяч нынче и сарая путного не выстроишь. Вот если бы весь бумажник был мой, ну, тогда другое дело...*» (т. 3, с. 303–304). Слово *впрочем* переключает беззаботное

мечтание на трезвую оценку финансовых ограничений, являясь маркером автокоррекции.

Конфронтация представлена и в ВМ клоуна Пуркуа, наблюдающего, как сосед ест блины: «*Странно*... – подумал Пуркуа, рассматривая соседа. – *Съел пять кусков теста и ещё просит!* ***Впрочем****, такие феномены не составляют редкости... У меня у самого в Бретани был дядя Франсуа, который на пари съедал две тарелки супу и пять бараньих котлет...*» (т. 4, с. 211). Слово *впрочем* актуализирует конфликтную автокоммуникацию, маркируя переход от эмоционального удивления-осуждения к рациональному возражению-обобщению.

В рассказе «Трифон» Григория Семёновича Щеглова терзают «скверные» думы об отношениях его молодой жены Насти и объездчика Трифона: *«Завтра же его* ***прогоню****... **Впрочем, нет**... **не прогоню**... Его прогонишь, а он на другое место – и ничего себе, словно и не виноват...»* (т. 2, с. 303). Здесь противопоставляются голос импульсивного желания наказать *подлеца* и голос рационального возражения, прогнозирующего последствия. Возражение *впрочем* вводит в сознание персонажа противоположную смысловую позицию (хладнокровный расчёт), что даёт герою возможность взглянуть на сложившуюся ситуацию с двух сторон, двух «точек зрения».

Конфронтацию отражают не только эмоциональный и рациональный голоса, но и социальные позиции личности. Например, в ВМ профессора в повести «Скучная история» конфликтуют социальная и индивидуальная стороны личности – знаменитый тайный советник и реальный Николай Степаныч в жалких бытовых условиях: «***Зачем*** *я,* ***знаменитый человек, тайный советник****, сижу в этом* ***маленьком нумере****, на этой кровати с чужим,* ***серым одеялом****?* ***Зачем*** *я гляжу на этот* ***дешёвый*** *жестяной рукомойник и слушаю, как в коридоре дребезжат* ***дрянные*** *часы?* ***Разве*** *всё это* ***достойно*** *моей* ***славы и моего высокого положения*** *среди людей?* И на эти вопросы я отвечаю себе усмешкой» (т. 7, с. 162). Конфронтация представлена цепочкой вопросительных

предложений, в которых противопоставлены *знаменитый человек* и убогая обстановка *маленького нумера.*

В рассказе «Володя большой и Володя маленький» в ВМ Софьи Львовны взаимодействуют духовный и мирской голоса: «***Бог есть, смерть непременно придёт, надо о душе подумать***. *Если Оля сию минуту увидит свою смерть, то ей не будет страшно. Она готова. А главное, она уже решила для себя вопрос жизни.* ***Бог есть… да…*** *Но* ***неужели нет*** *другого выхода, как только идти в монастырь? Ведь идти в монастырь – значит* ***отречься от жизни, погубить её***...» (т. 8, с. 179–180). Позиция верующего представлена утверждением духовных истин (*надо о душе подумать*), положительной оценкой духовного пути сестры Оли, а конфронтационная позиция – сомнением в правильности монашеского пути (*идти в монастырь – погубить жизнь*). Взаимодействие голоса веры и сомнения отражает самоопределение Софьи Львовны в ситуации духовного кризиса и осмысления жизни и смерти.

В ВМ Мисаила Полознева в повести «Моя жизнь» демонстрируется конфликт голосов личных желаний и семейных ожиданий: «Я всё думал: *как отнесутся ко мне мои знакомые, узнав о моей любви? Что скажет отец?»* (т. 9, с. 124). Автокоммуникация актуализирует самоопределение Мисаила: сомнение героя в том, что его чувства одобрят окружающие и отец.

Автокоммуникативность ВМ реализуется не только конфликтным столкновением голосов, но и их кооперативным взаимодействием: самоубеждением, самоуспокоением, самоподдержкой. Например, в рассказе «Страшная ночь» кооперативная автокоммуникация реализует самоубеждение: «*Но всё это глупо, и я труслив, как школьник*, – решил я. – *То был оптический обман – и больше ничего! Идя домой, я был так мрачно настроен, что не мудрено, если мои больные нервы увидели гроб...* ***Конечно****, оптический обман!* ***Что же другое?***» (т. 2, с. 95). Самоубеждение и подавление страха проявляются согласием с самим собой, представленным повтором *оптический обман*, вводным словом уверенности *конечно* и риторическим вопросом-утверждением (*Что же другое?*).

В ВМ Алексея Лаптева в повести «Три года» кооперативная автокоммуникация демонстрирует самоподдержку и самоуспокоение героя: «*Как они выросли!* – думал он. – *И сколько перемен за эти три года… Но ведь придётся, быть может, жить ещё тринадцать, тридцать лет… Что-то ещё ожидает нас в будущем! Поживём – увидим*» (т. 8, с. 386). Кооперация реализуется взаимодействием эмоционального удивления жизненными изменениями *за эти три года* и рационального прогноза, спокойного отношения к неизвестному будущему. Эмоциональное начало представлено восклицательным предложением, а рациональное – усилительной частицей *ведь*, вводным словом *быть может*, обозначающим «не эмоциональную, а рассудочную, логическую оценку» [Виноградов 1972: 578]. Сочетание неопределённого местоимения *что-то* с наречием *ещё* указывает на неизвестность и признание многообразия возможностей. Фразеологизм *поживём – увидим* демонстрирует примирение со временем, принятие неизвестного будущего.

В ВМ обер-кондуктора Подтягина в рассказе «Ну, публика» наблюдается самоубеждение: «***Шабаш, не буду** больше пить!.. **Ни... ни за что! Пора** уж за ум взяться. **Надо** работать, трудиться... Любишь жалованье получать, **так работай** честно, усердно, по совести, пренебрегая покоем и сном. Баловство **брось**... Привык, **брат**, задаром жалованье получать, а **это вот и нехорошо... и нехорошо**...*» (т. 4, с. 49). Самоубеждение реализуется отказом героя от вредной привычки (*Шабаш, не буду больше пить!.. Ни... ни за что!*), самозапретом (*баловство брось*) и неодобрением (*а это вот и нехорошо... и нехорошо*). Кооперация сопровождается самовнушением (*Пора уж за ум взяться. Надо работать, трудиться...*) и программой действий (*работай честно, усердно, по совести*).

Анализ ВМ как заключительного этапа ВР в коммуникативном аспекте подтверждает тезис о диалогичности ВР, реализуемой автокоммуникативным взаимодействием конфронтационного и кооперативного типов. Конфронтационный тип (когнитивный конфликт) демонстрирует столкновение

эмоционально-импульсивного и рационально-скептического голосов. На языковом уровне конфликт репрезентируется словом *впрочем*, выполняющим функцию когнитивной автокоррекции, и вопросительными предложениями, выражающими сомнение. Конфликт актуализируется в ситуации морального выбора, духовного кризиса или столкновения желаемого с действительным. Кооперативный тип (когнитивное согласие) реализует функцию самоподдержки и самоуспокоения. Языковыми маркерами кооперации являются вводные слова со значением уверенности, самопобуждения, вопросы-утверждения и фразеологические обобщения. Кооперация голосов демонстрирует преодоление страха, изменение поведения, примирение с неизбежностью. Автокоммуникация в ВМ представляет собой динамичный процесс взаимодействия смысловых позиций. Диалогичность ВМ является средством психологизма писателя, демонстрирующим сложные процессы речемышления – от бытовой оценки до глубокого «мировоззренческого» самопознания.

2.3.5 Полифонизм внутреннего монолога

Полифонизм отражает многомерность мышления героя, взаимодействие с чужими точками зрения, мнениями и оценками. Анализ исследуемого материала показывает, что внутренний монолог (далее – ВМ) чеховских героев не только диалогичен, но и полифоничен. Например, ВМ Ольги Михайловны в рассказе «Именины» демонстрирует сложную полифонию сознания: «*Вот,* – думала она, – *работает веслом молодой шатен в золотых очках и с красивою бородкой, это* ***богатый, сытый и всегда счастливый маменькин сынок****, которого* ***все считают честным, свободомыслящим, передовым человеком****. Ещё года нет, как он кончил в университете и приехал на житьё в уезд, но уж* ***говорит про себя: "Мы земские деятели"****. Но пройдёт год, и он, как многие другие, соскучится, уедет в Петербург и, чтобы оправдать своё бегство,* ***будет всюду говорить, что земство никуда не годится и что он обманут****. А с другой лодки, не отрывая глаз, глядит на него* ***молодая жена и верит, что он «земский деятель»****, как через год* ***поверит тому, что земство никуда не годится***» (т. 7,

с. 48–49). В ВМ героини одновременно представлены несколько противоречивых голосов, осмысляющих социальные роли *молодого шатена*: её собственный оценочный голос (*богатый, сытый и всегда счастливый маменькин сынок*); идеализирующее мнение окружающих (*все считают честным, свободомыслящим, передовым человеком*); самодовольная позиция самого шатена (*уж говорит про себя: «Мы земские деятели»*), его же разочарованный голос через год (*будет всюду говорить, что земство никуда не годится и что он обманут);* и наивно-влюблённый голос молодой жены, созвучный позиции мужа (*верит, что он «земский деятель», как через год поверит тому, что земство никуда не годится*). Полифонизм в ВМ Ольги Михайловны реализуется сосуществованием различных смысловых позиций и мировоззренческих систем.

В полифонической структуре ВМ актуализируется воображение, которое моделирует возможные сценарии развития ситуации. Земский врач Овчинников в рассказе «Неприятность», ударивший фельдшера, в ВМ воображает несколько вариантов развития событий и анализирует их возможные последствия: «***Что же теперь делать?*** – продолжал он думать. – ***Надо*** *возможно скорее дать ему удовлетворение… Но каким образом? Дуэли* ***он, как практический человек, считает*** *глупостью или не понимает их. Если в той самой палате, при сиделках и больных, попросить у него извинения, то это извинение удовлетворит только меня, а не его;* ***он, человек дурной, поймёт моё извинение как трусость и боязнь****, что он пожалуется на меня начальству. К тому же, это моё извинение вконец* ***расшатает больничную дисциплину***. ***Предложить ему денег? Нет,*** *это безнравственно и похоже на подкуп. Если теперь, положим, обратиться за разрешением вопроса к* ***нашему прямому начальству, то есть к управе… Она могла бы объявить мне выговор или уволить меня… Но этого она не сделает.*** *Да и не совсем удобно вмешивать в интимные дела больницы управу, которая кстати же не имеет на это никакого права…*» (т. 7, с. 13). Полифонизм сознания врача реализуется через возможные сценарии развития конфликта (дуэль, извинение, деньги, жалоба начальству), рассматриваемые с позиций разных участников: фельдшера (*дуэли он, как практический человек, считает*

глупостью; поймёт моё извинение как трусость и боязнь); коллектива больницы (*моё извинение вконец расшатает больничную дисциплину*); управы (*могла бы объявить мне выговор или уволить меня*). Автокоммуникация в ВМ Овчинникова формируется как кооперативным согласием (*Что же теперь делать? – Надо возможно скорее дать ему удовлетворение…*), так и конфронтационным неодобрением голоса совести (*Предложить ему денег? – Нет, это безнравственно и похоже на подкуп*).

Следовательно, внутренняя речь на заключительном этапе характеризуется не только диалогичностью, но и полифонизмом. Это отражает многомерность мышления чеховского героя, одновременное сосуществование множества голосов, смысловых позиций и оценок. Автокоммуникативность чеховского ВМ представлена диалогическими отношениями конфронтации и кооперации, а также полифонизмом сознания героя. Сосуществование противоречивых, но равноправных точек зрения во внутренней речи героя отражает принцип авторской объективности и отказ от назидательности, что проявляет особенности идиостиля Чехова.

2.3.6 Стилистический аспект: книжность и разговорность

Активность книжных и разговорных средств во внутреннем монологе (далее – ВМ) характеризует когнитивно-коммуникативные особенности персонажей.

Доминирование книжных средств наблюдается в ВМ представителей интеллигенции и демонстрирует их когнитивные особенности, такие как логичность и аргументированность умозаключений. «Книжные» ВМ характеризуются профессиональной терминологией, вводными конструкциями, оформляющими последовательность мыслей, а также сложным синтаксисом. Рассмотрим ВМ доктора Рагина о «маленькой Бастилии» для душевнобольных в повести «Палата № 6»: «*Но что же?* – спрашивает себя Андрей Ефимыч, открывая глаза. – *Что же из этого? И* ***антисептика****, и* ***Кох****, и* ***Пастер****, а* ***сущность дела*** *нисколько не изменилась.* ***Болезненность*** *и* ***смертность*** *всё те*

же. Сумасшедшим устраивают балы и спектакли, а на волю их всё-таки не выпускают. ***Значит****, всё вздор и суета, и разницы между лучшею венскою клиникой и моею больницей,* ***в сущности****, нет никакой*» (т. 8, с. 53–54). Логически последовательные умозаключения Рагина представлены сложносочинёнными предложениями и вводными словами. Герой формулирует свои мысли с использованием медицинской терминологии, характеризующей его образование и профессию: *антисептика, болезненность, смертность, клиника.* Упоминаются немецкий врач и микробиолог Роберт *Кох* и французский химик и микробиолог Луи *Пастер.* ВМ о безуспешности прогресса демонстрирует движение мысли образованного интеллигента, мыслящего научными категориями.

ВМ с «книжной» доминантой отражает высокий социальный статус и уровень образования героев: психолога и знатока человеческого сердца («Светлая личность. Рассказ “идеалиста”»), защитника в окружном суде («Сонная одурь»), прокурора Быковского («Дома»), коллежского советника Павла Андреевича («Жена»), земского врача Овчинникова («Неприятность»), главного врача Рагина («Палата № 6»), заслуженного профессора Николая Степановича («Скучная история») и др.

Доминирование разговорных единиц наблюдается в ВМ, отражающем сильные эмоции героев. Маркерами эмотивности здесь являются разговорно-экспрессивная лексика, междометия, частицы, а также эмоциональный синтаксис (восклицательные и эллиптические конструкции, инверсия). Например, в рассказе «Горе» ВМ токаря Григория Петрова, едущего хоронить жену: «***А ведь*** *она* ***по миру ходила****!* – вспоминает он. – *Сам я посылал её хлеба у людей просить,* ***комиссия****! Ей бы,* ***дуре****, ещё* ***лет десяток*** *прожить, а то,* ***небось****, думает, что я и* ***взаправду*** *такой.* ***Мать пресвятая****,* ***да куда же к лешему*** *я это еду? Теперь не лечить надо, а хоронить*» (т. 4, с. 47). Экспрессивно-разговорная лексика (*комиссия, мать пресвятая, взаправду, небось, дура, к лешему*) и синтаксис (восклицания, эллипсис и инверсия) отражают чувство вины токаря, жалость к своей старухе, а также характеризуют низкий уровень образования героя.

ВМ с «разговорной» доминантой отражает высокое эмоциональное напряжение героев и, как правило, низкий социальный статус. Таковы ВМ странствующего актёра Попова («Бумажник»), суфлёра театра («Барон»), мастера на сталелитейном заводе Швея («Добрый немец») и др.

Стилистическое смешение книжной и разговорной речи наблюдается в ВМ интеллигентов, испытывающих сильные, как правило, негативные эмоции. Ярким примером в рассказе «Кошмар» является ВМ чиновника Кунина, размышляющего о сельском священнике Якове: «***Какой*** *странный, дикий человек!* – думал он. – ***Грязен, неряха, груб, глуп*** *и, наверное,* ***пьяница****…* ***Боже мой****, и это священник,* ***духовный отец****! Это* ***учитель народа****! Воображаю, сколько иронии должно быть в голосе дьякона,* ***возглашающего*** *ему перед каждой обедней: «Благослови,* ***владыко****!»* ***Хорош владыко****!* ***Владыко****, не* ***имеющий*** *ни капли достоинства,* ***невоспитанный****,* ***прячущий*** *сухари в карманы,* ***как школьник****…* ***Фи!*** *Господи,* ***в каком месте были глаза*** *у* ***архиерея****, когда он посвящал этого человека?* ***За кого они народ считают****, если дают ему таких учителей? Тут нужны люди****,* ***которые…***» (т. 4, с. 152–153). ВМ интеллигента Кунина представляет иронично-язвительное противопоставление элементов книжной и разговорной речи. Книжная лексика (*духовный отец*, *учитель народа*, *владыко*, *архиерей*, *возглашающий*) формирует основу критики отца Якова с высоких культурных и социальных позиций, а негативное отношение отражают разговорные характеристики (*неряха*, *пьяница*, *ни капли* (‘нисколько’) *достоинства*) и экспрессивные выражения *(Боже мой; Фи!; в каком месте были глаза у архиерея*).

Смешение книжного и разговорного стилей речи отражает внутренний конфликт домашнего учителя Свойкина («В аптеке»), члена по крестьянским делам Кунина («Кошмар»), проверяющего Посудина («Шило в мешке»), архитектора Васкина («Нервы») и др.

ВМ как заключительный этап ВР представляет собой развёрнутый, логически связный ход мыслей героя, структурно и содержательно сближающийся с внешней речью. Особенность ВМ заключается в представлении

элементов книжной и разговорной речи, активность которых зависит от когнитивных особенностей персонажей, уровня образования, социального положения и эмоционального состояния. Герои с высоким уровнем образования (когнитивного развития) демонстрируют высокую концентрацию книжных лексико-грамматических элементов в ВМ, а герои с низким уровнем образования – высокую концентрацию разговорных (просторечных) элементов. Переживание героем сильных эмоций значительно повышает активность разговорных элементов в автокоммуникации. Следовательно, степень активности «разговорности» или «книжности» в ВМ определяется когнитивным развитием (уровнем образования и воспитания, профессией) и психоэмоциональным состоянием.

Таким образом, анализ ВМ в художественной прозе Чехова демонстрирует логически организованную репрезентацию ВР на заключительном этапе. ВМ моделирует когнитивные процессы мышления, памяти, воображения, активизируя самопознание, саморегуляцию и самоопределение персонажа. Чертой чеховского психологизма является включение в ВМ метакогнитивных структур – «мышления о мышлении», в рамках которого происходит оценка и регуляция мыслительного потока.

Автокоммуникативность ВМ на заключительном этапе ВР проявляется в диалогичности и полифонизме. Выделенные типы автокоммуникации – конфронтационный (когнитивный конфликт) и кооперативный (когнитивное согласие) – демонстрируют особенности саморегуляции персонажа. Полифонизм передаёт многомерность ВМ, сосуществование множества равноправных точек зрения, что является отражением чеховской объективности и отказом от дидактизма.

Языковые средства книжной и разговорной речи участвуют в организации структуры ВМ. Соотношение книжных и разговорных средств является маркером когнитивных особенностей и психоэмоционального состояния персонажа. Высокий уровень когнитивного развития соотносится с преобладанием элементов

книжной речи, тогда как эмоциональное напряжение и низкий уровень образования активизируют разговорные средства.

ВМ как заключительный этап ВР является сложным когнитивно-коммуникативным феноменом. В прозе Чехова ВМ – это всегда поле напряжения между логикой и эмоцией, прошлым и будущим, разными «я» персонажа. В нём отражается работа когнитивных процессов, метакогнитивной рефлексии и автокоммуникации, которая обеспечивает глубину психологического моделирования речемышления.

2.4 Произнесённая внутренняя речь персонажа

В подразделе о произнесённой внутренней речи мы сначала рассмотрим её автокоммуникативность, а не когнитивные характеристики, поскольку именно критерий автокоммуникативности лежит в основе выделения произнесённой внутренней речи (далее – ПВР) как формы внутренней речи (далее – ВР). Следовательно, целесообразно сначала рассмотреть ПВР как автокоммуникативный феномен, а затем перейти к когнитивным особенностям, которые она репрезентирует.

В современной лингвистике статус ПВР как формы внутренней речи (далее – ВР) в художественном тексте является дискуссионным, поскольку ключевой признак ВР (беззвучность) противоречит традиционному определению ВР как «непроизносимой, незвучащей речи “про себя”» [Розенталь, Теленкова 1976: 58], «не реализуемой в звучащей речи» [БЭС 2000], немой речи «про себя» [Ахманова 2004: 386; Артюшков 2004: 21; Кириллова 2011: 5].

2.4.1 Автокоммуникативность произнесённой внутренней речи

Формальный критерий беззвучности представляется недостаточным для исключения произнесённой внутренней речи (далее – ПВР) из анализа художественной репрезентации внутренней речи (далее – ВР), поскольку он уступает функциональному критерию. Определяющим свойством ВР является не беззвучность, а автокоммуникативность, т. е. замкнутость на субъекте

речемышления, совпадение адресата и адресанта ВР, что подтверждается современными исследованиями интериоризованного дискурса [Погребняк 2012; Сергеева 2017].

Наша позиция основывается на исследованиях, в которых анализ интериоризованного дискурса строится на специфике адресации. «Понятие внутренней речи объединяет всё многообразие речевых процессов, возникающих в сознании индивидуума и не адресованных реальному собеседнику, то есть образующих процесс интраперсонального общения», в том числе и «произносимые вслух» [Сергеева 2017: 5]. Ю. В. Погребняк в понятие «интериоризованный дискурс» включает «частично произносимые высказывания героя, шёпотную речь» [Погребняк 2012: 3], акцентируя внимание на функциональной стороне феномена: «осознанной либо неосознанной автокоммуникации» [Погребняк 2012: 7]. Следовательно, озвученная, но не адресованная реальному собеседнику речь представляет собой интраперсональное общение, т. е. автокоммуникацию.

Автокоммуникативность ПВР подтверждается и анализом глаголов, вводящих её в авторское повествование. Анализ 176 контекстов ПВР в прозе Чехова позволил выявить и классифицировать эти глаголы по семантическим признакам, демонстрирующим акустические и психоэмоциональные характеристики озвученной автокоммуникации.

Наиболее частотны глаголы **интраперсонального проговаривания** (более 46%), указывающие на неадресованность ПВР и обозначающие невнятную, быструю и тихую речь (*бормотать*, *пробормотать*, *забормотать*); почти беззвучную речь (*шептать*, *прошептать*, *зашептать*, *шепнуть*); сердитое бормотание (*ворчать*, *проворчать*). Семантика данных глаголов ‘говорить тихо, невнятно, быстро и себе под нос’ [Толковый словарь русских глаголов 1999: 349] подчёркивает автокоммуникативность ПВР.

Следующую группу составляют глаголы **аффективного проговаривания** (около 10%), фиксирующие непроизвольное озвучивание ВР под влиянием сильных эмоциональных переживаний (аффектов). Акустическая характеристика

речи (например, её громкость) становится признаком потери когнитивного контроля вследствие интенсивности переживаемых эмоций гнева, злости, радости, горя (*воскликнуть*, *восклицать*, *простонать*, *кричать*, *крикнуть*, *заголосить*, *шипеть* и др.). Экспрессивно-оценочная функция ПВР реализуется глаголами, отражающими фонацию через телесное действие (*процедить сквозь зубы*, *скрежетать зубами*).

К единичным глаголам **аномального проговаривания**, характеризующим болезненное, бессознательное состояние персонажа, относятся *бредить* и *лепетать*. Их семантика маркирует бессвязность и неконтролируемость ПВР.

Глаголы **нейтральной автокоммуникации** отражают речевую деятельность *(говорить*, *сказать*, *произносить*, *спросить*, *ответить*). Данные глаголы уточняются характеристиками громкости – *тихо*, *вслух* (*говорить тихо*, *спросить вслух*, *ответить вслух своим мыслям*, *подумать вслух*, *произносить вслух*, *произнести вслух*). Наречие *вслух* в сочетании с глаголом мышления *подумать* реализует парадоксальное значение ПВР – «озвучивание мысли». Автокоммуникативность также маркируется сочетанием глаголов речевой деятельности с возвратным местоимением *себя* (*говорить себе*, *сказать себе*, *сказать себе вслух*, *спрашивать себя вслух*).

Анализ глаголов, вводящих ПВР, подтверждает её автокоммуникативность: доминирование глаголов со значением невнятного, приглушённого, «себе под нос» проговаривания свидетельствует о предназначенности ПВР «для себя». Глаголы также отражают связь акустических характеристик и эмоционального состояния персонажа: чем сильнее эмоциональное напряжение, тем громче ПВР, что, безусловно, делает ПВР формой психологической характеристики персонажа.

Таким образом, ПВР рассматривается как форма ВР. Это расширяет диапазон форм речемышления в художественном тексте, позволяя рассмотреть взаимосвязь психоэмоционального состояния персонажа и его когнитивных процессов.

2.4.2 Произнесённая внутренняя речь в состоянии аффекта

В рамках когнитивно-коммуникативного подхода произнесённая внутренняя речь (далее – ПВР) понимается как художественная репрезентация внутренней речи (далее – ВР), направленная на мгновенное снятие эмоционального напряжения. Анализ исследуемого материала показывает, что ПВР в прозе Чехова отражает взаимосвязь интенсивности эмоционального напряжения и уровня когнитивного контроля: при высокой интенсивности переживаний (аффекте) когнитивный контроль снижается, и происходит эмоциональная разрядка через озвучивание ВР.

В психологии аффект определяется как эмоциональное состояние, характеризующееся внезапностью, высокой интенсивностью и кратковременностью [Леонтьев 2000: 462–463]. Его особенностью является ослабление когнитивного контроля, что проявляется в снижении способности к саморегуляции [Ильин 2001: 54]. Это состояние описывается как диффузное, полностью захватывающее личность, сопровождающееся «сужением поля восприятия» и фиксацией на объекте, вызывающем аффект [Ильин 2001: 54]. На физиологическом уровне аффект характеризуется «выраженными двигательными и висцеральными проявлениями» [Большой психологический словарь 2003].

Анализ материала показывает, что аффективные проявления в ПВР (восторг, гнев, горе, ужас) реализуют экспрессивно-оценочную функцию. Лексико-семантическое наполнение ПВР соответствует переживаемой эмоции и проявляется в экспрессивной номинации объекта, вызвавшего аффект.

В ПВР, стимулируемой **гневом**, доминирует агрессия по отношению к воображаемому собеседнику, представленная бранными номинациями. Например, в рассказе «Злой мальчик» ПВР Лапкина отражает бессильную ярость: «***Подлец****!* – скрежетал зубами Лапкин. – *Как мал, и какой уже* ***большой подлец****! Что же из него дальше будет?!*» (т. 1, с. 79). ПВР директора в рассказе «Дамы» демонстрирует агрессию цепочкой инвектив: «***Дрянь****!* – шипел он, шагая из угла в угол. – *Добился-таки своего,* ***негодный шаркун, бабий угодник****!* ***Гадина****!* ***Тварь****!*» (т. 4, с. 179).

Восторг в ПВР актуализируется в похвале, организованной одобрительными номинациями. Например, ПВР знатока человеческого сердца приведена в рассказе «Светлая личность»: «***Чудное, редкое создание! Последнее слово женской эмансипации!*** *О, побольше бы таких женщин! Такие именно женщины и нужны нам!*» (т. 5, с. 300). Молодой человек в рассказе «Протекция» восторгается искусством убеждения дяди: «***Молодец дядька!*** – прошептал он, в восторге потирая руки. – ***Трогательно*** *расписывает!* ***Необразованный человек,*** *а как всё это* ***умно у него выходит...***» (т. 2, с. 222).

Горе в ПВР реализуется жалобой и отражается в оценочных автономинациях. ПВР-причитание демонстрирует глубину душевной боли Марьи в повести «Мужики»: «***Опять я одна осталася, бедная моя головушка, бедная-несчастная…»*** (т. 9, с. 192). ПВР передаёт страдание Климова в рассказе «Тиф»: «***Какой я несчастный!*** – забормотал он. – ***Боже, какой я несчастный!***» (т. 6, с. 54).

Аффективные переживания в ПВР представлены восклицательными конструкциями, т. е. «аффективным напряжением, получающим свой разряд в восклицании» [Лурия 2006: 280]; лексико-грамматическими повторами, маркирующими зацикленность сознания на аффективном стимуле; междометиями, которые являются «простейшими формами аффективной речи», ответом на «внезапное аффективное состояние», возникающее непроизвольно, бесконтрольно [Лурия 1979: 188]. Таково неожиданное открытие глупости возлюбленной в рассказе «Дочь коммерции советника»: «***Батюшки!*** – воскликнул я. – *Одна во всём Лохмотьевском уезде недюжинная натура, да* ***и та****...* ***и та*** *дура!* ***Боже мой!***» (т. 2, с. 240). В рассказе «Тайна» передано изумление статского советника в ПВР: «***Опять!*** – сказал он, хлопнув себя по колену. – ***Это удивительно! Опять! Опять*** *расписался этот,* ***чёрт его знает****, кто он такой, Федюков!* ***Опять!***» (т. 6, с. 62–63). Аффект сопровождается описанием телесного напряжения, подчёркивая непроизвольный психофизиологический характер ПВР.

Гнев актуализируется глаголами *шипеть*, *скрежетать зубами*, восторг и изумление – *восклицать*, *воскликнуть*. «Физиологическая экстериоризация» эмоций [Шаховский 2008: 18], т. е. телесные движения и «тактильные знаки» [Ионова 2024: 132] персонажа, актуализирует состояние гнева – *шагать из угла в угол*, *сжимать кулаки*; восторга – *зашагать (по приёмной), шагать (из угла в угол), подскочить (от восторга)*, *потирать руки*, *покатиться со смеху*; изумления – *вскочить, схватить себя за голову, вздрогнуть, удивлённо фыркнуть, щёлкнуть пальцами, хлопнуть себя по колену*. Горе сопровождается плачем – *заголосить*, *заплакать*, телесными реакциями, выражающими смирение и бессилие – *стать на колени, кланяться, обхватить руками голову, припадать лицом к земле, припасть лбом к оконной раме*.

ПВР в состоянии аффекта представляет собой психофизиологический и когнитивно-коммуникативный комплекс. С точки зрения психофизиологии ПВР – это интенсивное переживание, требующее немедленной эмоциональной разрядки, которая проявляется в озвучивании ВР и телесных реакциях. ПВР как когнитивно-коммуникативный феномен – это специфический способ автокоммуникации, в котором озвучивание отражает мгновенную аффективную оценку ситуации. В прозе Чехова когнитивная обработка аффекта на лексическом уровне реализуется экспрессивными номинациями, категоризирующими переживания (бранные номинации – гнев, одобрительные – восторг, автономинации-жалобы – горе). На грамматическом уровне «аффективное напряжение» отражается в восклицательных конструкциях, повторах и междометиях. ПВР сопровождается телесными действиями, что подчёркивает целостность психосоматической реакции. ПВР персонажа в состоянии аффекта служит не просто эмоциональной разрядкой, но и когнитивным инструментом категоризации эмоционального опыта, что в поэтике Чехова становится психологической характеристикой, заменяющей пространные авторские описания.

2.4.3 Базовые эмоции в произнесённой внутренней речи

При снижении интенсивности эмоционального напряжения от аффекта к базовой эмоции (злости, страха, радости, удивления) меняется и функционирование произнесённой внутренней речи (далее – ПВР). На смену неконтролируемой эмоциональной разрядке приходит когнитивная саморегуляция. Эмоции, представляя собой «единство аффективного и интеллектуального», служат «побуждениями, мотивами деятельности» [Рубинштейн 2000: 450].

Злость в ПВР стимулирует планирование наказания. ПВР выполняет когнитивно-коммуникативную функцию угрозы, адресованной воображаемому собеседнику. Языковыми маркерами угрозы являются глаголы совершенного вида в будущем времени и императивы. В ПВР Шаликова в рассказе «Муж» угроза направлена на разрушение безмятежности жены: «***Погоди**, я **покажу** тебе, как блаженно улыбаться!* – бормотал он. – *Ты не институтка, не девочка. Старая рожа должна понимать, что она рожа!*» (т. 5, с. 77). Известный учёный в рассказе «Иван Матвеич» злится на опоздание переписчика, планируя наказание: «*Это просто возмутительно!* – говорит он, то и дело посматривая на часы. – *Это верх неуважения к чужому времени и труду. В Англии такой субъект не заработал бы ни гроша, умер бы с голода! Ну, **погоди** же, придёшь ты...*» (т. 4, с. 112).

Эмоция **злорадства** актуализирует предвкушение мести. Функция угрозы дополняется функцией самоподдержки (самоодобрения). План мести, озаривший героя, реализуется в ПВР оценочными восклицаниями (*браво, отлично, прелестно, прекрасно, бесподобно*) и глаголами предвкушения (*выйдет, обойдётся*). В рассказе «Месть» Турманов озарён идеей отмщения любовнику жены за насмешки и оскорбления: «*Нашёл, **браво**!* – воскликнул он и даже просиял от удовольствия. – *Это **выйдет отлично**! **О-отлично**!*» (т. 5, с. 150). В другом рассказе «Месть» представлено аналогичное озарение идеей наказания: «*Идея! **Прелестно**!*» (т. 2, с. 108); «***Прекрасно**! **Бесподобно**! Это **обойдётся** ей дороже голубого халата с красными кистями!*» (т. 2, с. 108).

Эмоция **стыда**, связанная с осознанием проступка, запускает в ПВР процесс признания вины. Основными средствами самообвинения являются бранные автономинации (*старый дуралей, скотина, осёл, слепая кукла, фат*) и оценочные предикаты (*нехорошо, глупо, п**о**шло, грешен*). Губернский секретарь Поминаев в рассказе «Либерал» после отказа изобразить машину перед начальством осуждает себя: «*Скотина я, скотина!* – проворчал он. – *Протестуй ты, осёл, ежели хочешь, но не смей не уважать старших! Что стоило тебе представить машину?»* (т. 2, с. 265). Кунин в рассказе «Кошмар», осознав бедность жителей Синьково, в ПВР упрекает себя как представителя привилегированного сословия: *«И я не знал!* – простонал он, падая на софу. – *Я, который уже более года служу здесь непременным членом, почётным мировым судьёй, членом училищного совета! Слепая кукла, фат! Скорей к ним на помощь! Скорей!»* (т. 4, с. 162). Мещанин Максим в рассказе «Казак» раскаивается в ПВР: «*Эх, обидели мы человека!* – бормотал он. – *Обидели!*» (т. 5, с. 386). ПВР, реализующая эмоцию стыда, представляет собой самообвинение.

Базовая эмоция **страха** реализует в ПВР функцию немедленного самопобуждения к спасению. ПВР становится формой самоприказа. Самопобуждение реализуется инфинитивными предложениями и глаголами совершенного вида в будущем времени. В рассказе «Беззаконие» страх Мигуева стимулирует «непреодолимое желание» избавиться от подброшенного младенца: «*Скорее, скорее…* – бормотал он. – *Сию минуту, пока никто не видит. Занесу его куда-нибудь, положу на чужое крыльцо…*» (т. 6, с. 124). В повести «Дуэль» ПВР демонстрирует самопобуждение Лаевского к бегству с Кавказа и от Надежды Фёдоровны: «*Бежать!* – пробормотал он, садясь и грызя ногти. – *Бежать!*» (т. 7, с. 215–216); «*Бежать, бежать! Выяснить отношения и бежать!*» (т. 7, с. 219).

Радость вызывает прилив сил и желание действовать. В ПВР она реализуется как благодарность. В ПВР рядового в рассказе «Гусев» радость от воображаемой встречи с родными «захватывает у него дыхание, бегает мурашками по телу, дрожит в пальцах» и реализуется благодарностью нададресату: «*Привёл господь повидаться!* – бредит он, но тотчас же открывает

глаза и ищет в потёмках воду» (т. 7, с. 184). В ПВР Лаптева в повести «Три года» наблюдается осознание героем своих чувств: «*Я люблю!*» (т. 8, с. 310).

Эмоция **удивления,** вызванная столкновением с неожиданным явлением, запускает процесс поиска объяснения. ПВР моделирует этот поиск. В рассказе «Калхас» ПВР комика, проснувшегося в гримёрной театра, представляет собой поиск причин своего удивительного местонахождения: «*Матушки мои, я в уборной!* – проговорил комик, осматриваясь. – *Вот так фунт! Когда же это я успел заснуть?*» (т. 5, с. 322). Диссонанс героя фиксируется лексически (*странно*; прост. *Вот так фунт!*; разг. *Матушки мои!*) и синтаксически (вопросительные предложения). В рассказе «Неприятная история» Жирков, «нарвавшийся» на мужа любовницы, ищет выхода из курьёзной ситуации: «*Презанимательная история, ей-богу!* – сказал он себе вслух. – *Куда же я теперь денусь? Назад ехать?»* (т. 5, с. 405).

Особый интерес представляет функция **жалобы** в ПВР. В автокоммуникации жалоба выражает недовольство и страдание, направленные не на внешнего адресата с целью получить помощь или сочувствие [Емельянова 2004], а на себя для снятия эмоционального напряжения. Проведём детальный анализ данной функции, чтобы показать, что она не только характеризует эмоциональную саморегуляцию персонажа, но и отражает эволюцию авторского психологизма.

Чеховские герои жалуются на ***жизнь***, которая видится им *каторжной, собачьей, несчастной, горькой*. Слово *жизнь* активно функционирует в ПВР-жалобах персонажа разных периодов, осложняясь семантическими приращениями.

В ранних рассказах в ПВР *жизнь* семантически сужается до бытовой неустроенности. Когнитивным механизмом жалобы является гиперболизация внешних раздражителей – бытовых неудобств, социальной повинности. В раннем рассказе «Нахлебники» отсутствие чая становится поводом для глобального вывода мещанина Зотова: *«**Жизнь каторжная**!* – ворчал он, перекатывая языком во рту крохи чёрного хлеба. – *Экая **доля собачья**! Чаю нету! Добро бы, простой*

мужик был, а то ведь мещанин, домовладелец. Срамота!» (т. 5, с. 108). Тем самым *каторжная жизнь* в ПВР Зотова становится синонимом *бытовой неустроенности*.

Герой «Новогодней пытки», уставший от визитов, жалуется: «*А, чёрррт подери!* – бормочете вы сквозь зубы. – ***Нет покоя*** *ни в будни, ни в праздники! На старости лет мычешься, как ссобака! Почтальоны* ***живут покойнее****!*» (т. 5, с. 355). Его жалоба противопоставляет суету социальной жизни (*мычешься, как ссобака*) идеалу *покоя*, который отождествляется со счастливой жизнью.

В произведениях среднего периода функция жалобы усложняется, становясь инструментом самоанализа. Понятие *жизнь*, в свою очередь, приобретает большую глубину. В ПВР сапожника Фёдора Нилова в рассказе «Сапожник и нечистая сила» жалоба на необходимость работать в канун Рождества перерастает в анализ причин социальной несправедливости: «***Жизнь каторжная****!* – ворчал Фёдор, работая. – *Одни люди спят давно, другие гуляют, а ты вот,* ***как Каин*** *какой,* ***сиди и шей*** *чёрт знает на кого…*»; «*С какой такой стати, скажите на милость, заказчики гуляют, а я* ***обязан шить*** *на них? Оттого, что у них деньги есть, а* ***я нищий****?*» (т. 7, с. 84). Сапожник в ПВР размышляет о социальном неравенстве, сравнивая себя, нищего и работающего как Каин, с заказчиками, богатыми и бездельничающими. Семантика *жизни* расширяется до проблемы *социального устройства*.

В ПВР Лаевского в повести «Дуэль» жалоба вызвана глубоким чувством вины и осознанием нравственного разрушения: «***Погибла жизнь****!* – бормотал он, потирая руки. – *Зачем же я ещё* ***жив****, боже мой!..*» (т. 7, с. 291). Герой ищет смысл телесного существования, когда утрачивается духовное начало. Сопоставление духовной смерти и телесной жизни героя актуализирует значение *жизни* в ПВР как *единства духовного и физического начал*.

В рассказе «Страх» жалоба героя отражает его физические и душевные страдания: «***Ну, жизнь!*** – проговорил он. – ***Несчастная, горькая жизнь!***» (т. 8, с. 96–97). Жизнь как страдание оценивается тощим и одиноким героем по прозвищу

Сорок Мучеников, изнывающим от комаров, ночной сырости и мучительной тоски. *Жизнь* представляет собой *единство духовного и физического начал*.

Анализ ПВР-жалобы демонстрирует эволюцию художественного психологизма автора от фиксации бытового недовольства к самоанализу. Кроме того, анализ выявляет её автокоммуникативность, осознание негативного опыта и снятие эмоционального напряжения. В произведениях раннего периода ПВР-жалоба является гиперболизированным обобщением бытового или социального дискомфорта. Понятие *жизнь* в таких жалобах отождествляется с бытом и покоем. В творчестве зрелого периода ПВР-жалоба становится инструментом самоанализа, вызванного чувством вины, душевной и физической болью, осознанием социального неравенства. Семантика понятия *жизнь* усложняется: *жизнь* понимается как социальная справедливость, единство духовного и телесного в человеке.

Исследование ПВР как когнитивно-коммуникативного феномена позволяет обосновать её статус как формы внутренней речи (далее – ВР) на основе функционального подхода. Основным признаком ВР является не беззвучность, а автокоммуникативность, что позволяет включить в анализ озвученные, но не адресованные реальному собеседнику контексты ВР.

На материале прозы Чехова разработана модель ПВР, основанная на взаимосвязи интенсивности эмоционального переживания и уровня когнитивного контроля. Можно выделить две функции ПВР чеховских героев. ПВР, возникающая в состоянии аффекта, т. е. при снижении когнитивного контроля, реализует экспрессивно-оценочную функцию мгновенной эмоциональной разрядки, сопровождающейся психосоматическими проявлениями. ПВР, возникающая при снижении аффективного напряжения, реализует функцию когнитивной саморегуляции: планирование, предвосхищение, самомотивация, поиск причин и объяснений. Каждая базовая эмоция активирует специфическую когнитивно-коммуникативную функцию: злость реализует функцию угрозы; злорадство – угрозы и самоподдержки (самоодобрения); стыд – самоосуждения;

страх – самопобуждения к спасению; радость – благодарности; удивление – разрешения «когнитивного диссонанса».

На примере анализа ПВР-жалобы на жизнь была рассмотрена эволюция художественного психологизма Чехова. В ранних рассказах *жизнь* в ПВР-жалобе употребляется для обозначения бытовых и социальных неурядиц, в зрелых произведениях – социального неравенства, единства духовного и физического в человеке. Такая трансформация значения слова *жизнь* связана с углублением самоанализа героев, вызванного чувством вины, душевной и физической болью.

ПВР представляет собой полноценную форму ВР как когнитивно-коммуникативного феномена. Анализ ПВР в художественном тексте позволяет моделировать эмоциональное состояние персонажа и когнитивные механизмы его речемыслительной деятельности.

2.5 Внутренний монолог в авторском пересказе

В современной филологии исследовательское внимание сосредоточено на прямых формах внутренней речи (далее – ВР) (потоке сознания, внутренней реплике-реакции, внутреннем монологе, внутреннем диалоге). Однако художественное моделирование речемыслительной деятельности этими формами не ограничивается. Для прозы Чехова характерны непрямые формы моделирования – внутренний монолог в авторском пересказе (далее – ВМАП). Работы И. В. Артюшкова [Артюшков 2005], Ю. М. Сергеевой [Сергеева 2017], Н. М. Леоновой [Леонова 2005], посвящённые «авторской речи, пропущенной через призму сознания персонажа» [Сергеева 2017: 34], подтверждают значимость пересказанных форм для представления речемышления.

Общность прямых и непрямых форм ВР заключается в автокоммуникативности, реализующейся в единой концептуальной системе [Болдырев 2024]. Обе формы ВР раскрывают внутренний мир персонажа, его мотивы, сомнения, страхи, которые не проявляются во внешнем поведении или внешнем высказывании. Различия между прямой и пересказанной формами ВР заключаются в способах художественного моделирования когнитивных

процессов. ВМАП отражает «не то, *как* говорится, а то, *что* говорится» [Артюшков 2005: 303], переводя эмоционально-экспрессивные элементы «из формы речи в её содержание» [Волошинов 1993: 138–139]. ВМАП отличается от прямой формы ВР степенью присутствия автора. В прямой форме ВР авторское присутствие минимально, создаётся иллюзия достоверности и непосредственности речемыслительных процессов. ВМАП демонстрирует авторскую когнитивную интерпретацию мыслительных процессов. Изучение прямых и непрямых форм ВР позволяет глубже понять авторские стратегии психологизма.

Теоретической основой для анализа ВМАП является концепция М. М. Бахтина о позиции вненаходимости автора по отношению к герою [Бахтин 1986]. С одной стороны, автор вживается в героя, становится на его место, переживает то, что переживает герой. С другой стороны, автор устраняет «себя из поля жизни героя», удерживает позицию, доступную «с места автора», дополняя или восполняя видение героя [Бахтин 1986: 19]. ВМАП можно рассматривать как авторскую интерпретацию сознания героя. В ВМАП всеобъемлющее сознание автора упорядочивает речемыслительный поток персонажа.

Поскольку ВМАП основан на взаимодействии авторского и персонажного планов, методологически обоснованным является применение к его анализу классификации модификаций косвенной речи, разработанной М. М. Бахтиным. Учёный выделяет три типа модификаций, различающихся степенью сохранения предметного содержания и стилистической индивидуальности «чужого» (персонажного) слова: предметно-аналитическую, словесно-аналитическую и импрессионистическую. Данная типология, представленная в нашей работе [Авдеева 2021], позволяет дифференцировать формы ВМАП и выявить типы моделирования мышления персонажей в художественной прозе Чехова в рамках когнитивно-коммуникативного подхода.

2.5.1 Предметно-аналитический внутренний монолог

Предметно-аналитическая модификация, согласно М. М. Бахтину, «воспринимает чужое высказывание *в чистом тематическом плане*» [Волошинов (Бахтин) 1993: 140–141], обезличивая передаваемую речь. Внутренний монолог в авторском пересказе (далее – ВМАП) фиксирует «смысловую позицию» персонажа (*о чём* он подумал), редуцируя его индивидуально-речевую манеру и эмоционально-экспрессивную специфику.

Анализ показывает, что предметно-аналитический ВМАП представляет собой безоценочную регистрацию фактов и событий мышления героя и моделирует *событийно-объективное мышление,* сокращённое до ментальных операций номинации и констатации. В рассказе «Воры» в ВМАП фельдшера перечислены темы его беспокойства, лишённые эмоционально-оценочной специфики: «Фельдшер стал было думать о том, *как встретят его в больнице и что скажет ему доктор*; нужно было непременно думать об этом и приготовить заранее ответы на вопросы, но мысли эти расплывались и уходили прочь» (т. 7, с. 180–181). В рассказе «Пари» воспоминания старого банкира представлены в виде безоценочной регистрации фактов прошлого опыта: «Старый банкир ходил у себя в кабинете из угла в угол и вспоминал, *как пятнадцать лет тому назад, осенью, он давал вечер*» (т. 7, с. 91). В рассказе «Володя» воспоминания семнадцатилетнего юноши представлены как безэмоциональное перечисление объектов: «Почему-то совсем некстати пришла ему на память *Ментона, где он жил со своим покойным отцом, когда был семи лет*; припомнились ему *Биарриц и две девочки-англичанки, с которыми он бегал по песку*…» (т. 6, с. 97–98). В рассказе «Неприятная история» ВМАП Жиркова представляет прагматическое решение проблемы: «Раздумывая, куда бы спрятаться с корзиной от дождя, Жирков вспомнил, что *на краю дачного посёлка у танцевального круга есть будка для музыкантов*» (т. 5, с. 405).

Предметно-аналитический ВМАП, передавая содержание речемышления, выполняет сюжетно-композиционную функцию, регистрируя факты, планы и воспоминания героев, необходимые для развития сюжета. Нейтральность в

передаче речевых особенностей персонажа и отсутствие психологической глубины лишают этот тип ВМАП характерологической функции, значимой для идиостиля Чехова. Количественный анализ подтверждает низкую частотность данного типа ВМАП, что свидетельствует о его нехарактерности для прозы писателя, художественный метод которого характеризуется глубоким погружением в психологию персонажа.

2.5.2 Словесно-аналитический внутренний монолог

Особенностью словесно-аналитического внутреннего монолога в авторском пересказе (далее – ВМАП) является сохранение единства «предмета речи» и «субъективной и стилистической физиономии» персонажа [Волошинов (Бахтин) 1993: 142]. Он изображает не только *что*, но и *как* думает герой, передавая «дух» и «тон» его речемышления. Личность героя «сгущается до образа» через его индивидуально-речевую манеру, а также авторскую оценку этой манеры. В прозе Чехова этот тип ВМАП моделирует эмоционально-оценочное и вероятностное мышление.

2.5.2.1 Моделирование эмоционально-оценочного мышления

Эмоционально-оценочное мышление персонажа отражает его ценностные установки, которые эксплицируются индивидуально-речевыми средствами: разговорно-оценочной лексикой, в частности, диминутивами и фразеологизмами. В рассказе «Розовый чулок» воспоминания Сомова строятся на стилистическом контрасте, отражая его систему ценностей: «Вспоминается ему при этом, как *умные женщины вообще тяжелы, как они требовательны, строги и неуступчивы, и как, напротив, легко жить с* ***глупенькой Лидочкой****, которая ни во что* ***не суётся****, многого не понимает и* ***не лезет*** *с критикой*» (т. 5, с. 298–299). Умные женщины описываются книжными краткими прилагательными *тяжелы, требовательны, строги, неуступчивы,* а жена – диминутивами *глупенькая, Лидочка*, оценочно-разговорными глаголами *соваться, лезть*. Мыслительный

процесс представляется как активная оценочная деятельность, окрашенная субъективным отношением.

ВМАП моделирует сложные когнитивные операции, связанные с рассмотрением альтернативных, гипотетических сценариев. Такие операции объективируются в тексте с помощью конструкций с сослагательным наклонением и модальными маркерами неуверенности. В рассказе «Воры» выражена реакция фельдшера на молодую девушку, собирающую бусы: «Любка раздражала его, ползая по полу около скамьи, и он подумал, ***что если бы*** *здесь не было Мерика, то он непременно вот* ***встал бы*** *и обнял её, а что дальше, там* ***было бы*** *видно*» (т. 7, с. 177). В рассказе «Скрипка Ротшильда» представлены размышления Якова об упущенной выгоде: «Лицо у него было багрово и мокро от пота. Он думал о том, ***что если бы*** *эту пропащую тысячу рублей положить в банк, то в год проценту* ***накопилось бы*** *самое малое – сорок рублей*» (т. 8, с. 255). Условный союз *если бы,* реализуя значение «недостижимости желаемого» [Русская грамматика 1980: 566], характеризует интеллектуально-оценочную деятельность персонажей и их психические реакции: желание обнять Любку в рассказе «Воры», стремление обогатиться в рассказе «Скрипка Ротшильда».

ВМАП характеризует чеховских героев как неуверенных, сомневающихся, избегающих категоричных оценок даже в автокоммуникации, о чём свидетельствуют вводные слова с модальным значением (*может быть, кажется, вероятно* и т. д.). Таковы воспоминания Анны Акимовны в рассказе «Бабье царство»: «Анна Акимовна вспомнила, что *Лысевич и,* ***кажется****, Крылин в прошлом году обедали у неё,* и теперь, когда они собрались уходить, она искренно и умоляющим голосом стала доказывать им, что так как они уже больше никуда не поедут с визитом, то должны остаться у неё пообедать» (т. 8, с. 237). В повести «Три года» размышления Лаптева, наблюдающего за Ярцевым во время завтрака: «Лаптев следил за ним невольно и думал о том, что, ***быть может****, придётся жить ещё тринадцать, тридцать лет*… И что придётся пережить за это время? Что ожидает нас в будущем?» (т. 8, с. 386) и др.

ВМАП является способом художественного моделирования когнитивных операций оценки и прогнозирования в ВР. Оценочная лексика, конструкции с сослагательным наклонением, модальные маркеры отражают оценочность мышления, скрытые желания, сожаления и важную для поэтики Чехова неуверенность персонажей и склонность к рефлексии.

2.5.2.2 Диалогизация внутреннего монолога в авторском пересказе

Диалогичность ВР в художественном тексте определяет взаимодействие смысловых позиций. Способы диалогизации прямой и непрямой форм ВР различны. Для прямых форм характерны вопросительные предложения, вопросительные цепочки, вопросо-ответные единства, обращения, императивы [Моисеева-Пронь 2009; Скорик 2017; Томилова 2020; Фотина 2017 и др.]. Специфика внутреннего монолога в авторском пересказе (далее – ВМАП) предполагает другие способы диалогизации, поскольку авторский пересказ редуцирует структурные особенности внутренней речи. Диалогизация ВМАП чеховских персонажей реализуется на семантико-когнитивном уровне тремя механизмами: независимостью мыслительного процесса от персонажа, раздвоенностью сознания героя и включением «чужого» слова, которые являются основными когнитивно-коммуникативными моделями мышления чеховских персонажей.

Диалогизация ВМАП создаётся независимостью мыслительного процесса от персонажа и выявляется при анализе авторских вводящих конструкций, которые устанавливают позицию персонажа как пассивного реципиента и наблюдателя за собственным мыслительным процессом. Эффект диалога с неуправляемым сознанием создаётся частотным употреблением предикатов, маркирующих непроизвольность мысли: *мысли лезут в голову, мысли полезли в голову, мысль стала томить, мысль овладела* и др.; пассивные конструкции *стало приходить на память, пришло в голову, пришло на мысль*. В повести «Чёрный монах» авторское введение ВМАП отмечает активность мыслительного процесса и его независимость от воли Коврина: «**Ему пришло в**

голову, что *если этого странного, сверхъестественного монаха видел только он один, то, значит, он болен и дошёл уже до галлюцинаций*. **Это соображение испугало его**, но ненадолго» (т. 8, с. 195). В рассказе «Бабье царство» мыслительный процесс воздействует на Анну Акимовну: «И её уже, как это бывало во все праздники, **стали томить одиночество и неотвязная мысль**, что её *красота, здоровье, богатство – один лишь обман, так как она лишняя на этом свете, никому она не нужна, никто её не любит*» (т. 8, с. 233). В рассказе «Дама с собачкой» Гуров переживает воздействие *соблазнительной мысли*: «В рассказах о нечистоте местных нравов много неправды, он презирал их и знал, что такие рассказы в большинстве сочиняются людьми, которые сами бы охотно грешили, если б умели, но, когда дама села за соседний стол в трёх шагах от него, ему **вспомнились** эти *рассказы о лёгких победах, о поездках в горы*, и **соблазнительная мысль** о *скорой, мимолётной связи, о романе с неизвестною женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии*, вдруг **овладела им**» (т. 9, с. 322).

Анализ авторских вводящих слов в ВМАП выявляет особый способ его диалогизации и представляет мысль как независимую от персонажа и неконтролируемую им силу. Частотное использование конструкций, в которых мысль является активным участником речемышления, диалогизирует ВМАП и подчёркивает неуправляемость сознания. Персонаж становится наблюдателем собственного мыслительного процесса.

Диалогизация ВМАП создаётся раздвоением сознания персонажа. Автор вводит в ВМАП «внутреннего собеседника», с которым герой вступает в коммуникацию. Голоса в голове *говорят, шепчут, подсказывают что-то в глубине души*. В рассказе «Несчастье» Софья Петровна слышит голос совести, оценивающий её поведение: «**Совесть шептала ей**, что *вела она себя в истёкший вечер дурно, глупо, как угорелая девчонка, что сейчас она обнималась на террасе и даже теперь чувствует в талии и около локтя какую-то неловкость*» (т. 5, с. 90). В рассказе «Соседи» Пётр Михайлыч Ивашин получает указания от рассудка: «Честные убеждения не помогали, а **здравый смысл подсказывал**, *что*

мучительный вопрос можно решить не иначе, как глупо, и что сегодняшняя сцена с верховым не последняя в этом роде» (т. 8, с. 18).

Не только голос разума, но и голос эмоции диалогизирует ВМАП. В рассказе «Попрыгунья» Ольга Ивановна слышит голоса природы и радости, предсказывающие ей известность: «**Бирюзовый цвет воды**, какого она раньше никогда не видала, **небо, берега, чёрные тени и безотчётная радость, наполнявшая её душу, говорили ей**, что *из неё выйдет великая художница и что где-то там за далью, за лунной ночью, в бесконечном пространстве ожидают её успех, слава, любовь народа*…» (т. 7, с. 360). Аналогично в рассказе «После театра» Надя слышит голос радости, предвосхищающий благополучие: «Думала она с радостью и находила, что всё хорошо, великолепно, а **радость говорила ей**, что *это ещё не всё, что немного погодя будет ещё лучше*» (т. 8, с. 7).

Диалогизация ВМАП моделирует раздвоение сознания через введение «голоса в голове» персонажа, который персонифицирует совесть, здравый смысл и радость. Персонаж взаимодействует с рациональным и эмоциональным голосами своей личности.

ВМАП диалогизируется введением «чужого» слова, отражающего мнения других людей. В рассказе «Володя большой и Володя маленький» воспоминание Софьи Львовны диалогизировано согласием с оценочным мнением «всех в доме»: «Мысли у неё путались, и она вспоминала, как *полковник Ягич, её теперешний муж, когда ей было лет десять, ухаживал за тётей, и* ***все в доме говорили,*** *что он погубил её, и* ***в самом деле*** *тётя часто выходила к обеду с заплаканными глазами и всё куда-то уезжала, и* ***говорили про неё****, что она, бедняжка, не находит себе места*» (т. 8, с. 174). В рассказе «Анюта» восприятие студентом-медиком Клочковым окружающей обстановки изменяется под влиянием эстетической позиции художника: «Ему вспомнились ***слова художника*** *о том, что развитой человек обязательно должен быть эстетиком*, и его обстановка в **самом деле казалась ему теперь** противной, отталкивающей» (т. 4, с. 110–111). В рассказе «Безнадёжный» ВМАП председателя земской управы

Шмахина строится путём наложения субъектно-речевых планов героя и соседки Марьи Николаевны и создаёт полифонизм в воспоминаниях: «Стоял он перед окном, глядел на постылую картину и вспоминал, что *под вечер у непременного члена Ряблова составляется винт, что у Марьи Николаевны в этот день празднуется рождение её* ***Петечки***...» (т. 3, с. 286).

ВМАП диалогизируется включением «чужого» слова. Мысли героя постоянно соотносятся с мнениями и оценками других персонажей, которые он вспоминает и анализирует. Такая форма диалогизации создаёт полифоническую структуру сознания персонажа, в которой собственный голос (позиция) переплетается с чужими голосами (позициями).

Таким образом, словесно-аналитический ВМАП передаёт содержание мышления, сохраняя индивидуально-речевые черты персонажа. Диалогизация словесно-аналитического ВМАП реализуется непроизвольностью мыслительного процесса. Персонаж представлен как наблюдатель собственных мыслей, его сознание раздваивается введением «внутреннего собеседника» (голос совести, разума или эмоции), а также включением «чужого» слова. Словесно-аналитический ВМАП характерен для прозы всех периодов творчества А. П. Чехова, наиболее активно представляет ВР персонажей в произведениях второго периода (1888–1894 гг.). Данный ВМАП является инструментом психологизма, раскрывая сложное многоголосое мышление персонажа, что может быть связано с тенденцией к объективному повествованию в данный период творчества и выражаться в совмещении объективной позиции повествователя и субъективного восприятия персонажа.

2.5.3 Импрессионистический внутренний монолог

В рамках исследования когнитивно-коммуникативной природы внутреннего монолога в авторском пересказе (далее – ВМАП) особое место занимает его импрессионистическая модификация. Согласно концепции М. М. Бахтина, данная модификация характеризуется сокращением ВР в художественном тексте до «тем и доминант» [Волошинов (Бахтин) 1993: 144] и занимает промежуточное

положение между предметно-аналитической и словесно-аналитической модификациями. Целостность восприятия читателем сокращённых до смысловых доминант размышлений и воспоминаний персонажей соотносится с целостностью впечатлений зрителя в эстетике импрессионистической живописи. Рассмотрим эволюцию данной формы художественной реализации ВР в творчестве писателя.

2.5.3.1 Моделирование ассоциативно-образного мышления

Импрессионистичность отражает настроение персонажей, фиксирует «сиюминутные мыслительные ситуации», раскрывает «внутренние переживания и эмоциональный настрой говорящего» [Ходус 2006: 91]. Импрессионистический ВМАП моделирует ассоциативно-образное мышление, представленное доминантами чувственных образов, вспышками памяти и сенсорными впечатлениями. Такие доминанты формируют «“эмоциональные точки” посредством ассоциативной связи» [Ходус 2006: 167]. В рассказе «Переполох» ассоциативные доминанты с концептуальным значением ‘беспокойство, тревога’ создают впечатление суеты и волнения: «Машенька вспомнила ***волнение*** *швейцара,* ***переполох****, который всё ещё продолжался, заплаканную* ***горничную****…*» (т. 4, с. 91–92). В рассказе «Тина» в размышлениях поручика Сокольского актуализируются ассоциативные доминанты с общим значением ‘скука’: «Поручик плохо спал ночь, проснулся не в духе и теперь скучал. Он ходил и думал *о сроке своего* ***отпуска****, об* ***ожидавшей*** *его* ***невесте****, о том, как это не* ***скучно*** *людям весь век жить* ***в деревне***» (т. 5, с. 176). В рассказе «Нервы» иррациональный страх архитектора Ваксина эксплицируется неконтролируемыми и пугающими образами: «В воображении его промелькнул *перевернувшийся в гробу* ***труп****, заходили образы* ***умершей тёщи****, одного* ***повесившегося товарища****,* ***девушки-утопленницы****...* Ваксин стал гнать из головы мрачные мысли, но чем энергичнее он гнал, тем яснее становились образы и страшнее мысли. Ему стало жутко» (т. 3, с. 50).

В раннем творчестве Чехова импрессионистический ВМАП отражает сиюминутные эмоциональные состояния и сенсорные впечатления. В зрелой

прозе импрессионистичность трансформируется, отражая «хроническое» возвращение персонажа к беспокоящим его мыслям, лейтмотивам сознания. Ассоциативность, фрагментарность, субъективность восприятия моделируют процесс вторжения или возвращения навязчивой мысли в сознание. Этот процесс в авторском введении маркируется словосочетаниями со значением повторяемости: *стал* ***опять*** *думать,* ***каждый день*** *думал,* ***всякий раз*** *думал* и др.

В поздней повести «Мужики» описывается хаотичный и ассоциативный поток мыслей героя в полусонном состоянии: «Вздремнёшь, забудешься, и вдруг кто-то трогает за плечо, дует в щёку – и сна нет, тело такое, точно отлежал его, и лезут в голову **всё мысли** *о смерти*; повернулся на другой бок – о смерти уже забыл, но в голове бродят **давние,** скучные, нудные **мысли** *о нужде, о кормах, о том, что мука вздорожала*, а немного погодя **опять** вспоминается, что *жизнь уже прошла, не вернёшь её*…» (т. 9, с. 181). Сенсорный стимул (*трогает за плечо, дует в щёку*) запускает неупорядоченную смену ментальных состояний, болезненную цикличность. Отсутствие логических связей, переходы от экзистенциальных размышлений *о смерти* к бытовым мыслям о *кормах* и обратно моделируют ассоциативно-образное мышление.

В позднем рассказе «На подводе» раздумья Марьи Васильевны представлены как ассоциативный процесс: «И **опять** она думала *о своих учениках, о стороже, об учительском совете;* и когда ветер доносил справа шум удалявшейся коляски, то эти мысли мешались с другими» (т. 9, с. 217). Наречие времени **опять** указывает на возвращение мысли о школе, замкнутость сознания героини в кругу профессиональных забот. Однако механизм работы сознания описан в импрессионистической манере: перцептивный аудиальный стимул (*шум удалявшейся коляски*) вторгается в речемышление героини и разрушает упорядоченность мысли, демонстрируя зависимость внутреннего мира персонажа от мимолётных внешних впечатлений. Глагол *мешались* отражает реакцию сознания на внешние раздражители. Мысли смешиваются, накладываются, создавая хаотичность, ментальную цикличность, усталость и психологическую замкнутость персонажа.

Импрессионистический ВМАП моделирует ассоциативно-образное мышление. В раннем творчестве Чехова импрессионистический ВМАП представляет собой цепочку сенсорных впечатлений, фрагментов памяти и внезапных образов, которые функционируют как эмоциональные доминанты, передавая эмоциональный настрой (тревогу, страх, скуку). В поздней прозе Чехова импрессионистическая поэтика переосмысляется, превращается в средство диагностики хронических состояний сознания. Ассоциативные доминанты становятся лейтмотивами, которые формируют замкнутое мышление персонажа. Это проявляется в постоянном возвращении к болезненным темам, поглощающим жизнь героя.

2.5.3.2 Зависимость мышления от физического состояния

В импрессионистическом ВМАП отражается зависимость ассоциативно-образного мышления от физического состояния персонажа. В рассказе «Беда» в ВМАП Путохина мучительное воспоминание в состоянии похмелья передаётся беспорядочными зрительными образами: «От этих беспутно проведённых пяти суток в его памяти уцелел один только **похожий на кашу сумбур** *из пьяных рож, цветных юбок, бутылок, дрыгающих ног*» (т. 5, с. 335), а также обонятельными впечатлениями: «Припоминал он ***запах*** *разлитого портера, цветочного одеколона и глицеринового мыла*…» (т. 5, с. 335).

Анализ контекстов со словом *мысль* во вводящих конструкциях ВМАП выявляет семантические приращения: *мысль* становится субъектом, влияющим на эмоционально-психическое состояние персонажа. Глаголы воздействия подчёркивают угнетающий характер мысли, представляя её источником страдания, томления или беспокойства: *мысль томила; мысль беспокоила; страдать от мысли; быть (становиться) жутко от мысли* и др.

В рассказе «Володя большой и Володя маленький» мысль оказывает на Софью Львовну длительное эмоциональное воздействие: «В последние два месяца, с самого дня свадьбы, её **томила мысль**, что *она вышла за полковника Ягича по расчёту и, как говорится, par depit (с досады)*; сегодня же в загородном

ресторане она убедилась наконец, что любит его страстно» (т. 8, с. 173). Аналогично в рассказе «Бабье царство» мысль Анны Акимовны нарушает её покой, вызывая неприятное волнение: «И пока она грелась в постели и боролась со сном, который, как нарочно, бывает удивительно сладок, когда не велят спать, и пока ей мерещился то громадный сад на горе, то гущинский дом, её всё время **беспокоила мысль**, что *ей надо сию минуту вставать и ехать в церковь*» (т. 8, с. 226).

С другой стороны, авторский комментарий актуализирует значение слова *мысль* как источника утешения и поддержки: *мысль подбодрила его; мысль развеселила её*; *мысль утешает его; мысль улыбнулась* и др.

В рассказе «Талант» мысль о переезде для Егора Саввича становится спасением от осенней меланхолии: «Его съедает скука, и **утешает его** только одна **мысль**, что *завтра он уже не будет на этой даче*» (т. 5, с. 103–104). В рассказе «Индейский петух» мысль помогает преодолеть похмелье и головную боль Маркела Ивановича: «Он был выпивши, в голове его от одного виска к другому перекатывалась тяжёлая, свинцовая пуля, но **мысль**, что *он идёт сейчас делать дело*, **подбодрила** его» (т. 3, с. 384).

Автор переносит мыслительные процессы на телесный уровень, что характеризует его медицинский взгляд на человека, согласно которому психическое и физиологическое едины. Мысль, как правило, воздействует на физиологию героя и приводит к болезненным последствиям и вызывает физиологические реакции боли, дрожи, спазмов, удушья и т. д.

В рассказе «Переполох» мысль о раскрытой тайне вызывает у Машеньки физиологическую реакцию: «От мысли, что *эта её маленькая тайна уже известна хозяевам*, её **бросило в жар,** стало стыдно, и от всего этого – от страха, стыда, от обиды **началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот**» (т. 4, с. 93). В рассказе «Ведьма» мысль почтальона о том, «что *ему предстоит ехать в холодных потёмках*, **побежала из головы по всему телу холодными мурашками, и он поёжился**» (т. 4, с. 125). В рассказе «Тиф» мысль молодого поручика Климова «*о чухонцах и греках* **производила во**

всём его теле что-то вроде тошноты» (т. 6, с. 49). В повести «Палата № 6» Андрею Ефимычу было жутко от мысли, «**у него дрожали руки, ноги холодели**» (т. 8, с. 81–82).

Диагностический взгляд автора на мыслительный процесс проявляется в медицинских характеристиках работы сердца: *сердце моё начинало усиленно биться* (т. 3, с. 196); *мысль сопровождалась сладким замиранием сердца* (т. 3, с. 115); *сердце её обливалось приятным холодком* (т. 4, с. 281); *началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот* (т. 4, с. 93); *сердце его сильно билось* (т. 7, с. 8); *болезненно сжалось сердце от мысли* (т. 8, с. 228). Мысль связывается с тошнотой: *мысль производила во всём его теле что-то вроде тошноты* (т. 6, с. 49), а также с нарушениями терморегуляции организма: *от мысли бросило в жар* (т. 4, с. 93); *мысль побежала из головы по всему телу холодными мурашками, и он поёжился* (т. 4, с. 125); *от мысли становилось холодно* (т. 6, с. 385) и т. д.

Импрессионистический ВМАП демонстрирует психосоматическое единство персонажа, отражая медицинский взгляд писателя на человека. Медицинское мировидение автора проявляется в зависимости мышления от физиологии и воздействии мысли на тело. Содержание и эмоциональный тон ассоциативно-образного мышления, моделируемого в ВМАП, определяются физическим состоянием героя. В прозе Чехова мысль персонажа персонифицируется и воздействует на него. Она томит, беспокоит, подбодряет и утешает. Воздействие мысли на персонажа проявляется и на телесном уровне, вызывая физиологические реакции (жар, озноб, сердцебиение, тошноту). Импрессионистический ВМАП становится инструментом клинической точности, показывая, что мысль способна влиять на физиологию, а физиология определяет характер мышления.

2.5.3.3 Коллективный внутренний монолог как проявление вненаходимости автора

В импрессионистическом внутреннем монологе в авторском пересказе (далее – ВМАП) моделируется коллективное речемышление. Создание

коллективного ВМАП подтверждает концепцию М. М. Бахтина о позиции вненаходимости автора по отношению к герою [Бахтин 1986]. Автор выходит за рамки индивидуального сознания и моделирует речемышление группы людей. По определению исследователей ВР, коллективный ВМ [Федорчук 1990; Артюшков 2004; Сергеева 2017] «отражает не голос конкретного персонажа, а голоса изображаемой среды», «общность точек зрения какой-либо группы лиц», близких «друг другу по возрасту, социальному положению, родственным отношениям и т. д.» [Сергеева 2017: 41]. Эта близость объясняет «причины сходства их речемыслительной деятельности» [Артюшков 2004: 210] и позволяет моделировать «общее и типичное в протекании речемыслительных процессов в рамках коллективного сознания» [Артюшков 2004: 459]. Позиция вненаходимости позволяет автору дистанцироваться и представить общность мыслей группы персонажей под влиянием общих эмоциональных переживаний и когнитивных процессов.

Коллективный ВМАП порождается совпадением **эмоциональных переживаний** персонажей. В рассказе «У предводительши» общее для всех гостей состояние скорби во время панихиды объективирует совпадение мыслей: «Гости мало-помалу настраиваются на меланхолический лад и задумываются. **В головы их лезут мысли** *о краткости жизни человеческой, о бренности, суете мирской...*» (т. 3, с. 11). В рассказе «Событие» ВМАП стимулируется ситуацией, включающей сочувствие к кошке, у которой собака Неро съела котят, и равнодушие взрослых: «**Ваня и Нина** ложатся спать, плачут и **долго думают** *об обиженной кошке и жестоком, наглом, ненаказанном Неро*» (т. 5, с. 205–206). В рассказе «Крыжовник» сходство мыслей вызвано общим эстетическим переживанием красоты природы: «Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, **Иван Иваныч и Буркин** были проникнуты любовью к этому полю и **оба думали** о том, *как велика, как прекрасна эта страна*» (т. 9, с. 234).

Коллективный ВМАП создаётся единством когнитивных процессов осознания и воспоминания. В рассказе «В суде» всех присутствующих

одновременно поражает внезапное осознание роковой ошибки в обвинении солдата, а затем следует единодушная реакция: «**Во всех головах, сколько их было в суде, молнией блеснула одна и та же** страшная, невозможная **мысль**, мысль *о могущей быть роковой случайности*, и ни один человек не рискнул и не посмел взглянуть на лицо солдата. **Всякий** хотел не верить своей мысли и думал, что *он ослышался*» (т. 5, с. 157–158). В рассказе «Новая дача» коллективный ВМАП моделирует общие воспоминания, вызванные визуальным стимулом – наблюдением за голубями: «**Всем** – **и Родиону, и обоим Лычковым, и Володьке** – вспоминаются *белые лошади, маленькие пони, фейерверки, лодка с фонарями*, вспоминается, *как жена инженера, красивая, нарядная, приходила в деревню и так ласково говорила*. И всего этого точно не было. Всё, как сон или сказка» (т. 9, с. 305).

Импрессионистический ВМАП, характеризующийся сокращением речемышления до тем и эмоционально-ассоциативных доминант, моделирует коллективное сознание в художественной прозе Чехова. Речемыслительная общность группы персонажей основывается на когнитивно-эмоциональной близости, проявляющейся в схожих эмоциональных переживаниях и когнитивных процессах. Реализация коллективного ВМАП соотносится с концепцией М. М. Бахтина о позиции вненаходимости автора: дистанцированность автора позволяет ему увидеть сходство в речемыслительной деятельности группы людей. Импрессионистический коллективный ВМАП, являясь инструментом художественного психологизма, демонстрирует закономерности речемышления.

2.5.3.4 Авторская позиция и её эволюция во внутреннем монологе

В контексте когнитивно-коммуникативного подхода бахтинская позиция вненаходимости эксплицируется авторским метакогнитивным комментарием, дополняющим и восполняющим ограниченность мышления персонажа. Автор вскрывает ограниченность мышления персонажа, вызванную интенсивными эмоциональными переживаниями. В рассказе «Враги» неспособность доктора Кирилова, ослеплённого **гневом и горем,** к объективному анализу ситуации

проявляется в авторском комментарии к ВМАП: «Всю дорогу доктор **думал не** о жене, не об Андрее, а *об Абогине и людях, живших в доме, который он только что оставил*. **Мысли его были несправедливы и нечеловечно жестоки**. Осудил он и Абогина, и его жену, и Папчинского – всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, – и всю дорогу ненавидел их и **презирал до боли в сердце**» (т. 5, с. 265). Вненаходимый автор описывает будущее видение данной ситуации доктором: «Пройдёт время, **пройдёт и горе** Кирилова, но это убеждение, **несправедливое, недостойное человеческого сердца**, **не пройдёт и останется в уме доктора до самой могилы**» (т. 5, с. 265).

Функция диагностики ограниченности мышления проявляется при описании самообмана Лаевского в повести «Дуэль»: «Он хотел обдумать своё положение и **боялся думать**. Ему **страшно было сознаться**, что *доктор поймал его на обмане*, который он **так долго и тщательно скрывал от самого себя**. Всякий раз, думая *о своём будущем*, он **не давал своим мыслям полной свободы**. Он сядет в вагон и поедет – этим решался вопрос его жизни, и дальше он **не пускал своих мыслей**» (т. 7, с. 268). Аналогично в повести «Палата № 6» **страх** влияет на когнитивную деятельность Ивана Дмитрича Громова, ограничивая её: «Дома целый день у него не выходили из головы *арестанты и солдаты с ружьями*, и **непонятная душевная тревога мешала ему читать и сосредоточиться**» (т. 8, с. 39–40).

Комическая или трагическая узость сознания также становится предметом авторского комментария. Мышление персонажей замыкается на второстепенных деталях, игнорируя главное. В рассказе «Знакомый мужчина» ощущение **стыда** замыкает речемышление Настасьи Канавкиной на материальных ценностях и демонстрирует инфантильную неспособность героини планировать будущее: «Ей казалось, что *не только люди, но даже лошади и собаки глядят на неё и смеются над простотой её платья*. И думала она *только о платье*, вопрос же о том, **что она будет есть и где будет ночевать, не тревожил её нисколько**» (т. 5, с. 10). В рассказе «Выигрышный билет» **радость** сужает сознание супругов до цифр выигрыша в лотерею, и они игнорируют возможное счастье: «Супруги стали

смеяться и долго глядели друг на друга молча. **Возможность счастья отуманила их, они не могли даже мечтать, сказать, на что им обоим нужны эти 75000, что они купят, куда поедут**. Думали они **только** *о цифрах 9499 и 75000*, рисовали их в своём воображении, а **о самом счастье, которое было так возможно, им как-то не думалось**» (т. 6, с. 45).

В зрелой прозе позиция вненаходимости автора усложняется. Сочетание ментальных глаголов (*думать, думаться, вспомнить, вспомниться, показаться*) с маркерами когнитивной неопределённости (*почему-то*, *как-то*) отражает отказ автора от объяснения мотивов речемышления персонажей, что свидетельствует о признании автором бессознательной природы психики.

В рассказе «Соседи» Петру Михайлычу, читающему письмо, «**почему-то показалось**, что *в оболочке письма и в почерке, и в недописанном слове “Превосх.” было что-то вызывающее, задорное, либеральное*» (т. 8, с. 16–17). В рассказе «Володя большой и Володя маленький» Софья Львовна бесцельно ездит «по улицам и переулкам»: «И **почему-то** при этом **вспоминалась** ей *та самая тётя с заплаканными глазами, которая не находила себе места*» (т. 8, с. 183). В рассказе «Случай из практики» Королёв размышляет о фабрике: «Но **как-то всё думалось** *о свайных постройках, о каменном веке, чувствовалось присутствие грубой, бессознательной силы*…» (т. 9, с. 277). В рассказе «У знакомых» Подгорину, увидевшему вчерашнюю записку, «**почему-то вспомнилось**, как *Надежда кружилась в танце, как раздувалось её платье и видны были ноги в чулках телесного цвета*…» (т. 9, с. 429). В рассказе «Невеста» Надя, думая о свадьбе и женихе, «**вспомнила почему-то**, *что её мать не любила своего покойного мужа и теперь ничего не имела, жила в полной зависимости от своей свекрови, бабули*» (т. 9, с. 400).

Авторский комментарий к импрессионистическому ВМАП в прозе Чехова реализует позицию вненаходимости автора. В ранней и зрелой прозе автор «диагностирует» ограниченность мышления персонажа, указывая на когнитивные искажения, вызванные сильными эмоциями (гневом, страхом), самообманом и инфантильностью. Комментарий отражает узость сознания героя, неспособность к

объективному анализу и адекватной оценке ситуации. В позднем творчестве маркеры когнитивной неопределённости *почему-то*, *как-то* в сочетании с ментальными глаголами характеризуют отказ автора от объяснения мотивов мышления и фиксируют иррациональное появление мысли. Тем самым автор показывает бессознательную природу мышления.

Таким образом, анализ импрессионистического ВМАП выявляет его сложность, многофункциональность и эволюционную значимость в художественной прозе Чехова. Этот тип ВМАП, основанный на редукции речемышления до эмоционально-смысловых доминант, передаёт содержание мыслительного процесса и моделирует ассоциативно-образное мышление. Он фиксирует сиюминутные состояния, передавая эмоции тревоги, скуки, страха через цепочки сенсорных доминант и вспышек памяти; моделирует когнитивные нарушения, вызванные физиологическими причинами (болезнь, похмелье), при которых фрагментарность образов обусловлена физическим состоянием. Диагностическое восприятие психосоматической природы мыслительного процесса является чертой идиостиля Чехова. Прослеживается эволюция импрессионистического ВМАП от фиксации сиюминутных впечатлений к моделированию повторяющихся мыслительных процессов в зрелой прозе писателя, демонстрирующих хаотичность, ментальную цикличность и психологическую замкнутость персонажа. Выявляется коллективный ВМАП как реализация авторской вненаходимости. Импрессионистический ВМАП позволяет автору представить общность речемыслительной деятельности группы людей со схожими эмоциональными переживаниями и когнитивными процессами, демонстрируя универсальные закономерности речемышления. Анализ выявил эволюцию позиции автора в рамках его комментария: переход от позиции диагноста в ранней прозе, вскрывающего ограниченность мышления персонажа, к позиции наблюдателя в позднем творчестве, признающего иррациональную, бессознательную, непостижимую природу психики персонажей.

2.6 Внутренний диалог

Внутренний диалог (далее – ВД) представляет собой один из типов художественной репрезентации внутренней речи (далее – ВР) персонажа. ВД – «последовательность диалогически взаимосвязанных высказываний, порождаемых индивидуумом и непосредственно воспринимаемых им в процессе интраперсонального общения» [Сергеева 2017: 43]. Под ВД понимается диалог героя со своим вторым «я», которое «как бы отделяется от персонажа, превращается в отдельный субъект» [Изотова 2006: 295], создавая «взаимодействующие смысловые позиции» [Кучинский 1988: 18–19]. Особенность ВД – «скрытая полемика» (М. М. Бахтин) двух смысловых позиций, актуализирующих внутренний конфликт, сомнение, колебание, самоконтроль. В прозе Чехова можно выделить два типа ВД, различающихся по степени экспликации «голосов» и характеру их взаимодействия. Для анализа ВР как автокоммуникации вслед за О. С. Иссерс в работе используются инструменты коммуникативной лингвистики – стратегии (кооперативная и конфронтационная) и реализующие их тактики [Иссерс 2008: 70].

2.6.1 Введение понятия «когнитивно-коммуникативная тактика»

В коммуникативной лингвистике в качестве инструмента анализа внешней, интерперсональной коммуникации закрепилось понятие *речевой тактики*, наиболее полно разработанное в трудах О. С. Иссерс [Иссерс 2008]. Применение коммуникативных стратегий к анализу внутренней речи (далее – ВР) требует специального инструмента, поэтому для описания автокоммуникативных стратегий вводится понятие «*когнитивно-коммуникативная тактика».*

Разграничение *речевой* и *когнитивно-коммуникативной тактик*, во-первых, заключается в сфере реализации и типе коммуникации. Вслед за О. С. Иссерс речевая тактика понимается как целенаправленное речевое действие и его невербальное сопровождение в рамках реализуемой коммуникативной стратегии [Иссерс 2008] и объективируется в интерперсональной коммуникации. Когнитивно-коммуникативная тактика (далее – КК-тактика) реализуется в ВР,

интраперсональной коммуникации. Во-вторых, различаются адресаты тактик: адресатом речевой тактики выступает реальный собеседник, КК-тактики – сам персонаж («второе я») или отсутствующий, потенциальный, воображаемый собеседник или нададресат [Сергеева 2017: 186]. Во-третьих, целью речевой тактики является воздействие на адресата в соответствии с реализуемой стратегией и достижение коммуникативного успеха. Цель КК-тактики – реализация стратегии кооперации или конфронтации в автокоммуникации, а также в программировании речевого сообщения и смысловом восприятии внешнего сообщения.

Таким образом, *когнитивно-коммуникативная тактика* определяется как автокоммуникативное действие, побуждаемое мотивом, коммуникативным намерением и эмоциональным состоянием персонажа и объективирующее стратегию в интраперсональной коммуникации, в процессе речепорождения и речевосприятия. Введение этого понятия дополняет теорию речевых тактик коммуникативной лингвистики. Оно позволяет анализировать коммуникативные стратегии персонажа в ВР и осмысливать когнитивно-коммуникативные механизмы речевой деятельности.

2.6.2 Внутренний диалог: столкновение смысловых позиций

Структурно-полный внутренний диалог (далее – ВД) представляет собой мысленное общение персонажа с самим собой, организованное сменой реплик-стимулов и реплик-реакций в вопросо-ответной форме и отражает раздвоение внутреннего «я». Ярким примером такого ВД-спора в чеховской прозе является речемыслительный процесс доктора Старцева в рассказе «Ионыч»: «В голове какой-то холодный, тяжёлый кусочек рассуждал:

“*Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач...”*

“*Ну что ж?* – думал он. – *И пусть”*.

“*К тому же, если ты женишься на ней*, – продолжал кусочек, – *то её родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе”*.

“Ну что ж? – думал он. *– В городе, так в городе. Дадут приданое, заведём обстановку...”»* (т. 9, с. 261). Сознание персонажа расщепляется на две смысловые позиции, сталкивающиеся в единой концептуальной системе [Болдырев 2024] вследствие децентрации мышления, т. е. способности субъекта занимать различные социально-ролевые позиции, отличные от собственной [Пиаже 1994].

Такой ВД-спор отражает **конфронтационную стратегию**. Реплики-стимулы представляют рациональное начало («холодный, тяжёлый кусочек»), реализуя когнитивно-коммуникативную тактику (далее – КК-тактику) **предостережения** от мрачных перспектив (*её родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе*) и КК-тактику **упрёка** в игнорировании социального несоответствия (*Пара ли она тебе?*). Реплики-реакции – эмоциональное начало, представленное КК-тактикой **возражения**, обесценивающей значимость рационального голоса (*Ну что ж? И пусть*).

ВД-спор, отражающий борьбу с чувством вины, представлен в рассказе «Не в духе». Сознание станового пристава Прачкина расщепляется на обвиняющего «беса жадности» и оправдывающееся «я»: «Становой пристав Семён Ильич Прачкин ходил по своей комнате из угла в угол и старался заглушить в себе неприятное чувство. Вчера он заезжал по делу к воинскому начальнику, сел нечаянно играть в карты и проиграл восемь рублей. Сумма ничтожная, пустяшная, но бес жадности и корыстолюбия сидел в ухе станового и упрекал его в расточительности.

– Восемь рублей – экая важность! – заглушал в себе Прачкин этого беса. *– Люди и больше проигрывают, да ничего. И к тому же деньги дело наживное... Съездил раз на фабрику или в трактир Рылова, вот тебе и все восемь, даже ещё больше*!» (т. 2, с. 99). «Бес жадности» инициирует конфликт **КК-тактикой упрёка** в расточительности. Прачкин защищается, применяя **КК-тактику возражения** (*Восемь рублей – экая важность!*), **КК-тактику апелляции к норме** (*Люди и больше проигрывают, да ничего)* и **КК-тактику планирования**

коррупционных действий (*Съездил раз на фабрику или в трактир Рылова, вот тебе и все восемь, даже ещё больше*!).

ВД моделирует мучительный когнитивный диссонанс в рассказе «Ариадна». Сознание героя, столкнувшегося с шокирующей правдой, распадается на «я»-идеалиста и «я»-рационалиста: «*Ариадна*, спрашивал я с ужасом, *эта молодая, замечательно красивая, интеллигентная девушка, дочь сенатора, в связи с таким заурядным, неинтересным пошляком? Но почему же ей не любить Лубкова?* отвечал я себе. *Чем он хуже меня? О, пусть она любит, кого ей угодно, но зачем лгать? Но с какой стати она должна быть откровенна со мной?* И так далее, всё в таком роде, до одурения» (т. 9, с. 48–49). Идеалист использует **КК-тактику упрёка**, которая реализуется в риторическом вопросе (*эта молодая, замечательно красивая, интеллигентная девушка, дочь сенатора, в связи с таким заурядным, неинтересным пошляком?*); **КК-тактику уступки** (*О, пусть она любит, кого ей угодно*) и **КК-тактику обвинения** во лжи (*но зачем лгать?*). Реалист реагирует **КК-тактикой возражения** (*Но почему же ей не любить Лубкова?*; *Но с какой стати она должна быть откровенна со мной?*).

Структурно-полный ВД-спор в прозе Чехова моделирует когнитивный конфликт, в котором борьба субличностей разворачивается через репертуар КК-тактик конфронтационной стратегии. В ВД чеховских персонажей автор не отдаёт предпочтения ни одному из голосов, что отражает объективность повествования и является чертой идиостиля позднего Чехова.

2.6.3 Метакоммуникативный внутренний диалог

Наиболее частотным типом внутреннего диалога (далее – ВД) (21 из 30 контекстов) в исследуемом материале является метакоммуникативный. Он определяется как структурно-полная форма диалога, при которой реплика-стимул представлена во внешнем высказывании персонажа, а реплика-реакция – в его внутренней речи (далее – ВР). Данный тип ВД представляет собой диалогическое раздвоение сознания персонажа на «я»-говорящее и «я»-контролирующее и реализует **стратегию метакоммуникативной саморегуляции**, которая

объективируется в когнитивно-коммуникативных тактиках (далее – КК-тактиках) самокоррекции, поиска мотива и самооценивания.

КК-тактика самокоррекции демонстрирует осознаваемое персонажем несоответствие между коммуникативным намерением и его воплощением во внешней речи. Самокоррекция направлена на содержание высказывания. Герой понимает, что говорит *не то* или *не так*, и ВР отражает это нарушение. В рассказе «Неприятность» земский врач Овчинников в ВР обнаруживает рассогласованность содержания своей внешней речи и намерения разрешить конфликт: «Послушайте… Я вас оскорбил и… и должен понести наказание, то есть удовлетворить вас… Дуэлей вы не признаёте… Впрочем, я сам не признаю дуэлей. Я вас оскорбил и вы… вы можете подать на меня жалобу мировому судье, и я понесу наказание… А оставаться нам тут вдвоём нельзя… Кто-нибудь из нас, я или вы, должен выйти! (*Боже мой! Я не то ему говорю*! – ужаснулся доктор. – *Как глупо, как глупо*!)» (т. 7, с. 14). Указательное местоимение *то* в сочетании с глаголом говорения в отрицательной конструкции указывает на несоответствие содержания внешней речи коммуникативному намерению персонажа. В рассказе «Дома» Быковский, видя, что сын не понимает его аналогий, осознаёт несоответствие между намерением и способом объяснения: «Ты меня не понимаешь, – сказал Быковский. – Собачку ты мне подарил, она теперь моя, и я могу делать с ней всё, что хочу; но ведь табаку я не дарил тебе! Табак мой! (*Не так я ему объясняю*! – подумал прокурор. – *Не то! Совсем не то*!)» (т. 6, с. 38).

КК-тактика поиска мотива отражает попытку восстановить утраченную или неясную цель собственного высказывания. В рассказе «Скука жизни» в ВР Аркадия Петровича, увлёкшегося псевдонаучным спором с женой, демонстрируется поиск мотива: «Если химически разобрать, то рыба и всё вообще постное состоит из тех же элементов, как и мясо. В сущности, ничего нет постного… (*Для чего это я говорю*? – подумал старик)» (т. 4, с. 284). Задавая себе вопрос в ВР, герой пытается вернуть осмысленность своей внешней речи.

КК-тактика самооценивания предполагает критический анализ персонажем своего речевого поведения или личности. В повести «Дуэль» фон

Корен осознаёт неловкость своего визита без приглашения: «Я на одну минутку, – начал зоолог, снимая в сенях калоши и уже жалея, что он уступил чувству и вошёл сюда без приглашения. "*Я как будто навязываюсь*, – подумал он, – *а это глупо"*. – Простите, что я беспокою вас» (т. 7, с. 306). Оценочное наречие *глупо* и негативно-оценочная семантика глагола *навязываться* демонстрируют КК-тактику самооценивания своего импульсивного визита. В рассказе «Тряпка» ВР секретаря газеты Кокина демонстрирует сочетание КК-тактик поиска мотива (вопрос цели) и самооценивания (бранная автономинация): «Я сам всегда против ругательств... Но, ей-богу... ну, при чём тут я? Я, честное слово, не писатель! Я секретарь... Я вам даже больше скажу, но... между нами, конечно... статью эту писал сам редактор... (*К чему я, скотина, это говорю*? – подумал Кокин)» (т. 3, с. 417).

Метакоммуникативный ВД является наиболее частотным типом ВД в прозе Чехова. Он выступает инструментом метакогнитивного контроля, отражает раздвоенность сознания персонажа и создаёт ВД «я»-говорящего и «я»-контролирующего. Метакоммуникативный ВД моделирует саморефлексию и самодистанцирование персонажа, которые реализуются посредством КК-тактик самокоррекции, поиска мотива и самооценивания. КК-тактика самокоррекции демонстрирует осознаваемое персонажем рассогласование коммуникативного намерения и его воплощения во внешней речи. КК-тактика поиска мотива отражает потерю персонажем цели высказывания (он увлёкся говорением) и попытку вернуть осмысленность собственной речи. КК-тактика самооценивания направлена на критический анализ персонажем собственного речевого поведения или своей личности. Следовательно, метакоммуникативный ВД характеризует чеховского персонажа как сомневающегося и склонного к самоанализу.

Выводы по второй главе

1. Художественная репрезентация внутренней речи (далее – ВР) персонажа является когнитивно-коммуникативным феноменом, который реализуется разнообразием лексико-грамматических средств и структурно-типологических

форм. Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на общность понимания ВР как инструмента психологизма, в филологии сохраняется терминологическая и структурно-семантическая неоднозначность понятия «внутренняя речь». В зависимости от стадии речемыслительной деятельности ВР сближается либо с алогичным, фрагментарным и ассоциативным потоком сознания, либо с логическим, структурно организованным внутренним монологом, близким внутреннему проговариванию. Опираясь на когнитивный подход, мы объясняем такое разнообразие форм ВР моделированием разной степени её интериоризации: чем глубже интериоризация, тем ближе ВР к алогичным формам потока сознания и, наоборот, чем ближе ВР к внешней речи, тем более логичной и структурированной она становится.

2. В главе выстроена последовательность форм ВР, основанная на 1) степени интериоризации ВР (от потока сознания к произнесённой ВР); 2) способе текстовой репрезентации (от прямой формы к косвенной) и 3) коммуникативной организации (от монологической к диалогической). На этой основе описаны поток сознания, внутренняя реплика-реакция, внутренний монолог как заключительный этап ВР, произнесённая ВР, внутренний монолог в авторском пересказе, внутренний диалог. Материалом анализа послужили 1863 контекста (86% корпуса), что свидетельствует о системообразующей роли ВР в поэтике Чехова.

3. Поток сознания в прозе Чехова как наиболее «глубинная» форма ВР моделирует когнитивные процессы восприятия, памяти и внимания. Такое динамичное взаимодействие когнитивных процессов порождает чеховскую поэтику потока сознания с его спонтанностью, ассоциативностью, фрагментарностью и алогичностью, стимулируемыми перцептивными (визуальными, аудиальными, тактильными, ольфакторными и густаторными) и интероцептивными (внутренними, исходящими из тела) ощущениями. Поток сознания представляет собой вид автокоммуникации, направленный на самоанализ, самооправдание, принятие решения и эмоциональное переживание. Он репрезентируется комплексом лексико-грамматических средств, имитирующих естественность мыслительного потока.

4. Доминантной формой художественной репрезентации ВР является внутренняя реплика-реакция (далее – ВРР), которая отличается структурной краткостью и моделирует мгновенное восприятие персонажем перцептивных и интероцептивных стимулов в неречевых ситуациях. Частотность ВРР в прозе писателя свидетельствует о его внимании к начальным, спонтанным этапам мышления.

5. Фокус внимания персонажа охватывает внешний мир и интероцептивные ощущения организма, а также определяет содержание ВРР. Объекты внимания в ВРР представлены живым миром и «миром вещей». Их разнообразие и разномасштабность (от пуговицы, блина, таракана до грозы, широкого поля и счастья) формируют фокус внимания персонажа: в когнитивном пространстве чеховского героя бытовая мелочь и мировоззренческое понятие равнозначны.

6. ВРР моделирует когнитивные действия (узнавание, припоминание, предположение, поиск и принятие решения, умозаключение), структурирующие речемышление героя. ВРР характеризуется как мгновенная перцептивная реакция с доминирующим визуальным каналом восприятия (53,8% контекстов). Второй по значимости канал – аудиальный (около 13% контекстов). Тактильные, ольфакторные и густаторные способы получения информации представлены единичными примерами. Получение информации по всем каналам свидетельствует о многоканальности сенсорного восприятия мира персонажем. Психосоматическая природа ВРР, в которой мысль запускается или искажается физиологическими ощущениями (жажда, голод, температурный дискомфорт) и аффективными состояниями, отражает уникальный авторский взгляд и является особенностью чеховского идиостиля.

7. На функциональном уровне исследование ВРР определило когнитивно-коммуникативные функции и подфункции. Самоидентификация и самовосприятие проявляются через осознание психофизиологических состояний. Самопонимание уточняется подфункциями самораскаяния и самодиагностики. Специфическая для чеховских героев подфункция самодиагностики актуализирует попытку героя не поставить реальный клинический диагноз, а

рационализировать душевный разлад. Функция саморегуляции представлена рядом подфункций: прагматическим самопланированием, волевой самокоррекцией, а также защитными подфункциями – самооправданием, самоотстранением, самообманом. В прозе Чехова эти функции наполняются специфическим содержанием, отражающим его клинический взгляд на человека.

8. Особый интерес представляет дисфункциональный аспект ВР, для определения которого мы вводим термин «саморуминация» – навязчивая бесконтрольная фиксация внимания на негативных мыслях. В отличие от конструктивной саморегуляции, саморуминация отражает процесс психического истощения и тревожности. В художественной системе Чехова саморуминация участвует в формировании концептуально-авторского подтекста произведения, приобретая в нём дополнительные смыслы.

9. Автокоммуникативность ВРР подтверждается тем, что этикетные формулы утрачивают свои фатические функции и приобретают новые символические значения. На примере лексемы «прощай» была прослежена эволюция семантики «этикетной» формулы от иронии в ранних рассказах к психологическому символу в поздних.

10. Внутренний монолог (далее – ВМ) представляет собой логически организованную репрезентацию заключительного этапа ВР, структурно сближающуюся с внешней речью, но сохраняющую специфику автокоммуникации. ВМ моделирует когнитивные процессы мышления, памяти и воображения, отражая самопознание, саморегуляцию и самоопределение персонажа. Характерной чертой чеховского психологизма является включение в ВМ метакогнитивных структур, демонстрирующих, *как* персонаж думает о своём мышлении: оценивает его глубину и эффективность, регулирует собственные мыслительные процессы (корректирует, прекращает или перенаправляет), предвосхищает последствия. Метакогнитивная деятельность отражает диалогическую природу мышления и способность к самодистанцированию чеховского интеллигента. Введение метакогнитивных структур в ВМ

свидетельствует о глубоком психологизме писателя, предвосхитившего современные представления о метакогниции.

11. Автокоммуникативность ВМ на заключительном этапе ВР проявляется в диалогичности и полифонизме. Выделенные типы автокоммуникации – конфронтационный (когнитивный конфликт эмоционального и рационального, желаемого и действительного, духовного и мирского) и кооперативный (когнитивное согласие, самоподдержка, самоуспокоение, самоубеждение) – демонстрируют особенности саморегуляции в ВР и динамичный процесс взаимодействия смысловых позиций. Полифонизм отражает многомерность мышления чеховских персонажей: одновременное сосуществование множества равноправных точек зрения и оценок. Способность ВМ вмещать противоречивые голоса, демонстрирующие разнообразие смысловых позиций, отражает чеховскую объективность и отказ от авторского дидактизма, что становится проявлением идиостиля Чехова.

12. Языковые средства книжной и разговорной речи участвуют в организации логически последовательной структуры ВМ. Соотношение книжных и разговорно-просторечных средств является маркером когнитивных особенностей и психоэмоционального состояния персонажа. Высокий уровень когнитивного развития соотносится с преобладанием элементов книжной речи, тогда как эмоциональное напряжение и (или) низкий уровень образования активизируют разговорные средства.

13. Обоснован статус произнесённой внутренней речи (далее – ПВР) как формы ВР. Доказано, что её основным признаком является не беззвучность, а автокоммуникативность – функциональная замкнутость на субъекте. Включение озвученных, но не адресованных реальному собеседнику контекстов ВР позволяет расширить материал исследования.

14. На материале прозы Чехова разработана модель ПВР, основанная на взаимосвязи интенсивности эмоционального переживания и уровня когнитивного контроля. Выделяются две функции ПВР чеховских героев. ПВР, возникающая в состоянии аффекта, т. е. при снижении когнитивного контроля, реализует

экспрессивно-оценочную функцию. Мгновенная эмоциональная разрядка сопровождается психофизиологическими проявлениями. ПВР, возникающая при снижении аффективного напряжения, реализует функцию когнитивной саморегуляции: планирование, предвосхищение, самомотивация, поиск причин и объяснений. Каждая базовая эмоция активирует специфическую когнитивно-коммуникативную функцию: злость реализует функцию угрозы; злорадство – угрозы и самоподдержки; стыд – самоосуждения; страх – самопобуждения и самоприказа; радость – благодарности; удивление – разрешения «когнитивного диссонанса».

15. Внутренний монолог в авторском пересказе (далее – ВМАП) репрезентирует речемышление чеховских персонажей косвенными способами. Специфика ВМАП заключается в способе художественного моделирования когнитивных процессов: ВМАП отражает «не то, *как* говорится, а то, *что* говорится», демонстрируя авторскую когнитивную интерпретацию и обработку мыслительных процессов персонажа. Систематизация форм ВМАП в соответствии с классификацией модификаций косвенной речи М. М. Бахтина позволила выделить предметно-аналитический, словесно-аналитический и импрессионистический ВМАП.

16. Предметно-аналитический ВМАП моделирует событийно-объективное мышление персонажа и представляет собой нехарактерную для Чехова форму в связи с редукцией индивидуально-речевой манеры персонажа и ориентацией на выполнение сюжетно-композиционных функций в тексте. Словесно-аналитический ВМАП позволяет моделировать эмоционально-оценочное мышление, сохраняя индивидуально-речевые особенности персонажа. Импрессионистический ВМАП, характеризующийся сокращением речемышления до тем и эмоционально-ассоциативных доминант, моделирует ассоциативно-образное мышление персонажа, фиксирует сиюминутные впечатления и когнитивные нарушения, а в поздней прозе моделирует хаотично-ассоциативные, повторяющиеся мыслительные процессы.

17. Импрессионистический ВМАП отражает психосоматические особенности персонажа. Содержание и эмоциональный тон ассоциативно-образного мышления определяются физическим состоянием героя. В прозе Чехова мысль персонажа персонифицируется и воздействует на него эмоционально и физиологически, вызывая жар, озноб, сердцебиение, тошноту. Импрессионистический ВМАП становится инструментом клинической точности, показывая, что мысль способна влиять на физиологию, а физиология определяет характер мышления.

18. Выявлены коллективные формы ВМАП, моделирующие «коллективное сознание» группы людей, объединённых общностью социального статуса, возраста или родственных отношений. Моделирование коллективного ВМАП отражает позицию авторской вненаходимости: дистанцированность автора позволяет ему увидеть общность в речемыслительной деятельности группы людей на основе сходства эмоциональных переживаний и когнитивных процессов, что демонстрирует универсальные закономерности речемышления.

19. Анализ метакогнитивного комментария автора к ВМАП показал эволюцию авторской позиции от всеведущего диагноста, вскрывающего ограниченность мышления персонажа (под влиянием сильных эмоциональных переживаний), к позиции наблюдателя, признающего неконтролируемую, иррациональную природу ассоциативных связей и существование бессознательного в психике.

20. Автокоммуникативность ВМАП проявляется в его диалогизации, которая реализуется на семантико-когнитивном уровне тремя механизмами: независимостью мыслительного процесса от персонажа, в результате чего герой предстаёт как пассивный реципиент и наблюдатель собственных мыслей; раздвоением сознания героя – введением «внутреннего собеседника» (голос совести и разума или голос эмоции); включением «чужого» слова (коммуникативным взаимодействием субъектно-речевого плана персонажа и «чужой» внешней речи), создающим полифоническую структуру мышления.

21. Рассмотрение внутреннего диалога (далее – ВД) подтвердило, что диалогичность является не только свойством форм ВР, но и принципом чеховского моделирования сознания персонажа. Выделены типы ВД – структурно-полный и метакоммуникативный ВД, описаны их функции и репрезентация внутреннего конфликта, сомнения и самоконтроля.

22. Для анализа ВР как автокоммуникации в работе используются инструменты коммуникативной лингвистики – стратегии (кооперативная и конфронтационная) и реализующие их тактики. Для описания коммуникативных стратегий ВР вводится понятие «*когнитивно-коммуникативная тактика»*, которое определяется как автокоммуникативное действие, побуждаемое мотивом, коммуникативным намерением и эмоциональным состоянием персонажа, объективирующее коммуникативную стратегию в процессе речемышления, речепорождения и речевосприятия. Введение этого понятия дополняет теорию речевых тактик коммуникативной лингвистики. Оно позволяет анализировать коммуникативные стратегии персонажа в ВР и осмысливать когнитивно-коммуникативные механизмы речевой деятельности.

ГЛАВА 3
ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ ПЕРСОНАЖА КАК ЭТАП РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ И РЕЧЕВОСПРИЯТИЯ

Внутренняя речь (далее – ВР) является центральным этапом речевой деятельности и характеризуется двунаправленной природой, проявляющейся в порождении и восприятии речи. В психолингвистической модели речепорождения (Т. В. Ахутина, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев и др.) ВР является промежуточным (формирующим) звеном между мотивационно-целевым (или побуждающим) этапом и исполнительно-контрольным (или реализующим). Следовательно, ВР является центральным этапом, преобразующим мотив и коммуникативное намерение во внутреннюю программу будущего высказывания. Коммуникативное намерение определяет программу ВР, поскольку оно обусловлено социально-коммуникативной ситуацией и модальностью общения и тем самым задаёт цель высказывания [Седов 2002: 40–52].

Одновременно ВР включена в процесс речевосприятия и определяется как сложная «перцептивно-мыслительно-мнемоническая деятельность» [Зимняя 2001: 309]. ВР выступает механизмом смыслового восприятия речевого сообщения и рассматривается как «процесс приёма (рецепции) и осмысления, результирующегося в понимании (или непонимании) этого речевого сообщения» [Зимняя 1976: 7]. Следовательно, ВР опосредует переход от воспринимаемого высказывания к выявлению мотива говорящего.

Двойственная природа ВР определяет структуру этой главы. Последовательное рассмотрение речепорождения и речевосприятия позволяет выявить когнитивно-коммуникативные механизмы моделирования речевой деятельности.

3.1 Внутренняя речь в процессе речепорождения

Рассмотрим, как в внутренняя речь (далее – ВР) чеховских персонажей происходит выбор и реализация коммуникативных стратегий (кооперации и конфронтации) и когнитивно-коммуникативных тактик (далее – КК-тактик) в процессе программирования высказывания. Моделированию речепорождения, выявлению его этапов и определению роли внутренней речи (далее – ВР) в процессе порождения речевого высказывания героя посвящена наша работа [Авдеева 2025]. Исследуемый материал, в котором ВР функционирует как этап речепорождения, составил 74 контекста. Количественный анализ показывает преобладание кооперативной стратегии (47 контекстов) над конфронтационной (27 контекстов).

3.1.1 Реализация кооперативной стратегии во внутренней речи

Кооперативная стратегия во внутренней речи (далее – ВР) чеховских персонажей направлена на установление, поддержание или восстановление бесконфликтного взаимодействия, но часто мотивирована страхом, неуверенностью, желанием сохранить хрупкое равновесие отношений. Выделим КК-тактики, реализующие кооперативную стратегию в ВР чеховских персонажей.

Намерение поддержать или продолжить разговор, найти правильные слова или тему, чтобы удержать внимание собеседника, реализуется **когнитивно-коммуникативной тактикой** (далее – КК-тактикой) **поиска темы** будущего высказывания (9 контекстов из 47). Данная тактика отражает когнитивные затруднения персонажа в поиске слова для продолжения разговора. В ВР прокурора Быковского в рассказе «Дома», убеждающего сына Серёжу во вреде курения, представлен поиск аргументов для продолжения воспитательного диалога: «*Что же ещё сказать ему?*» (т. 6, с. 38). В ВР Веры Гавриловны в рассказе «Княгиня» представлен поиск темы для светской беседы с доктором: «*Что бы ещё такое сказать ему?* – подумала княгиня» (т. 7, с. 101). Наречие *ещё*, с одной стороны, указывает на исчерпанность разговора, а с другой стороны – на

намерение удержать внимание собеседника, а местоимение *что* обозначает поиск нужного слова.

КК-тактика планирования обсуждения (11 контекстов из 47) демонстрирует вовлечение собеседника в совместное решение, признание ценности его позиции. Намерение вовлечь собеседника в диалог для принятия совместного решения демонстрируют глаголы и сочетания *расспрошу, надо обсудить, надо потолковать*, *поговорить*. В рассказе «Серьёзный шаг» Алексей Борисыч в ВР планирует обсуждение важного жизненного вопроса (предложения руки и сердца дочери) со своей женой: «*Надо всесторонне… подумать, потолковать, обсудить… Брак есть такое таинство, к которому нельзя относиться легкомысленно… Пойти со старухой поговорить*…» (т. 5, с. 282).

КК-тактика поиска сочувствия (4 контекста из 47) направлена на разделение переживания с понимающим слушателем, потребность в эмоциональной близости. Глагол *расскажу* в усечённой конструкции в ВР Данилки в рассказе «День за городом» отражает потребность выговориться, поделиться впечатлениями, «высказать кому-нибудь всё то, что теперь мерещится ему в потёмках и волнует душу»: «*Ужо завтра Терентию расскажу*… – думает мальчик» (т. 4, с. 267).

Желание персонажей восстановить кооперацию актуализируется **КК-тактиками извинения, просьбы о прощении, оправдания** и **самопринуждения.** Данные КК-тактики направлены на разрешение уже возникшего, по мнению персонажа, конфликта и зачастую отражают преодоление героем негативных эмоций и осознание ответственности.

КК-тактика извинения (2 контекста из 47) в ВР Ивана Дмитрича Червякова в рассказе «Смерть чиновника», чихнувшего на генерала, демонстрирует решение исправить оплошность: «*Я его обрызгал!* – подумал Червяков. – *Не мой начальник, чужой, но всё-таки неловко.* ***Извиниться надо***» (т. 1, с. 76). Стремление принести извинение перерастает в навязчивую потребность Червякова добиться прощения, чтобы успокоить испуганную совесть, и реализуется **КК-тактикой просьбы о прощении** (3 контекста из 47): «*Говорить*

не хочет! – подумал Червяков, бледнея. – *Сердится, значит... Нет, этого* ***нельзя так оставить****... Я ему* ***объясню****...*» (т. 1, с. 77). Р. Ратмайр дифференцирует извинение и прощение по степени вины: извинение выражает «оттенок просьбы учесть оправдательные причины и не считать говорящего очень виноватым», прощение – «просьбу не сердиться», несмотря на виновность говорящего [Ратмайр 1997: 21]. Непреодолимое желание Червякова не *оставить так* и обязательно *объяснить* демонстрирует разрушение коммуникации и личности героя доведённым до абсурда кооперативным намерением.

В рассказе «Беззаконие» осознание вины и просьба о прощении выражаются в воображаемом диалоге коллежского асессора Мигуева с женой: «*Пускай говорят, что хотят,* – думал он. – *Пойду сейчас, стану на коленки и скажу: “Анна Филипповна!” Она баба добрая, поймёт… И будем мы воспитывать… Ежели он мальчик, то назовём – Владимир, а ежели он девочка, то Анной… По крайности в старости будет утешение…*» (т. 6, с. 126).

КК-тактика оправдания (2 контекста из 47) реализует несогласие персонажа с обвинениями и сопровождается негативными эмоциями возмущения, обиды, страха. Данная КК-тактика в ВР благовоспитанной и чувствительной Машеньки Павлецкой в рассказе «Переполох», оскорблённой подозрением в воровстве, направлена на восстановление доверия и доброго имени героини: «*Побегу ко всем судьям и защитникам...* – думала Машенька, дрожа. – *Я объясню им, присягну... Они поверят, что я не могу быть воровкой!*» (т. 4, с. 93). КК-тактика Машеньки основана на апелляции к высшим справедливым авторитетам (*все судьи и защитники*), глаголы *объясню* и *присягну* в усечённой конструкции отражают наивную веру героини в силу честного объяснения.

КК-тактика самопринуждения к внешней речи (3 контекста из 47) направлена на достижение кооперативной цели – восстановления честных отношений, устранения недопонимания, но реализуется конфронтационным способом, отражая внутренний конфликт чеховских персонажей. Конфронтация представлена расщеплением сознания персонажа на приказывающее «я», стремящееся к честности и кооперации, и принуждаемое «я», испытывающее

страх и стыд. Максим Кузьмич Салютов в рассказе «Женщина без предрассудков» стыдится своей работы клоуном в цирке. В ВР герой принуждает себя к признанию, отравляющему его счастье: «*Я себя, скота, заставлю объясниться! Нас повенчали, но ещё не поздно! Мы можем ещё расстаться!*» (т. 2, с. 141). Борьба в ВР демонстрирует нерешительное поведение чеховских персонажей: стремление быть честным и порядочным человеком сталкивается с желанием избежать постыдного разговора.

В ВР Никитина в рассказе «Учитель словесности» наблюдается самопринуждение к признанию в любви Маше Шелестовой: «*Даю себе честное слово, клянусь богом, что не буду робеть и сегодня же объяснюсь с ней*…» (т. 8, с. 276). Клятвенные обещания *даю честное слово* и *клянусь богом* усиливают намерение преодолеть внутреннее сопротивление.

Стремление избежать конфликта, сохранить хрупкое равновесие отношений представляет собой особую форму чеховской кооперации и реализуется **КК-тактикой уклонения от правды** (5 контекстов из 47). Персонаж, прогнозируя негативную реакцию собеседника, планирует ложь для сохранения коммуникативного равновесия. В этой связи показательно наблюдение Е. Г. Эткинд о чеховских персонажах: «словесная речь, как правило, неадекватна “внутреннему человеку”, если этот человек избегает условной, принятой в общественной среде лжи. Ложь разнообразна, – в зависимости от рода занятий, уровня образованности, характера взаимоотношения между собеседниками, даже от возраста и различия между поколениями» [Эткинд 1998: 411]. ВР чеховских персонажей обнаруживает разрыв между «внутренним человеком» и внешней речевой нормой: в ВР герой прибегает к уклонению от правды, чтобы избежать конфликта и поддержать хрупкие социальные связи. В рассказе «75 000» Василий Иваныч в ВР планирует скрыть карточный проигрыш во избежание упрёков жены: «*Сейчас зуденье начнётся*, – думал он через полчаса, взбираясь по длинной лестнице к себе на квартиру. – *Достанется мне от супруги за проигрыш! Всю ночь будет проповедь читать! Чёрт бы её взял совсем!* ***Скажу, что потерял деньги***...» (т. 2, с. 269). В рассказе «Володя» семнадцатилетний юноша

намеревается предотвратить разногласия с maman: «*Вернусь*, – думал он, – *а уеду завтра с утренним поездом… **Скажу, что опоздал к поезду***» (т. 6, с. 93). КК-тактика уклонения от правды в ВР Павла Андреевича в рассказе «Жена» нацелена на предотвращение конфликта с женой: «*Пойду к ней*, – решил я. – *А предлог можно выдумать. **Скажу, что мне понадобился Иван Иваныч, вот и всё***» (т. 7, с. 321).

ВР чеховских персонажей представляет собой программу будущего высказывания, которая не всегда реализуется во внешней речи. **КК-тактика уклонения от разговора** (4 контекста из 47) основана на решении персонажа сохранить коммуникативное равновесие. В анализируемом материале данная КК-тактика определяется несколькими причинами, например, соблюдением норм речевого этикета. Савва Жезлов в рассказе «Святая простота», желая спросить о жалованье сына, оценивает свой вопрос как неуместный и не задаёт его: «*Спросить бы о жалованье*, – подумал отец Савва, – *но по-ихнему это вопрос нескромный... Судя по одежде и в рассуждении золотых часов, должно полагать, больше тысячи получает*» (т. 3, с. 421).

Уклонение от разговора является следствием этической ответственности персонажа. Николай Степаныч в повести «Скучная история» искренне сопереживает дочери, мысленно перебирает готовые советы, но оценивает их как пустые: «*Что ответить ей? Легко сказать “трудись”, или “раздай своё имущество бедным”, или “познай самого себя”, и потому, что это легко сказать, я не знаю, что ответить*» (т. 7, с. 155).

К уклонению от разговора приводит осознание невозможности полной откровенности. Надежда Фёдоровна в повести «Дуэль», осмысляя в ВР отсутствие возможности *рассказать всего*, отказывается от разговора: «*О чём же говорить?* – подумала Надежда Фёдоровна. – *Если нельзя рассказать всего, то и говорить незачем*» (т. 7, с. 268).

Уклонение от разговора обусловливается сомнением персонажа в его целесообразности. Королёв в рассказе «Случай из практики» в ВР колеблется между желанием сказать и сомнением в уместности и допустимости разговора:

«*Как сказать?* – раздумывал Королёв. – *Да и нужно ли говорить?*» (т. 9, с. 280). Королёв ищет подходящую форму для потенциального высказывания (*как сказать?*), но сомневается не в форме, а в его целесообразности (*да и нужно ли?*).

В рамках речепорождения кооперативная стратегия в ВР чеховских персонажей реализуется, в частности, КК-тактикой уклонения от разговора, демонстрируя этикетную самоцензуру, отказ от бессмысленных и неуместных реплик, невозможность полной откровенности.

Выбор КК-тактик кооперативной стратегии, направленных на поддержание, восстановление и сохранение коммуникативного сотрудничества в ВР персонажа, часто продиктован такими чертами его личности, как робость, деликатность, нерешительность, сомнение, которые В. И. Карасик относит к характеристикам интеллигентного человека [Карасик 2005: 33]. На этапе речепорождения это проявляется в том, что персонаж мысленно осуществляет поиск темы для удержания внимания собеседника, планирует ход обсуждения с учётом его позиции и продумывает способы вызвать сочувствие и понимание. Восстановление кооперации реализуется КК-тактиками извинения, просьбы о прощении, оправдания и самопринуждения, которые демонстрируют борьбу персонажа со страхом и стыдом. Уход от конфликта представлен КК-тактиками уклонения от правды и уклонения от разговора. Таким образом, ВР в прозе Чехова, с одной стороны, моделирует подготовку к кооперативному взаимодействию, а с другой стороны – отражает внутреннюю драму персонажей, показывая, как стремление к миру и согласию оборачивается отчуждением и неспособностью к диалогу.

3.1.2 Реализация конфронтационной стратегии во внутренней речи

Конфронтационная стратегия во внутренней речи (далее – ВР) персонажей Чехова является менее частотной по сравнению с кооперативной и представлена в 27 из 74 контекстов ВР, отражающих речепорождение. Данная стратегия отражает подавленную агрессию чеховских персонажей и их коммуникативное бессилие. Во внешней речи герои Чехова зачастую сдержанны, однако их ВР отражает

бурную рефлексию, не находящую внешнего выхода. Конфронтация обусловлена сильными эмоциями (гнев, обида, презрение), строится на восприятии адресата как противника, которого следует подавить, наказать, дискредитировать или отстранить от общения. Выделим когнитивно-коммуникативные тактики (далее – КК-тактики), реализующие стратегию конфронтации. Для количественного анализа важно учесть, что в одном контексте ВР могут сочетаться несколько КК-тактик, поэтому количество КК-тактик превышает число анализируемых контекстов.

Конфронтационная стратегия в ВР проявляется при моделировании речевой агрессии персонажа. Под речевой агрессией, вслед за К. Ф. Седовым, понимается «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия» [Седов 2007б: 250–277]. В соответствии с данным определением агрессия рассматривается как программирование воздействия на адресата в ВР. Инструментом описания конфронтационной стратегии в ВР является репертуар агрессивных тактик, выделенных К. Ф. Седовым и И. Н. Гореловым: угроза, инвектива (оскорбление), возмущение, обвинение, упрёк, колкость, насмешка, демонстрация обиды, угрожающее молчание, проклятие, злопожелание, отсыл, грубое прекращение коммуникативного контакта и констатация некомпетентности [Седов 2007б]. При этом возмущение в нашем анализе рассматривается не как самостоятельная КК-тактика, а как аффективный стимул, негативная эмоция триады враждебности (гнев, отвращение и презрение).

Угроза представляет собой ‘запугивание, обещание причинить кому-н. вред, зло’ [Ожегов 1999: 825]. Цель **КК-тактики угрозы** (14 контекстов из 27) в ВР – восстановление контроля над ситуацией (психологическая компенсация) и моделирование воздействия (наказания или устрашения). В ВР Николая Андреича в рассказе «Из записок вспыльчивого человека», протестующего против принуждения к женитьбе, нарастающая угроза усилена повтором: «*Эти люди положительно не знают моего характера! Ведь я вспыльчив и не могу за себя*

ручаться! Чёрт возьми, вы ***увидите, что будет дальше****! Везти под венец вспыльчивого, взбешённого человека – это, по-моему, так же неумно, как просовывать руку в клетку к разъярённому тигру.* ***Увидим, увидим, что будет****!*» (т. 6, с. 136). В рассказе «Mari d'elle» угроза реализуется в ВР Натальи Андреевны Брониной, разгневанной невозможностью уснуть из-за мужа: «***Постой же****... Я* ***покажу тебе****, как комедии играть! Ты у меня уйдёшь! Я* ***заставлю*** *тебя уйти!*» (т. 3, с. 428).

КК-тактика оскорбления (3 контекста из 27) снижает статус собеседника и выражает по отношению к нему негативные эмоции; оскорбить – 'тяжело обидеть, унизить' [Ожегов 1999: 462]. КК-тактика оскорбления сопровождается планированием физического воздействия. В ВР актёра Поджарова в рассказе «Первый любовник» оскорбление интеллектуальных способностей адресата сопровождается грубым физическим воздействием: «*Поговорить бы с этим бурбоном*, – думал он, – ***вбить бы ему в глупую башку****, что он* ***болван, дурак****... что я его вовсе не боюсь…*» (т. 5, с. 117). В рассказе «Соседи» душевная «буря» Петра Михайлыча в ВР структурируется как план действий, сочетающий словесное оскорбление с угрозой физического насилия: «*Всё равно. Я при ней* ***ударю его хлыстом*** *и* ***наговорю ему дерзостей»****, – решил Пётр Михайлыч* (т. 8, с. 20). Однако суровые сценарии ВР остаются фантазией, выплеском бессильной ярости. Следовательно, оскорбление в ВР – это эмоциональная вспышка, программа физического воздействия, отражающая интенсивность внутреннего переживания и неспособность героя к его внешнему выражению.

Обвинение создаёт интенсивный эмоциональный фон, побуждая адресата нести «ответственность за неправомерно совершённый поступок» [Пономаренко 2022: 23]. **КК-тактика обвинения** (7 контекстов из 27) реализуется «приписыванием ответственности» [Лаврентьева 2006: 6] за раскрытые «неблаговидные действия, намерения, качества» [Седых, Шевченко 2015: 28]. Смысловой актуализатор КК-тактики – сема 'вина' в разных лексических воплощениях. Пётр Михайлыч в рассказе «Соседи» в ВР готовит аргументы для обвинения в «разврате» Власича и сестры Зины: «*Я им докажу, что они не правы!*

– подбодрял он себя. – *Они будут говорить, что это свободная любовь, свобода личности; но ведь* ***свобода – в воздержании, а не в подчинении страстям. У них разврат, а не свобода****!*» (т. 8, с. 21). Программа мести в ВР Ивана Карловича Швея в рассказе «Добрый немец», заподозрившего жену в неверности, включает публичное обвинение с привлечением авторитетных лиц (*полиции и родни*) и планирование физической расправы: «*О нет, этого мало!* – решил он после некоторого размышления. – *Сначала я* ***буду срамить их****, пойду* ***позову полицию и родню****, а потом* ***буду убивать*** *их…*» (т. 5, с. 361). В ВР «сердитого» доктора Овчинникова в рассказе «Неприятность» желание наказать нарушительниц дисциплины и восстановить субординацию оформляется метафорой стремительного физического нападения: «При виде сиделок и жизнерадостной акушерки, которая от нетерпения переминалась с ноги на ногу и даже вспыхнула от удовольствия, когда увидела главного героя предстоящего процесса, сердитому доктору **захотелось налететь на них ястребом и ошеломить**: “*Кто вам позволил уходить из больницы? Извольте сию минуту убираться домой!*”, но он **сдержал себя** и, стараясь казаться покойным, пробрался сквозь толпу мужиков в камеру» (т. 7, с. 16). Глаголы *налететь* и *ошеломить* отражают насильственное речевое воздействие, однако герой *сдержал себя*, т. е. ВР фиксирует одновременно и аффективный импульс, и когнитивный контроль, блокирующий агрессию. Саморегуляция сдерживает агрессию в ВР чеховских героев, создавая образ рефлексирующего, сомневающегося интеллигента.

Особый тип обвинения – намерение *высказать всё,* связанное с накопленной обидой. В ВР Ивана Карловича Швея в рассказе «Добрый немец» планируется обличение жены: «*Пойду* ***выскажу ей всё***, – думал он, идя домой, – *а потом лишу себя жизни… Пусть будет счастлива со своим рыжим, а я мешать не буду…*» (т. 5, с. 363). Путохин в рассказе «Беда», предвидя ссору с женой, в ВР пытается преодолеть страх и обрушить на жену накопившиеся обиды и претензии: «*Э, плевать!* – решил он, дёрнув у своей двери за звонок. – *Что будет, то будет! Коли невыносимо станет, уйду.* ***Выскажу ей всё*** *и уйду куда глаза глядят*» (т. 5, с. 338).

КК-тактика упрёка (3 контекста из 27), в отличие от обвинения, фокусируется на «неодобрении со стороны говорящего по поводу неподобающих действий адресата» [Пономаренко 2022: 23] и представляет собой «ответную реакцию принятия / непринятия» [Пономаренко 2022: 23], актуализируясь в ВР разочарованием или обидой, а не доказательством вины. Таков внутренний вопрос Николая Степаныча в повести «Скучная история», адресованный Кате: «Мне хочется спросить: "*Значит, на похоронах у меня не будешь?"*» (т. 7, с. 166). Вопрос функционирует как неодобрение безразличия Кати, разочарование в её поведении, несоответствующем его ожиданиям и традиционным правилам.

В рассказе «С женой поссорился» муж, оскорблённый женой, упрекает её в ВР в том, что она не понимает всей глубины его обиды: «*Да, это в порядке вещей... **Оскорбила, надругалась, а теперь около двери ходит, мириться хочет**...*» (т. 2, с. 317).

КК-тактика запрета (2 контекста из 27) выражает протест против нежелательного поведения собеседника. Персонаж, не имея смелости выразить свой протест, прекращает контакт в ВР. Пётр Михайлыч в рассказе «Соседи», предвидя нежелательные последствия действий Власича, формулирует в ВР запрет: *Пётр Михайлыч хотел сказать: «**Не впутывайся ты, пожалуйста, не в свои дела**!» – но **промолчал*** (т. 8, с. 32).

КК-тактика отказа от общения (4 контекста из 27) реализуется игнорированием, демонстративным прекращением коммуникации с нежелательным собеседником. В ВР мужа в рассказе «С женой поссорился» представлен категорический отказ от примирения: «***Скорей повешусь, чем помирюсь**!*» (т. 2, с. 317). В ВР врача Овчинникова в рассказе «Неприятность» КК-тактика отказа от общения демонстрируется грубым отсылом [Седов 2007б] и констатацией некомпетентности: «*Возьму и скажу на суде: **убирайтесь вы все к чёрту***! – злился он. – *Вы все ослы и ничего вы не понимаете*!» (т. 7, с. 16).

Анализ конфронтационной стратегии в ВР персонажей Чехова представляет адресата как противника, а будущая внешняя речь программируется на подавление, дискредитацию или прекращение общения с ним. Конфронтация

реализуется КК-тактиками угрозы, оскорбления, обвинения, упрёка, запрета и отказа от общения, выполняющими компенсаторную функцию: они обеспечивают выплеск негативных эмоций (гнев, обида, презрение, раздражение) в ВР и снижают эмоциональное напряжение. КК-тактики конфронтации в ВР демонстрируют одновременно агрессивные коммуникативные намерения и их подавление, когнитивный контроль. Двойственность внутренней агрессии и внешней сдержанности является чертой чеховского идиостиля и проявлением его психологизма в изображении речепорождения.

3.1.3 Динамика когнитивно-коммуникативных тактик во внутренней речи (на примере рассказа «С женой поссорился»)

Анализ динамики когнитивно-коммуникативных тактик (далее – КК-тактик) позволяет наблюдать во внутренней речи (далее – ВР) формирование внутренней программы высказывания: переход от мотива к коммуникативному намерению, выбору стратегии и её реализации в высказывании.

Динамика КК-тактик анализируется на материале семейной сценки «С женой поссорился». Выбор рассказа обусловлен двумя причинами: во-первых, объективной повествовательной манерой («окружающая действительность целиком подчинена восприятию героя» [Чудаков 1971: 39]); во-вторых, значительным объёмом ВР (около 40% текста), представленной прямыми, диалогизированными формами. ВР в рассказе рассматривается как когнитивная модель речепорождения, содержащая мотивационно-целевой этап (мотив и коммуникативное намерение), внутреннее программирование (смена КК-тактик в ВР) и исполнительно-контрольную реализацию (внешняя речь).

Мотивом речепорождения в рассказе «С женой поссорился» (т. 2, с. 317–318) является эмоция злости, вызванная «невкусным обедом» и стимулирующая конфронтационную стратегию: «*Чёрт вас возьми! Придёшь со службы домой голодный, как собака, а они чёрт знает чем кормят! Да и заметить ещё нельзя! Заметишь, так сейчас рёв, слёзы! Будь я трижды анафема за то, что женился!*»

Внутренняя программа будущего высказывания демонстрирует эволюцию коммуникативного намерения, которая проявляется в смене КК-тактик. Мотив обусловлен негативными эмоциями (злость и раздражение) и порождает конфронтационную стратегию, реализуемую рядом агрессивных и оборонительных КК-тактик. Динамика КК-тактик обусловлена внешними (аудиальными и тактильными) стимулами, которые персонаж интерпретирует в ВР.

Аудиальный стимул (*лёгкие шаги*) герой интерпретирует как шаги жены, пришедшей мириться. Однако глубокая обида героя, слышащего приближение «врага», усиливает защиту и активизирует конфронтационные **КК-тактики обвинения**: «*Оскорбила, надругалась, а теперь около двери ходит, мириться хочет...*»; и категорического **отказа от разговора**: «*Ну, чёрта с два! Скорей повешусь, чем помирюсь!*»

«*Тихие, робкие шаги*» воспринимаются мужем как подтверждение примирения жены, но в ВР усиливают демонстративное игнорирование, выраженное конфронтационными **КК-тактиками насмешки**: «*Ладно! Проси прощения, умоляй, рыдай... Кукиш с маслом получишь! чёрта пухлого!*»; и **отказа от разговора**: «*Ни одного слова не добьёшься, хоть умри... Сплю вот и говорить не желаю!*» Коммуникативная направленность ВР определяется адресованностью потенциальному собеседнику и объективируется формами повелительного наклонения (требование): «***Проси*** *прощения,* ***умоляй, рыдай...***»; формами глаголов 2 лица: «*Кукиш с маслом* ***получишь****!*», «*Ни одного слова* ***не добьёшься***», маркирующими дистанцирование адресата.

Герой пытается удержать конфронтацию, что выражается в его движениях («*упрямо придвинулся к спинке дивана и дёрнул ногой*»), однако его эмоциональный фон меняется под влиянием тактильных стимулов: герой почувствовал «*за своей спиной тёплое тело*». Изменение эмоционального фона трансформирует конфронтацию в кооперацию в ВР героя. Ироничное *мы* и формы глаголов совместного действия в 1-м лице мн. ч. снижают раздражение героя и отражают **КК-тактику насмешки:** «*Теперь вот* ***мы лезем,***

прижимаемся, ***подлизываемся***... *Скоро* ***начнём*** *в плечико* ***целовать***, *на колени* ***становиться***». **Угроза** представляет собой план наказания, но ограниченный по времени: *«Помучу часик, накажу и ...*» **КК-тактика самовозражения** отражает преодоление злости героя сочувствием и рациональным обоснованием: «*Всё-таки... нужно будет её извинить. Ей в её положении вредно тревожиться».*

Последующие аудиальные и тактильные стимулы (*глубокие вздохи*, *прикосновение маленькой ручки*) герой интерпретирует как признаки страдания жены, что стимулирует кооперативные **КК-тактики прощения**: «*Прощу в последний раз. Будет её мучить, бедняжку!*»; и **самообвинения**: «*Тем более, что я сам виноват! Из-за ерунды бунт поднял...*»

Смена КК-тактик (обвинение, отказ от разговора, насмешка, возражение, угроза, прощение, самообвинение) свидетельствует о том, что ВР в чеховском тексте является внутренней программой преобразования коммуникативного намерения при планировании внешней речи: внутренняя агрессия постепенно снижается, конфронтационная стратегия трансформируется в кооперативную. Динамика КК-тактик характеризуется диалогизацией, адресованностью и предикативностью ВР. Диалогизация ВР представляет собой реакции на действия и реплики потенциального собеседника, что подтверждает одновременность восприятия и осмысления. Адресованность реализуется постоянным обращением к потенциальному собеседнику. Динамичность и предикативность ВР организуют цепочки глаголов вследствие редукции грамматических субъектов, которые «подразумеваются и образуют фон сознания» [Выготский 1982: 239].

Заключительный исполнительно-контрольный этап речепорождения демонстрирует реализацию и контроль внутренней программы во внешней речи. Стратегия конфронтации, трансформировавшись в кооперативную стратегию, во внешней речи реализуется **тактикой утешения**: «*Ну, будет, моя крошка!*» Обняв «*тёплое тело*», герой обнаруживает рядом не жену, а собаку Дианку. Кооперативная тактика утешения, возникшая вследствие неверной интерпретации перцептивных стимулов, признаётся героем ошибочной и вызывает раздражение: «*Тьфу!!.*» На исполнительно-контрольном этапе проверяется соответствие

внутренней программы и реальной действительности, их несоответствие обесценивает выбранную стратегию.

Анализ КК-тактик в рассказе «С женой поссорился» подтверждает, что ВР является центральным, программирующим этапом речепорождения и динамичным когнитивно-коммуникативным процессом, в котором мотив преобразуется в коммуникативное намерение и коммуникативную стратегию. Последовательная смена КК-тактик в ВР (от обвинения, отказа от разговора и насмешки к угрозе, самовозражению, прощению и самообвинению) отражает трансформацию внутренней агрессии в кооперацию. Динамика КК-тактик определяется влиянием аудиальных и тактильных сигналов на эмоциональный фон героя. Исполнительно-контрольный этап речепорождения иллюстрирует ошибочный выбор стратегии. Таким образом, Чехов мастерски изображает ВР как когнитивно-коммуникативный феномен, в котором одновременно интерпретируется сенсорная информация, регулируется эмоциональный фон, а также формируется и контролируется коммуникативная стратегия персонажа.

3.1.4 Динамика коммуникативных стратегий во внутренней речи (на примере рассказов «Трифон», «Мститель» и «Супруга»)

Изучение динамики когнитивно-коммуникативных тактик (далее – КК-тактик) во внутренней речи (далее – ВР) персонажей Чехова позволяет проследить изменение коммуникативных стратегий. Для анализа были выбраны рассказы Чехова «Трифон» (1884), «Мститель» (1887) и «Супруга» (1895). Выбор обусловлен сюжетной схожестью завязок: обнаружение неверности жены определяет мотив и модальность речепорождения. Кроме того, рассказы относятся к разным периодам творчества писателя: «Трифон» и «Мститель» – к раннему творчеству, «Супруга» – к позднему. Это позволяет проследить эволюцию чеховского психологизма, трансформацию стратегий в диахронии и способы внутриречевой организации конфликта.

В ранних рассказах стратегия конфронтации в ВР персонажей формируется КК-тактиками, направленными на адресата агрессии (супругу или соперника).

В **рассказе «Трифон»** (т. 2, с. 301–305) в ВР Григория Семеныча Щеглова формируются конфронтационные стратегии, направленные на сожительницу Настю и на соперника Тришку. По отношению к Насте в ВР Щеглова агрессия объясняется «неблагодарностью» героини и выражается КК-тактиками давления. **КК-тактика упрёка** с оттенком **обвинения** представляет собой перечисление благодеяний и указание на несоответствующее поведение Насти: «*Которую я из грязи вытащил, к себе приблизил и, можно сказать, облагодетельствовал*»; «*В шелку водил, с собой за один стол, как барыню, а она... с Тришкой*!» **КК-тактика демонстрации безразличия** реализуется попыткой восстановить контроль над ситуацией отрицанием значимости сожительницы: «*А мне наплевать!* – думал он, ложась в постель. – *Она воображает, может быть, что я без неё жить не могу! Ну, нет...*» **КК-тактика угрозы,** репрезентированная глаголами в будущем времени с семантикой принуждения и устрашения, отражает сценарий изгнания и морального давления: «*Завтра же её выгоню*»; «*Я её нравственно... нравственно страдать заставлю!*» **КК-тактика злопожелания** представлена сценарием социального падения и унижения: «*Пусть себе там со своими мужиками мякину жуёт*». **КК-тактика демонстрации превосходства** оформляется в воображаемой сцене наказания соперника: «*Её около поставить и смотреть, как у ней на лице*: – *Ну, что, матушка? Ааа... то-то*!» КК-тактика демонстрации превосходства сменяется **КК-тактикой отказа от коммуникации,** наказания героини молчанием: «*Я ей ничего не скажу*, – думал он. – *Пусть сама поймёт...*»; «*Не буду с ней разговаривать, сердиться на неё буду, а она и поймёт…*» Реализуя агрессию в ВР по отношению к неверной сожительнице, Щеглов мыслит себя одновременно жертвой (обиженным) и мучителем, планирующим её нравственные страдания.

По отношению к сопернику Трифону конфронтационная программа Щеглова обостряется, доминируют **КК-тактики оскорбления**: «*С Тришкой, с хамом!*»; «*А Тришку-подлеца...*»; **угрозы** увольнения и изгнания: «*Утром же расчёт…*»; «*Завтра же его прогоню...*»; «*… чтоб и духу не было!*»; **злопожелания** физического наказания: «*Его бы наказать, чтоб всю жизнь*

помнил...»; «*Мало прогнать... Выпороть бы*». КК-тактики, реализующие агрессию Щеглова-хозяина по отношению к объездчику Трифону, демонстрируют не только речевую дискредитацию противника, но и планирование его физического наказания.

В рассказе «Трифон» конфронтационная стратегия не реализуется во внешней речи. Моделируя в ВР возможный исход конфликта, Щеглов сталкивается с опасностью потерять Настю: «*Ну, а что, ежели она послушает подлеца Тришку и в самом деле уйдёт*?» Эта мысль вызывает страх: «*Была минута, когда последняя мысль до того испугала его, что он побледнел*». Желание отомстить сменяется намерением сохранить отношения, следовательно, на смену конфронтационной стратегии приходит кооперативная, реализующаяся во внешней речи посредством ласкательных обращений и мягких побуждений: «*Настенька, что ж ты, душенька, кренделечка не кушаешь? Для тебя ведь куплено*!»

Таким образом, в рассказе «Трифон» моделируется речепорождение с агрессивной внутренней программой, которая перестраивается в кооперативное высказывание под влиянием оценки последствий, демонстрируя регулятивный потенциал ВР как этапа между мотивом и речевой реализацией.

В **рассказе «Мститель»** (т. 6, с. 186–190) ВР Сигаева характеризуется динамикой КК-тактик агрессии. «Гнев, скорбь и бесповоротная решимость» заставляют героя выбирать револьвер в оружейном магазине, чтобы убить жену и её любовника. Агрессия в ВР проявляется следующими конфронтационными КК-тактиками. **КК-тактика обвинения** отражает восприятие личной обиды как общественной катастрофы, выражается высокой книжной лексикой и обращением к фундаментальным ценностям: «*Семейные основы поруганы, честь затоптана в грязь, порок торжествует*». **КК-тактикой самоубеждения** герой обосновывает для себя моральное право на насилие, утверждая законную силу мести: *«а потому я, как гражданин и честный человек, должен явиться мстителем*». Сигаев обдумывает возможное действие во внутреннем диалоге, допускает мысль о дуэли как благородном способе защиты чести и немедленно отвергает её, реализуя **КК-**

тактику опровержения: «*А не вызвать ли мне его на дуэль?* – мелькнуло в голове Сигаева. – *Впрочем, много чести...*» **КК-тактика оскорбления** обесценивает противника сравнением с животным: «*Таких скотов убивают, как собак…*». Герой переходит к **планированию наказания** и выбирает моральное воздействие, медленное мучение неверной жены: «*Вот что, я убью его и себя,* – придумал он, – *а её оставлю жить. Пусть она чахнет от угрызений совести и презрения окружающих. Это для такой нервной натуры, как она, гораздо мучительнее смерти...*» **КК-тактикой планирования** наказания герой намечает возможные варианты расправы над собой и соперником: «*Не сделать ли мне так*, – раздумывал он. – *Убью его, потом побуду на похоронах, погляжу, а после похорон себя убью...*» **КК-тактика опровержения** отражает осознание мстителем внешних препятствий, угрожающих осуществлению плана: «*Впрочем, меня до похорон арестуют и отнимут оружие...*» Изменение зловещего сценария выражается **КК-тактикой корректировки плана**: «*Итак: убью его, она останется в живых, я... я до поры до времени не убиваю себя, а пойду под арест*».

Первоначально гнев и ярость «негодующей души» героя были настолько сильны, что *«воображение его рисовало, как он размозжает черепа, как кровь рекою течёт по ковру и паркету, как дрыгает ногой умирающая изменница...*» Однако прагматический фактор – дороговизна револьвера – заставляет мстителя снизить уровень эмоционального напряжения. Агрессивные КК-тактики сменяются рациональными размышлениями, включающими **КК-тактику отказа** от самоубийства: «*Убить себя я всегда успею*». Сигаев одобряет арест как возможность публичного разоблачения жены **КК-тактикой апелляции к социальному осуждению**: «*Арест тем хорош, что на предварительном дознании я буду иметь возможность раскрыть перед властью и обществом всю низость её поведения*»; «*Меня будут судить, а она будет фигурировать в качестве свидетельницы... Воображаю её смущение, её позор, когда её будет допрашивать мой защитник! Симпатии суда, публики и прессы будут, конечно, на моей стороне...*» Моделирование альтернативного развития событий реализуется **КК-тактикой обвинения**: «*она, пожалуй, со свойственной ей лживостью и*

наглостью, во всём обвинит меня». **КК-тактика возражения** обосновывает отказ героя от самоубийства прогнозированием неблагоприятных последствий: «*Если я убью себя, то <…> общество оправдает её поступок и, пожалуй, посмеётся надо мной; если же я останусь жив, то...*»; «*Если я пойду на каторгу, то это даст только возможность жене выйти замуж вторично и надуть второго мужа. Она будет торжествовать...*»; «*Да, если я убью себя, то, пожалуй, меня же обвинят и заподозрят в мелком чувстве... И к тому же, за что себя убивать? Это раз. Во-вторых, застрелиться – значит струсить*». Финальный план героя проявляется **КК-тактикой апелляции к разуму**: «*Идти на Сахалин из-за какой-нибудь свиньи тоже не разумно*». Внутренние метания персонажа завершаются **принятием решения,** которое представлено соответствующей КК-тактикой: «*Итак: убью его, её оставлю жить, сам иду под суд*»; «*Итак: её я оставлю в живых, себя не убиваю, его... тоже не убиваю*». ВР отражает переход от аффективного планирования мести к взвешенному поиску «чего-нибудь более разумного и чувствительного». Сигаев отказывается от импульсивных планов убийств и самоубийства в пользу «цивилизованной» публичной мести и позора жены в суде. Окончательное решение Сигаева демонстрирует трансформацию конфронтационной стратегии от физического уничтожения к социально приемлемому воздействию: «*Буду казнить их презрением и подниму скандальный бракоразводный процесс...*» В результате «оскорблённый муж» купил не дорогой револьвер, а сетку для ловли перепелов. Таким образом, в рассказе «Мститель» речепорождение осуществляется трансформацией аффективной конфронтации в рациональную под влиянием прагматической оценки.

В позднем **рассказе «Супруга»** (т. 8, с. 387–393) мотив речепорождения Николая Евграфыча – уличение в неверности жены – запускает интенсивный аффект и формирует в ВР конфронтационную стратегию. Однако направление конфронтации отлично от моделей речепорождения в ранних рассказах: агрессия персонажа обращается в аутоагрессию. Под аутоагрессией (самоагрессией) понимается психическая агрессия, направленная персонажем на самого себя и проявляющаяся в самообвинении, самокритике, самоуничижении и т. д.

Первоначально стратегия конфронтации реализуется **КК-тактикой обиды**, объективированной телесно-эмоциональной реакцией и незаслуженно-оскорбительным положением в воображаемом сценарии: *«Он представил себе, какую бы смешную, жалкую роль он играл, если бы согласился поехать с женой в Ниццу, едва не заплакал от чувства обиды и в сильном волнении стал ходить по всем комнатам»*. Семантика обиды расширяется до несправедливости и переживается героем как разрушение всех сфер жизни: *«Лучшие годы жизни протекли, как в аду, надежды на счастье разбиты и осмеяны, здоровья нет, в комнатах его пошлая кокоточная обстановка»*. Сравнение *лучших лет жизни* и *ада*, предикаты *разбиты, осмеяны* усиливают восприятие героем насилия над жизнью; конструкции с редуцированным субъектом отражают отсутствие активного личного начала, переживание беспомощности; негативно-оценочная характеристика интерьера как *пошлого* и *кокоточного* подчёркивает вторжение чуждой эстетики в личное пространство персонажа.

Психологическая глубина позднего Чехова проявляется в том, что меняется направление конфронтации, адресатом агрессии становится сам персонаж. Это проявляется в **КК-тактике самообвинения**: *«*Сжимая кулаки и морщась от отвращения, он спрашивал себя, *как это он, сын деревенского попа, бурсак по воспитанию, прямой, грубый человек, по профессии хирург – как это он мог отдаться в рабство, так позорно подчинить себя этому слабому, ничтожному, продажному, низкому созданию?»* Самообвинение реализуется антитезой позитивных самохарактеристик (*сын деревенского попа, бурсак, прямой, грубый человек, хирург*) и добровольного подчинения «позорной» роли (*отдаться в рабство*, *позорно подчинить себя*). Эмоциональное обращение к себе в форме риторического вопроса *как это он мог* выполняет функцию саморазоблачения, переводя конфликт из межличностного во внутриличностный.

КК-тактика самообвинения усиливается антитезой, представляющей вину Николая Евграфыча в числовом эквиваленте: *«а из десяти тысяч, которые он зарабатывает ежегодно, он никак не соберётся послать своей матери-попадье хотя бы десять рублей и уже должен по векселям тысяч пятнадцать»*. Герой

обвиняет себя в неспособности оказать доброе влияние на жену, обесценивает свои качества: *«К пяти часам он ослабел и уже обвинял во всём одного себя, <…> он же плохой психолог и не знает женской души, к тому же неинтересен, груб...»* Предикат *ослабел* указывает на истощение конфронтации и переход к **КК-тактике самоиронии**, выполняющей защитную функцию и позволяющей герою дистанцироваться: «*как это он мог отдаться в рабство, так позорно подчинить себя этому слабому, ничтожному, продажному, низкому созданию?»* Самоирония выражается семантическим противоречием: герой покорился (*отдался, подчинил себя*) не силе, а ничтожеству (*слабому, ничтожному, продажному, низкому созданию*).

КК-тактику самоиронии актуализирует контактный хиазм с семантическим контрастом*: «От того времени, когда он влюбился и сделал предложение и потом жил семь лет, осталось воспоминание только о длинных душистых волосах, массе мягких кружев и о маленькой ножке, в самом деле очень маленькой и красивой; и теперь ещё, казалось, от прежних объятий сохранилось на руках и лице ощущение шёлка и кружев – и* ***больше ничего****.* ***Ничего больше****, если не считать истерик, визга, попрёков, угроз и лжи, наглой, изменнической лжи...»* Выражение *больше ничего* означает ‘отсутствие всего’. Однако следующая за ним фраза *ничего больше,* в сочетании с оборотом *если не считать,* вводит «незначительное исключение», которое в контексте ВР является нормой жизни героя. Это создаёт горькую иронию.

Образное сопоставление птицы, разгромившей дом, и жены, разрушившей жизнь героя, также актуализирует **самоиронию**: *«Он помнил, как у отца в деревне, бывало, со двора в дом нечаянно влетала птица и начинала неистово биться о стёкла и опрокидывать вещи, так и эта женщина, из совершенно чуждой ему среды, влетела в его жизнь и произвела в ней настоящий разгром»*. Ирония реализуется наложением контекстуально-отрицательного и нейтрального значения слова *влететь*. Семантика случайности и мгновенности глагола *влететь* парадоксально сочетается с масштабом последствий, усиливая незащищённость героя. Вторжение шайки разбойников оценивается героем как

менее разрушительное, чем присутствие супруги: *«Казалось, если бы в его квартире жила шайка разбойников, то и тогда бы жизнь его не была так безнадёжно, непоправимо разрушена, как при этой женщине*».

Герой несправедливо обижен и оскорблён, чувствует себя объектом насмешки, за что винит себя – динамика КК-тактик ВР от обиды к самообвинению и самоиронии отражает общую стратегию **самодискредитации** героя. Таким образом, КК-тактики отражают динамику речепорождения, определяют коммуникативный портрет персонажа. Самодискредитация приводит к изменению коммуникативного намерения персонажа. Признание вины возвращает Николаю Евграфычу контроль над ситуацией и проявляется в формировании стратегии кооперации: *«Я объяснюсь с ней; пусть она уходит к любимому человеку... Дам ей развод, приму вину на себя...»*

На этапе исполнительно-контрольной реализации внутренней программы стратегия кооперации во внешней речи проявляется тактикой **утешения**. По возвращении плачущей жены, огорчённой потерей пятнадцати рублей, Николай Евграфыч сохраняет спокойствие: *«Что ж делать!* – вздохнул доктор. – *Потерял, так и потерял, ну и бог с ним. Успокойся, мне нужно поговорить с тобой»*. Индикатор тактики утешения – императив *успокойся*, лексические повторы примирения *потерял, так и потерял*, разговорное выражение прощения *ну и бог с ним*.

Кульминацией самоконтроля героя становится вопрос жены о паспорте для отъезда в Монте-Карло. Николай Евграфыч сдерживает внутренний отказ *«никогда»*, выбирая тактику **согласия**: *«Когда хочешь»*. Возмущение и гнев, вызванные неверностью жены, во внешней речи героя представлены спокойствием и согласием, что демонстрирует трансформацию стратегии конфронтации в кооперацию.

Сравнительный анализ КК-тактик в ранних и поздних рассказах демонстрирует изменение адресата конфронтации. В ранних рассказах «Трифон» и «Мститель» КК-тактики угрозы, оскорбления, злопожелания, обвинения и др. направлены на внешнего адресата. В позднем рассказе «Супруга» – на

внутреннего адресата, т. е. самого себя, формируя самообвинение и самоиронию. В ранних рассказах КК-тактики создают негативную концепцию личности адресата и определяют стратегии для реализации речевой дискредитации, понижения статуса коммуникативного партнёра. В поздних рассказах КК-тактики конфронтации трансформируются в самодискредитацию, усложняя коммуникативный портрет персонажа. Изменение стратегии в процессе речепорождения характеризует персонажный дискурс как сдержанный и позволяет представить героя-интеллигента, для которого размышление становится способом подавления агрессии. Как отмечает Л. Е. Бушканец, проведя анализ воспоминаний современников о писателе, «скорее всего, сдержанность есть психофизиологическая особенность Чехова», проявляющаяся в его «внешней суховатости, иронической броне, отсутствии бурных внешне выраженных эмоций, повышенной аналитичности, неприятии пафоса и театральных эффектов, равно распределённом дружелюбии» [Бушканец 2020: 32]. Следовательно, в рассказе «Супруга» динамика КК-тактик в ВР, моделируя речепорождение персонажа, отражает характерный для поздней чеховской поэтики конфликт, в котором разрушительное переживание преобразуется в ВР в стратегию самодискредитации и принудительной кооперации.

3.1.5 Психофизиология когнитивно-коммуникативных тактик во внутренней речи

Анализ динамики когнитивно-коммуникативных тактик (далее – КК-тактик) во внутренней речи (далее – ВР) чеховских персонажей выявляет тенденцию: в процессе размышления интенсивность агрессии героев снижается, конфронтация переходит в кооперацию. Эта тенденция, на наш взгляд, взаимосвязана с психофизиологией аффекта как кратковременного взрывного состояния, отражающего бессознательную оценку психотравмирующей ситуации. Эту ситуацию Чехов-врач воспроизводит с клинической достоверностью. Исследование психофизиологии аффекта в процессе речепорождения представлено в нашей работе [Авдеева 2025].

По мнению психофизиологов, состояние аффекта длится несколько секунд и провоцирует интенсивную мобилизацию ресурсов организма. Выделяются три фазы аффекта: подготовительная (нарастание напряжения), фаза аффективного «взрыва» и заключительная (постаффективное истощение) [Калашник 1984: 220–227]. В анализируемых рассказах «Трифон», «Мститель» и «Супруга» уличение в неверности является внезапным психотравмирующим воздействием, запускающим взрывную аффективную реакцию.

Подготовительная фаза характеризуется нарастающим эмоциональным напряжением, фиксацией сознания на травматическом опыте и нарушением способности к адекватной оценке ситуации. Интенсивная эмоция, провоцируемая активным выбросом адреналина, поглощает сознание и снижает контроль над действиями. Чехов фиксирует этот этап посредством соматических проявлений ярости, гнева, страха и отчаяния. У Щеглова в рассказе «Трифон» (т. 2, с. 302–303) вегетативная реакция описывается как физическое ощущение холода (*по спине Щеглова от затылка до пяток пробежал мороз*) и как реакция испуга (*ужаснулся*). У Николая Евграфыча в рассказе «Супруга» (т. 8, с. 388–389) эмоциональное напряжение проявляется двигательным беспокойством, что свидетельствует о телесном проявлении эмоций (*едва не заплакал от чувства обиды и в сильном волнении стал ходить по всем комнатам*). На первой фазе аффекта ВР фрагментарна, насыщена эмоциональными междометиями и обрывочными конструкциями, отражая дезорганизацию мышления.

Вторая фаза – *фаза аффективного «взрыва»* – характеризуется потерей волевого контроля, резкой сменой эмоций и двигательным автоматизмом. У Щеглова *от гнева и с горя подогнулись колени*, у Николая Евграфыча гнев и ярость выражаются сжиманием кулаков и мимикой (*морщась от отвращения*). Чехов показывает психофизиологическую основу аффекта: интенсивная эмоция сопровождается нарушением телесного и поведенческого контроля. На этапе взрыва в ВР формируются наиболее агрессивные КК-тактики оскорбления, угрозы физической расправы, злопожелания.

Заключительная фаза проявляется стремительным постаффективным истощением физических и душевных сил, состоянием прострации, вялостью и безразличием к происходящему, физической слабостью и обострением хронических заболеваний. У Щеглова упадок сил выражен болезненностью и вялостью (*ошеломлённый, поплёлся к себе в дом, его от мыслей бросило в лихорадку*). У Николая Евграфыча истощение показано достоверно с медицинской точки зрения. На фоне туберкулёза у героя обостряется хроническое заболевание (*он стал кашлять и задыхаться*); появляется временная дезориентация (*уже давно рассвело на дворе*, *а доктор всё сидел у стола*); о безучастности и неосознанности героя свидетельствуют непроизвольность и безотчётность действий (*водил карандашом по бумаге и писал машинально*). Снижение эмоционального напряжения возвращает герою способность к саморегуляции и анализу, ослабляет конфликтность и перенаправляет агрессию (*к пяти часам он ослабел и уже обвинял во всём одного себя*).

Сопоставление психофизиологических фаз аффекта с динамикой КК-тактик уточняет особенности речепорождения чеховских героев. Изменение коммуникативного намерения, снижение интенсивности агрессивных КК-тактик в ВР объясняются психофизиологическим спадом аффекта и возвращением способности к планированию и прогнозированию. ВР демонстрирует агрессивную конфронтацию в фазе взрыва и переход к кооперативной стратегии в заключительной фазе постаффективного истощения. Высокая интенсивность эмоциональной реакции обманутых супругов сочетается с кратковременностью аффективного состояния. Психиатрические знания Чехова-врача лежат в основе изображения психофизиологии аффекта персонажа. Аффект проявляется в совокупности психических (мышления, внимания, восприятия, памяти), физиологических (функции организма) и эмоциональных процессов. Общий мотив (уличение в неверности) в рассказах «Трифон», «Мститель» и «Супруга» выступает психотравмирующим стимулом и провоцирует агрессию. На этапе внутреннего программирования (ВР) конфронтация трансформируется в кооперацию. В рассказе «Трифон» конфронтация в ВР переходит в кооперацию

под влиянием сомнений Щеглова и страха потери Настеньки. Во внешней речи кооперация реализуется КК-тактиками ласкового контактоустановления и мягкого побуждения. В рассказе «Мститель» эмоциональная конфронтация сменяется рациональной по прагматическим причинам. В рассказе «Супруга» меняется направленность агрессии героя: она трансформируется в самодискредитацию и готовность к кооперации во внешней речи. Динамика КК-тактик в ВР соотносится с фазами аффекта и определяется его психофизиологией: снижение эмоциональной интенсивности и ослабление физиологических проявлений приводят к восстановлению самоконтроля, способности рационально мыслить. Таким образом, динамика КК-тактик, обусловленная психофизиологией, реализуется посредством когнитивно-коммуникативных свойств ВР. В ВР моделируется аффект, оцениваются его последствия, определяются адресат агрессии и стратегия внешней речи. Коммуникативное поведение чеховских героев определяется трансформацией внутриречевой стратегии конфронтации во внешнеречевую кооперацию или рациональную конфронтацию. Внешняя сдержанность персонажей скрывает активную внутриречевую деятельность, проявляющуюся в многообразии КК-тактик.

3.2 Внутренняя речь как этап речевосприятия

Внутренняя речь (далее – ВР) в процессе речевосприятия выступает центральным этапом, опосредующим движение от внешнего сообщения к мотиву говорящего, т. е. к пониманию действительности. Психолингвисты отмечают, что «понимать надо не речь, а действительность» [Жинкин 1982: 92], «человека, который свою речь обращает к нам» [Седов 2007а: 122]. Стремление понять не только предмет высказывания, но и мотив, намерение говорящего отражается в ВР чеховских персонажей. В рассказе «Неприятность» желание понять намерение собеседника в ВР земского врача Овчинникова реализуется вопросительными конструкциями со значением цели: «***Зачем*** *он это говорит?* – подумал доктор. – *Не то мы с ним говорим, что нужно*» (т. 7, с. 19). В повести «Цветы запоздалые» неуместное замечание горничной вызывает в ВР Маруси похожий вопрос: «***Для***

чего *это она мне говорит?* – подумала Маруся. – *Какое нахальство! Он, бедный, и не знает, что у него такая нахальная прислуга!*» (т. 1, с. 290). Следовательно, ВР чеховских персонажей направлена на осмысление намерения говорящего.

Уточним формы реализации ВР в процессе речевосприятия. Следует различать ВР как реплику-реакцию на чужое слово и внутренний диалог (ВД). Внутренняя реакция на чужую внешнюю речь «по ходу её восприятия или сразу после», согласно исследованиям Г. М. Кучинского, представляет собой не внутренний диалог, а внутреннее реплицирование или внутренний монолог [Кучинский 1988: 69].

Теоретической основой изучения ВР персонажа в процессе речевосприятия являются 1) психолингвистические исследования этапов процесса восприятия речи [Ахутина 2022; Выготский 1982; Горелов, Седов 2001; Леонтьев 1997; Лурия 1979 и др.]; 2) работы, описывающие диалогическое взаимодействие ВР с чужим словом [Волошинов (Бахтин) 1993]; 3) концепция «чужой речи» как коммуникативной стратегии [Максимова 2006].

ВР в процессе речевосприятия является внутренней репликой-реакцией на внешнюю речь другого персонажа. В концепции М. М. Бахтина активное восприятие чужого слова диалогично и мыслится как соприкосновение слова со словом, поскольку осуществляется человеком «полным внутренних слов» [Волошинов (Бахтин) 1993: 128]. Смысловое и оценочное восприятие чужой речи выражается «в материале внутренней речи», с одной стороны, как «реально-комментирующий контекст, ситуация, зримая экспрессия», а с другой стороны – как внутреннее реплицирование, т. е. подготовка реплики [Волошинов (Бахтин) 1993: 128]. Оба направления образуют «единство активного восприятия» и в художественном тексте «объективируются в окружающем чужую речь “авторском” контексте» [Волошинов (Бахтин) 1993: 128–129], демонстрируя не только когнитивную позицию понимания или непонимания чужой речи, но и коммуникативное взаимодействие с чужим словом.

Для анализа коммуникативного взаимодействия воспринимаемого сообщения и ВР персонажа в нашем исследовании применяется концепция

Н. В. Максимовой, согласно которой «чужая речь» реализуется базовыми коммуникативными стратегиями (отрицание, применение, толкование, переоформление, развитие) и пограничными (оценивание, комментирование и переопределение) [Максимова 2006].

Смысловая переработка воспринимаемого сообщения реализуется двумя основными стратегиями – кооперации и конфронтации. Такая трансформация «коммуникативных стратегий» в «когнитивно-коммуникативные тактики» объясняется, во-первых, общностью объекта анализа. Типология Н. В. Максимовой разработана на материале текстов-ментативов, т. е. развёрнутых форм «своей речи» по поводу «чужой». ВР персонажа при речевосприятии также представляет собой текст-ментатив, смысловую внутреннюю переработку воспринятого сообщения. Во-вторых, ВР персонажа в процессе речевосприятия, как и текст-ментатив, представляет собой «живой процесс диалогического взаимодействия» с внешним словом [Максимова 2006: 7]. Следовательно, применение инструментария, созданного для анализа текстов-ментативов, к анализу ВР является целесообразным. Однако мы рассматриваем более крупные стратегии при восприятии речи – кооперацию и конфронтацию, что приводит к трансформации стратегий применения, толкования, переоформления и др. в КК-тактики. Адаптация типологии Н. В. Максимовой применительно к базовым стратегиям кооперации и конфронтации позволит описать механизмы взаимодействия ВР и воспринимаемого сообщения.

На основании исследуемого материала (257 контекстов) мы выделили кооперативную (112) и конфронтационную (145) стратегии. Кооперация направлена на принятие, осмысление и развитие воспринятого сообщения, конфронтация – на его отторжение, оспаривание, критику, игнорирование. Стратегии реализуются КК-тактиками, отражающими восприятие сообщения.

3.2.1 Реализация кооперативной стратегии во внутренней речи

Кооперативная стратегия при речевосприятии направлена на осмысление и развитие воспринимаемого сообщения. Данная стратегия (112 контекстов)

реализуется посредством когнитивно-коммуникативных тактик (далее – КК-тактик) применения (38 контекстов), кооперативного толкования (34 контекста), развития (24 контекста) и позитивного оценивания (16 контекстов), в которых персонаж соотносит воспринимаемое сообщение с собственной системой ценностей и принимает транслируемую позицию или достраивает её [Водяницкая 2022].

КК-тактика применения понимается как «констатация правильности или приемлемости мнения собеседника» и «выражение сходства позиций, взглядов коммуникантов» [Колокольцева 2001: 74]. Воспринимаемое сообщение представляет собой аргумент, оценку или побуждение (просьбу, совет, приказ и т. д.). КК-тактика применения приводит к изменению мнения воспринимающего персонажа, его поведения или самовосприятия. Например, в повести «Дуэль» на аргумент Лаевского о нецелесообразности отправки Надежды Фёдоровны в Петербург («Ведь она женщина, что она там одна сделает? Что она понимает? Это только проволочка времени и лишняя трата денег») Самойленко во внутренней речи (далее – ВР) реагирует признанием логики собеседника: «*Резонно*…» (т. 7, с. 267).

КК-тактика применения ярко проявляется при принятии персонажем критического высказывания в свой адрес. Столкнувшись с упрёком, персонаж раскаивается и меняет своё поведение. В рассказе «Лишние люди» Зайкин воспринимает упрёк сына («Да ты что бранишься? – визжит Петя. – Что ты ко мне пристал, дурак? Я никого не трогаю, не шалю, слушаюсь, а ты… сердишься! Ну, за что ты меня бранишь?») и признаёт иррациональность своего поведения в ВР: «*И правда, за что я к нему придираюсь*?» (т. 5, с. 53–54). Зайкин признаёт беспричинность «придирок» и меняет агрессивную коммуникативную тактику во внешней речи на примирительную: «Ну, будет… будет, – говорит он, трогая мальчика за плечо. – Виноват, Петюха… прости. Ты у меня умница, славный, я тебя люблю» (т. 5, с. 54).

КК-тактика применения реализует принятие воспринимаемого побуждения (просьбы, совета, предложения и т. д.), которое может быть добровольным или вынужденным.

Добровольное принятие побуждения в ВР реализуется эмоциональным подъёмом или рациональным одобрением. В данном случае Чехов использует ВР для создания иронии или трагикомизма ситуации. В рассказе «Тряпка» совет купить билет («Впрочем... вы можете купить билет!») в ВР секретаря провинциальной газеты «Гусиный вестник» Кокина воспринимается как простое и очевидное решение: «*Чёрт возьми, как же мне это раньше не пришло в голову*?» (т. 3, с. 416). Эмоционально-экспрессивное выражение *чёрт возьми* в вопросительной конструкции отражает восхищение найденным решением. Однако внутреннее ликование героя контрастирует с реальностью (*тотчас же вспомнил, что у него в кармане только сорок копеек, взятые им на случай, ежели Клавдия Васильевна захочет, чтоб её провожали на извозчике*), создавая трагикомизм положения Кокина: радость принятия предложения сталкивается с невозможностью его выполнения.

Напротив, вынужденное принятие оформляется средствами, передающими смирение и фатализм. В рассказе «О том, как я в законный брак вступил» папаша побуждает сына объясниться в любви девушке, которую он не любит («Валяй! Наяривай!»). В ВР сына КК-тактика применения демонстрирует вынужденное принятие, которое отражает неспособность героя противостоять родительскому давлению и примирение с ситуацией: «*Ну, чему быть, того не миновать*!» (т. 2, с. 201).

В ВР чеховских персонажей принятие побуждения, реализуемое КК-тактикой применения, отражает результат длительных внутренних колебаний. В рассказе «В родном углу» Вера под влиянием уговоров тёти («Красавица, королева моя, я твоя послушная раба, я желаю тебе только добра и счастья… Скажи, отчего ты не хочешь идти за Нещапова? Кого же тебе ещё нужно, деточка? Извини, милая, перебирать так нельзя, мы не князья… Время уходит, тебе не 17 лет… И не понимаю! Он тебя любит, боготворит!») принимает долго

откладываемое решение о замужестве: «*В самом деле*, – подумала она, – *замуж, что ли*!» (т. 9, с. 210). Согласие, выраженное сочетанием *в самом деле*, и сомнение, представленное разговорной частицей *что ли,* указывают на то, что замужество для Веры – это вынужденное принятие, преодоление удушающей тоски и безысходности.

КК-тактика применения в ВР чеховских персонажей отражает согласие с внешним аргументом, принятие критической оценки, одобрение побуждения, которые приводят к изменению мнения воспринимающего персонажа, его поведения или самовосприятия. Принятие невыполнимого побуждения в ВР актуализирует иронию, принятие критики отражает нравственное прозрение, которое, однако, не всегда приводит к позитивным изменениям, а может усугубить трагедию героя.

КК-тактика кооперативного толкования (34 из 112 контекстов стратегии кооперации) активизируется в ситуации смысловой неопределённости, когда персонаж искренне стремится понять мотив, намерение и смысл воспринимаемого высказывания. Кооперативное толкование реализуется в таких когнитивных операциях, как поиск мотива, установление результата понимания и узнавание.

Эта КК-тактика отражает процесс поиска мотива говорящего и реализуется цепочками вопросов. В рассказе «Счастье» молодому пастуху непонятны мотивы старика, ищущего клады. Недоумение, копошащееся в голове Саньки, выражается цепочкой причинных и целевых вопросов: «*Почему клады ищут только старики и к чему сдалось земное счастье людям, которые каждый день могут умереть от старости?*» (т. 6, с. 108).

Кооперативное толкование часто оказывается ошибочным. Искреннее стремление понять мотивы приводит к неверному их толкованию, актуализируя иронию. В рассказе «Комик» уклончивая речь актёра («*как-то неловко*...»; «*вы сейчас и осудите, на смех поднимете... Нет, не скажу лучше! Удержу язык мой от зла*...») интерпретируется «ingenue» Марьей Андреевной сквозь призму её ожиданий – романтического намерения: «*О чём же это он собирается говорить*?

– подумала ingenue. – *Возбуждён, как-то странно смотрит, переминается с ноги на ногу... Уж не объясниться ли в любви хочет*?» (т. 2, с. 279). Несоответствие между реальным намерением («*Нет ли у вас, голубушка… рюмочки водочки? Душа горит! Такие во рту после вчерашнего перепоя окиси, закиси и перекиси, что никакой химик не разберёт*!») и его интерпретацией ingenue («*Уж не объясниться ли в любви хочет?*») создаёт иронический эффект.

КК-тактика кооперативного толкования проявляется в ВР как объяснение внешнего высказывания. В повести «Драма на охоте» в ВР рассказчика Зиновьева перечень злодеяний Ольги («Вчера вы похвалили волосы сестры Саши... Ведь хорошие волосы? Настоящий лён! А она сегодня утром остригла её!») объясняется кратко: «***Это ревность***!» – *объяснил я себе это вторжение Ольги в чуждую ей парикмахерскую область* (т. 3, с. 189). Кооперативное толкование воспринимаемого сообщения реализуется в авторской речи глаголами и глагольными сочетаниями со значением «осмысления»: *объяснить себе, сообразить, мелькнуть в мыслях*.

КК-тактика кооперативного толкования фиксирует момент узнавания: устанавливает сходство между перцептивным стимулом (услышанным именем, голосом, увиденным лицом) и ментальным образом, хранящимся в памяти персонажа. В рассказе «По делам службы» звуки метели становятся стимулом, активизирующим в памяти следователя Лыжина разрозненные сведения о некоем господине. Процесс сопоставления сведений завершается узнаванием: «*Так это был Лесницкий… вот этот самый…* – соображал теперь Лыжин» (т. 9, с. 313). Указательные частицы и местоимения (*так это, вот этот самый*) отражают результат узнавания.

Таким образом, КК-тактика кооперативного толкования в ВР персонажа при речевосприятии представляет собой декодирование мотива, намерения говорящего и смысла воспринимаемого сообщения. КК-тактика реализуется когнитивными операциями, направленными на достижение понимания и демонстрирующими разные этапы речемышления: поиск причин, установление результата понимания и узнавание. В художественном мире Чехова КК-тактика

кооперативного толкования обнажает «подводное течение» речевосприятия и участвует в актуализации иронии, создавая комическую дистанцию между искренней попыткой персонажа понять и реальным положением дел.

КК-тактика развития (24 контекста из 112) демонстрирует кооперацию, при которой воспринятое высказывание становится стимулом для дальнейшей речемыслительной деятельности: обобщения, прогнозирования и планирования.

Воспринимаемое высказывание становится основой для индуктивного вывода, формулирования общего правила в ВР. В рассказе «Страх» реакция на жалобу страдающего человека («Ну, жизнь! – проговорил он. – Несчастная, горькая жизнь!») получает развитие в ВР героя: «*Жизнь, по его мнению, страшна*, – думал я, – *так не церемонься же с нею, ломай её и, пока она тебя не задавила, бери всё, что можно урвать от неё*» (т. 8, с. 96–97). Герой обобщает чужой пессимистический тезис и выводит из него бунтарский императив, формулируя отношение к жизни.

Развитие воспринимаемой информации запускает процесс прогнозирования событий, реакций других людей, которые персонаж не контролирует, поскольку он лишь наблюдатель. Так, в рассказе «Именины» Ольга Михайловна слушает мужа («Когда я кошу, то чувствую себя, знаете ли, здоровее и нормальнее, – сказал он. – Если бы меня заставили довольствоваться одною только умственной жизнью, то я бы, кажется, с ума сошёл. Чувствую, что я не родился культурным человеком! Мне бы косить, пахать, сеять, лошадей выезжать...») и, на основании знания его характера, прогнозирует в ВР будущий конфликт: «*А ведь будет время*, – подумала она, – *когда он не простит мне, что я богаче его. Он горд и самолюбив. Пожалуй, возненавидит меня за то, что многим обязан мне*» (т. 7, с. 45). Глаголы со значением ‘отношение’ в будущем времени (*не простит, возненавидит*), модальное слово (*пожалуй*) репрезентируют возможный конфликт.

КК-тактика развития в ВР моделирует план будущих действий персонажа, направленных на достижение цели. В рассказе «Кошмар» отчаянные слова отца Якова о нищете («Господи Иисусе! – замахал он руками. – Святые угодники! И

служить даже не могу... Вы вот про школу мне говорите, а я, как истукан, ничего не понимаю и только об еде думаю... Даже перед престолом...») стимулируют в ВР Кунина детальный план помощи: «*Получу 20-го числа жалованья 200 рублей… Под благовидным предлогом суну и ему и докторше… Его позову молебен служить, а для доктора фиктивно заболею… Таким образом, не оскорблю их гордости. И Авраамию помогу…*» (т. 4, с. 162). Пошаговый план выражается глаголами в 1-м лице будущего времени (*получу, суну, позову, заболею, помогу*), временной детализацией (*20-го числа*), уточнением способа действия (*под благовидным предлогом, фиктивно*) и желаемым результатом (*не оскорблю, помогу*). Детально разработанный в ВР план не реализуется Куниным, поскольку его воспоминание о доносе, написанном на отца Якова архиерею, вызвало чувство стыда и тем самым завершило «искреннюю потугу к полезной деятельности одного из благонамеренных, но чересчур сытых и не рассуждающих людей» (т. 4, с. 163). КК-тактика развития противопоставляет активную внутреннюю работу и внешнюю пассивность персонажа.

Таким образом, КК-тактика развития представляет собой реализацию кооперативной стратегии. Воспринятое высказывание становится стимулом для ментальных операций обобщения, прогнозирования и планирования в ВР. Обобщение выводит из воспринятой речи жизненную философию; прогнозирование моделирует вероятное будущее; планирование конструирует в ВР целенаправленные действия. КК-тактика развития отражает динамику процесса речевосприятия и трагический разрыв между активностью, богатством внутреннего мира и инертностью, бедностью реальной жизни воспринимающего персонажа.

Кооперативную стратегию отражает **КК-тактика позитивного оценивания** (ср. стратегию похвалы и одобрения [Водяницкая 2022]), при которой речь говорящего соответствует ценностям воспринимающего персонажа. Высказывание вызывает положительный эмоциональный отклик, который переносится на личность собеседника как похвала или одобрение. КК-тактика позитивного оценивания является менее частотной (16 контекстов) по сравнению

с КК-тактикой негативного оценивания (72 контекста). КК-тактика позитивного оценивания реализуется положительными номинациями в адрес говорящего: «*Славный малый!*» (т. 1, с. 127); «*Душечка*!» (т. 2, с. 126); «*А она славная*!» (т. 5, с. 169); «*Какой ты у меня умный*!» (т. 5, с. 288); «*В самом деле, славный малый*» (т. 7, с. 356); «*Какой приятный молодой человек*!» (т. 8, с. 60) и др.

В рассказе «Стена» Маслов воспринимает речь барина Букина сквозь призму корыстного расчёта: низкие требования к претенденту на должность управляющего имением («Какие же там, батенька, науки? Глядеть за рабочими, за лесниками... хлеб продавать, отчётность раз в год представлять... никаких тут наук не нужно!»), отсутствие контроля со стороны владельца («сам же я в имении никогда не бываю, в дела не вмешиваюсь»), высокое вознаграждение и комфортные условия («тысяча жалованья, квартира, провизия, экипаж») и обещание свободы («и полнейшая свобода действий!»). Выгодные для Маслова условия вызывают в его ВР положительную оценку Букина: «*Да он душка!*» – *подумал Маслов* (т. 3, с. 361). Позитивная оценка Масловым Букина вызвана прагматической выгодой. Слово *душка* актуализирует иронию контрастом словарного значения «приятный человек» и контекстуального значения «работодатель, которого легко обмануть». КК-тактика позитивного оценивания характеризует воспринимающего персонажа, разоблачая его намерения. Тем самым данная КК-тактика отражает субъектноориентированную оценку, в которой «профилируются эмоции и предпочтения субъекта оценки» [Водяницкая 2022: 100].

Таким образом, КК-тактика позитивного оценивания в ВР персонажа отражает кооперативную стратегию при соответствии воспринимаемого сообщения ценностям слушающего. Положительная эмоциональная реакция переносится с речи на личность говорящего и представлена позитивно-оценочными номинациями. Оценка приобретает субъектноориентированную направленность, характеризуя воспринимающего персонажа как наивного, влюблённого или корыстного. КК-тактика позитивного оценивания встречается в исследуемом материале значительно реже, чем КК-тактика негативного

оценивания (16 контекстов против 72), что демонстрирует преобладание конфронтационной стратегии при речевосприятии и настрой чеховских героев на критику и неприятие.

Кооперативная стратегия речевосприятия реализуется КК-тактиками применения, кооперативного толкования, развития и позитивного оценивания. Принятие чужого мнения или побуждения (КК-тактика применения) приводит к изменениям в поведении и самовосприятии. Искреннее стремление персонажа понять собеседника (КК-тактика кооперативного толкования) зачастую приводит к комически ошибочным выводам. В свою очередь, КК-тактика развития демонстрирует переход от восприятия к обобщению, прогнозированию и планированию, отражая несоответствие между активным внутренним миром воспринимающего персонажа и его внешней инертностью. Менее частотная КК-тактика позитивного оценивания характеризует воспринимающего персонажа как влюблённого, наивного или расчётливого.

3.2.2 Реализация конфронтационной стратегии во внутренней речи

Стратегия конфронтации является доминирующей в исследуемом материале (145 контекстов из 257) и представляет собой ценностное столкновение. Воспринимающий персонаж отвергает не только содержание высказывания, но и транслируемую собеседником ценность. Стратегия конфронтации реализуется посредством когнитивно-коммуникативных тактик (далее – КК-тактик) негативного оценивания (72 контекста), конфронтационного толкования (39 контекстов), отрицания (36 контекстов), переопределения (11 контекстов) и игнорирования (6 контекстов). В одном контексте внутренней речи (далее – ВР) нередко совмещаются несколько КК-тактик, поэтому количество КК-тактик превышает количество контекстов ВР. КК-тактика негативного оценивания наиболее частотна, поскольку она обычно сопровождает другие КК-тактики в контекстах ВР.

КК-тактика негативного оценивания (ср. стратегию прямой критики [Водяницкая 2022]) в конфронтационной стратегии выражает обесценивание

воспринимаемого сообщения, манеры говорения или личности собеседника. Внутреннее оценочное суждение выполняет функцию саморегуляции, компенсируя невозможность открытой негативной реакции. С точки зрения психологов, высокая частотность оценки объясняется тем, что она является базовой когнитивной операцией, соотносящей воспринимаемую информацию с системой ценностей, убеждений и ожиданий персонажа. Современные исследования ВР подтверждают, что её оценочное измерение наиболее частотно: 82,5% респондентов, фиксировавших особенности ВР в процессе самонаблюдения, указали на оценочную и мотивационную характеристику ВР [McCarthy-Jones, Fernyhough 2011]. Также самые высокие показатели распространённости характерны для оценочной и критической ВР [Alderson-Day, Mitrenga, Wilkinson 2018]. Кроме того, оценочная и мотивационная ВР является инструментом когнитивного контроля в конфликтных ситуациях [Gade, Paelecke 2019]. Анализ материала позволяет выявить основные объекты оценки в ВР: речевой продукт, речевое поведение и личность говорящего.

Негативное оценивание речевого продукта (содержания, формы, логики) в ВР отражает неприятие воспринимаемого сообщения. Оценка содержания представлена экспрессивной лексикой в восклицательных конструкциях, передающих эмоциональную реакцию персонажа на услышанное: «*Вот так клюква*!» (т. 4, с. 54); «*Какая мерзость... гадость... пошлость*!» (т. 4, с. 55); «*Позор... мерзость!*» (т. 4, с. 198); «*Какой вздор!*» (т. 4, с. 201); «*Очень мне нужно слушать твою чепуху!..*» (т. 6, с. 115).

Негативное оценивание формы воспринимаемой речи реализуется посредством сравнения и приписывания собеседнику сознательного негативного намерения. В рассказе «Он понял!» мужик Павел Хромой, столкнувшись с непривычно вежливым обращением приказчика, реагирует внутренним протестом: «***Лучше** б ты меня **по морде**, чем **выкать**...*» (т. 2, с. 209).

Оценка логики воспринятого сообщения выражается критикой говорящего как неспособного к рациональному рассуждению. В рассказе «Первый дебют» помощник присяжного поверенного Пятёркин негативно оценивает отсутствие

логики в высказываниях своих коллег: «*Как отстали, как **нелогичны**!*» (т. 4, с. 201).

Объектом негативного оценивания становится речевое поведение говорящего (интонация, многословие, повторы). В рассказе «Бабье царство» в ВР проницательной Анны Акимовны тон и интонация Чаликова (*тонкий женский голосок, как будто слёзы ударили ему в голову*), театральность его речи («Вот она, моя жена! Вот она, несчастная! Одною ногой в могиле! Умирай, несчастная!») оцениваются как притворство: «*Что он **ломается**?* – подумала Анна Акимовна с досадой. – *Сейчас видно, что привык иметь дело с купцами*» (т. 8, с. 221). Склонность к повторяемости вызывает неодобрение персонажа: «*Ну, завёл свою **шарманку**!*» (т. 8, с. 23); не одобряет он и многословие: «*Как, однако, он **много говорит**!*» (т. 3, с. 92).

В ситуации коммуникативной неудачи или несогласия с воспринимаемым высказыванием активно оценивается личность говорящего. В рассказе «На даче» в ВР Павла Иваныча, получившего отказ, негативно оценивается несговорчивый племянник: «*Какая скотина…* – подумал Павел Иваныч. – *Ведь при нём не состоится рандеву! При нём нельзя!*» (т. 4, с. 273). Для оценки используются бранные номинации говорящего, выражающие весь спектр негативных эмоций (гнев, раздражение, отвращение, ненависть, обиду, стыд, страх): *дрянь этакая! тварь этакая!* (т. 2, с. 121); *нахалы* (т. 4, с. 198); *Экая ненасытная, неугомонная баба!* (т. 5, с. 148); *Какая же, однако, каналья этот Дегтярёв!* (т. 5, с. 149); *Дурак! Тряпка!* (т. 1, с. 246); *Подлец! Мерзавец! Животное!* (т. 2, с. 283); *скотина* (т. 2, с. 28); *Ска-атина!!* (т. 2, с. 296); *Этакий дурак!* (т. 7, с. 15); *Дикари!* (т. 4, с. 212) и др. С точки зрения психологии перенос оценок с содержания и формы речи на говорящего является когнитивным искажением воспринимающего – фундаментальной ошибкой атрибуции [Edward E. Jones, Victor A. Harris 1967; Gilbert 2002; Lassiter, Geers, Munhall, Ploutz-Snyder 2002] или искажением переноса (correspondence bias), т. е. склонностью объяснять поведение человека его личностными качествами, а не ситуационными факторами [Gilbert, Malone 1994; Gawronski 2004].

Осуждение воспринимаемой речи или личности говорящего в исследуемом материале активно представлено в персонажном плане, что подчёркивает чеховское стремление к устранению авторской оценочности, к объективному повествованию и психологической достоверности. Активное использование оценочной разговорно-просторечной лексики в ВР индивидуализирует сознание персонажа, демонстрируя табуированное во внешней речи выражение эмоций.

КК-тактика негативного оценивания является самой частотной в реализации конфронтационной стратегии в ВР чеховских персонажей. Она направлена на осуждение содержания, формы речи, речевого поведения и личности говорящего. Данная КК-тактика в ВР служит механизмом когнитивного контроля и эмоциональной саморегуляции, представляя негативную реакцию, которая не может быть выражена во внешней речи. Этот тип оценивания отражает объективность чеховского повествования и психологическую достоверность в изображении персонажей.

Следующей по частотности в рамках конфронтационной стратегии является **КК-тактика конфронтационного толкования** (39 контекстов из 145), представляющая интерпретацию воспринимаемого сообщения. Как отмечает Н. Н. Болдырев, интерпретация – это «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [Болдырев 2011: 11]. «Языковая познавательная активность» конфронтационного толкования мотивирована недоверием, подозрением и враждебностью чеховских персонажей и направлена на разоблачение мотива говорящего. Конфронтационное толкование проявляется в приписывании собеседнику неблаговидных намерений. В рассказе «Жених и папенька» нежелающий жениться Милкин, слушая, как отец семи невест оправдывает его пороки, в ВР приписывает ему корыстный мотив: «*Как ему, однако, дочек спихнуть хочется*!» (т. 3, с. 337). Глагол *спихнуть* в восклицательной конструкции иронически обнажает мотив папеньки.

Реализация КК-тактики конфронтационного толкования ярко представлена в динамике от кооперации к конфронтации под влиянием убеждений и страхов

персонажа. В рассказе «Месть» Турманов, услышав голоса за стеной, узнаёт бойкий женский голос и тем самым реализует КК-тактику кооперативного толкования: «*Моя жена*, – **узнал** Лев Саввич». Однако следующий вопрос в ВР героя («*С кем это она*?») задаёт подозрительное направление восприятия разговора. КК-тактика толкования в ВР мужа становится конфронтационной после узнавания второго голоса («*Это Дегтярёв*! – узнал Турманов в басе одного из своих приятелей»), поскольку мотивирована недоверчивым и ревностным отношением Турманова к жене: «*Неужели и его уж подцепила? Экая ненасытная, неугомонная баба! Дня не может продышать без романа*!» КК-тактики демонстрируют, что «одна и та же когнитивная фигура на разном когнитивном фоне осмысляется по-разному» [Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры 2025: 160]. Образ *жены* на когнитивном фоне кооперации определяется как *моя жена*, но на фоне ревности осмысляется как *экая ненасытная, неугомонная баба*. Этот пример показывает, как «один и тот же объект может подводиться под разные ментальные категории, и тем самым в нём высвечиваются в разных ситуациях восприятия всякий раз разные, т. е. не тождественные с точки зрения коммуникантов, признаки» [Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры 2025: 140]. КК-тактики отражают работу «когнитивных фильтров», сквозь которые персонаж воспринимает и осмысляет действительность. Реализация КК-тактики конфронтационного толкования отражает чеховский психологизм, показывая, что восприятие не объективно, а искажено предубеждениями, прошлым опытом и влиянием эмоций. Кроме того, многозначность восприятия одного и того же объекта демонстрирует полифоничность сознания персонажа.

Таким образом, КК-тактика конфронтационного толкования в ВР персонажа представляет собой интерпретацию воспринимаемого сообщения, мотивированную недоверием и направленную на поддержание негативных ожиданий. В прозе Чехова КК-тактика конфронтационного толкования служит

инструментом глубокого психологического реализма и полифоничности восприятия.

КК-тактика отрицания (36 контекстов из 145 в составе конфронтационной стратегии) представляет собой рассогласованность смысловых позиций говорящего и воспринимающего. Анализ исследуемого материала показал, что в соответствии с типом воспринимаемого сообщения отрицание реализуется КК-тактиками отрицания-несогласия, отрицания-отказа и отрицания-запрета.

Наиболее частотна **КК-тактика отрицания-несогласия** в ВР персонажа. Она представляет собой «констатацию неприемлемости или неправильности мнения собеседника» [Колокольцева 2001: 96]. Возражение в ВР может сопровождаться аргументацией: «хотя бы лаконично обозначаются причины несогласия с собеседником и (или) формулируется альтернативная позиция» [Колокольцева 2001: 97]. Несогласие, как правило, реализуется повтором в ВР слов воспринимаемого сообщения в форме вопроса, развивающего модальные значения возражения и протеста [Арутюнова 1986: 55]. Например, в рассказе «У знакомых» в ВР Подгорина демонстрируется отрицание-несогласие с утверждением Татьяны и Вари («А ваше поколение, Миша, уже не то!»): «*А при чём тут поколение*? – подумал Подгорин. – *Ведь Лосев старше меня лет на шесть, не больше*…» (т. 9, с. 420). Вопрос в ВР отрицает верность утверждения. Внутренняя аргументация, вводимая усилительной частицей *ведь*, опровергает обобщение.

КК-тактика отрицания-отказа в ВР является отрицанием воспринимаемого побуждения (просьбы, приказа, совета, предложения). В рассказе «Задача» «позорный проект», предложенный тёщей пьяному литератору («Нализался! – проворчала тёща. – Ну, ежели боишься с козел упасть, так стань на запятки и крепко ручищами за спинку держись... Мы тихо поедем, не упадешь...») в ВР героя реализуется отказом: «*Русский литератор и вдруг – на запятках?! Этого ещё недоставало!..*» (т. 2, с. 360). Отказ реализуется восклицательным вопросом, передающим возмущение, и строится на лексической несовместимости

высокого социального статуса (русский литератор) и унизительного положения (на запятках).

КК-тактика отрицания-запрета оформляется не прямым «нельзя» (в основе всех запретов лежит понятие «нельзя» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2003: 361]), а вопросом о допустимости речевого действия, которое воспринимается как нарушение этических и социальных норм. В повести «Драма на охоте» внутренняя реплика-реакция следователя Зиновьева демонстрирует запрет на навязывание ему социального статуса («Наденька, где ты? Твой жених приехал!»): «*Я жених*? – подумал я. – *Кто же тебе позволил называть меня женихом? На каком основании*?» (т. 3, с. 155). Запрет реализуется цепочкой вопросов, выражающих недоумение (*Я жених*?), оспаривание допустимости (*Кто позволил?*) и требование оснований (*На каком основании*?).

Как отмечает Т. Н. Колокольцева, коммуниканты в ситуации запрета «имеют неодинаковый социальный статус и вес. Запрещающая сторона или наделена властными полномочиями, или характеризуется более высоким социально-ролевым статусом» [Колокольцева 2001: 99]. Данный тезис верен для интерперсональной коммуникации, однако в исследуемом материале наблюдается обратная ситуация. КК-тактика отрицания-запрета становится формой ментального бунта в ВР персонажа с более низким социальным статусом. Не имея возможности выразить протест вербально в связи с социальными нормами, герои используют ВР как защитный механизм, компенсирующий внешнее бессилие. В повести «Драма на охоте» следователь Зиновьев не может протестовать вслух против социально весомого мирового судьи, отца «невесты» и хозяина дома, поскольку это является нарушением гостеприимства и социальных норм. Следовательно, КК-тактика отрицания-запрета в ВР персонажа компенсирует невозможность внешнеречевого запрета по причине социально-ролевого неравенства и становится защитной реакцией персонажа.

Рассмотрим динамику КК-тактик отрицания в рамках одного речемыслительного контекста. ВР персонажа моделирует процесс, в котором одна форма отрицания может перетекать в другую, создавая сложное когнитивно-

коммуникативное восприятие. В рассказе «Смерть чиновника» Червяков воспринимает слова генерала: «Да вы просто смеётесь, милостисдарь!» Коммуникативная неудача провоцирует в ВР Червякова обострение конфликта и переход от КК-тактики отрицания-несогласия, сопровождаемой КК-тактикой негативного оценивания («*Какие же тут насмешки*? – подумал Червяков. – *Вовсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять*!») к КК-тактике отрицания-отказа от коммуникативного намерения, также сопровождаемой КК-тактикой негативного оценивания: «*Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Чёрт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану*!» (т. 1, с. 77).

Таким образом, КК-тактика отрицания реализует конфронтационную стратегию в процессе речевосприятия. Анализ показал, что выбор КК-тактики отрицания-несогласия, отрицания-отказа или отрицания-запрета мотивирован типом воспринимаемого сообщения: отрицанием утверждения, побуждения или допустимости сообщения. Анализ динамики КК-тактик в рамках одного речемыслительного акта (на примере ВР Червякова в рассказе «Смерть чиновника») демонстрирует, что ВР моделирует процесс, в котором коммуникативная неудача провоцирует обострение эмоционального напряжения и переход к отрицанию-отказу. Внутренний протест чеховских героев, ярко проявляющийся в КК-тактике отрицания-запрета, компенсирует невозможность открытого возражения.

В речевосприятии персонажа актуализируется конфронтационная КК-тактика **переопределения** (11 контекстов из 145). Реализация переопределения заключается во введении содержательного компонента воспринимаемой речи в «новую логику» и создании на его основе собственного, нового понимания, нового определения [Максимова 2006: 275–283]. Мы относим данную КК-тактику к стратегии конфронтации, поскольку она подменяет логику говорящего собственной, что является, на наш взгляд, формой интеллектуального противостояния. Например, в рассказе «На магнетическом сеансе» научное заключение доктора о необъяснимости чудес магнетизёра («Мы имеем только

факты! Объяснений – увы! – нет...») вводится в иную прагматическую логику героя, создавая на его основе другое понимание ситуации: «*Вы имеете факты, а я две пятирублёвки. Мои дороже... Спасибо магнетизму и за это, а объяснений мне не нужно*…» (т. 2, с. 130). На «смену логик» указывает противительно-сопоставительный союз. Интеллектуально-познавательная логика доктора (*факты*) переводится в логику материальной выгоды (*две пятирублёвки; дороже*), демонстрируя столкновение разных восприятий действительности.

С точки зрения психолингвистики переопределение объясняется природой речевосприятия. Как показывают исследования Е. Ф. Тарасова и Л. В. Головиной, конструирование содержания речевого сообщения каждым реципиентом основывается на неидентичном объёме знаний, «различие таких знаний реципиентов неизбежно ведёт к созданию неидентичных содержаний одного и того же речевого сообщения» [Тарасов, Головина 2019: 9]. Воспринимая сообщение, персонаж конструирует своё содержание, основываясь на собственном «образе ситуации» [Тарасов 2021: 63] и мотивах, поскольку «осмысление речевого сообщения – это операция соотнесения содержания речевого сообщения с мотивами коммуникантов» [Тарасов, Головина 2019: 18]. Таким образом, КК-тактика переопределения отражает восприятие внешнего сообщения в соответствии со знаниями, мотивами и образом ситуации воспринимающего персонажа. В рассказе «На магнетическом сеансе» КК-тактика переопределения отражает неидентичность «личностных смыслов» [Леонтьев 1975] речевого сообщения доктора (*факты, объяснений нет*) и персонажа (*две пятирублёвки*) в соответствии с их знаниями, мотивами и образом ситуации.

Наиболее ярко КК-тактика переопределения проявляется в ситуации, когда профессиональная деформация или главная идея персонажа становятся «когнитивным фильтром», искажающим воспринимаемое сообщение. В рассказе «Не в духе» становой пристав Прачкин слышит стихи Пушкина, которые зубрит его сын Ваня в соседней комнате («Крестьянин, торжествуя, обновляет путь... обновляет...») и переводит высокий поэтический язык на язык полицейского надзора. На основе своих знаний, мотивов и видения ситуации Прачкин

воспринимает крестьянина как потенциального нарушителя: «*Торжествуя*... – продолжал размышлять Прачкин. – *Влепить бы ему десяток горячих, так не очень бы торжествовал. Чем торжествовать, лучше бы подати исправно платил*...» (т. 2, с. 99). *Торжество* крестьянина в логике станового пристава переопределяется в неуместное поведение, подлежащее наказанию и противоречащее налоговым интересам государства. Прачкин конструирует в ВР «дополнительную модель» восприятия [Тарасов, Головина 2019: 9], вытесняющую эстетический смысл.

В чеховском материале КК-тактика переопределения становится инструментом создания комического эффекта. Контекстуальную иронию [Каменская 2001] создаёт столкновение разных логик: высокой и низкой, поэтической и практической, трагической и бытовой. В рассказе «О женщины, женщины…» редактор Почитаев поссорился с женой из-за её положительной оценки стихов князя Прочуханцева («Нет, извини... Прозы я не понимаю, а стихи я отлично понимаю! Князь превосходно сочинил! Отлично! Ты ненавидишь его, ну и не хочешь печатать!»). Почитаев переопределяет в ВР слова жены как трагедию непонятого редактора: «*Иду искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок... О женщины, женщины! Впрочем, все бабы одинаковы*!» (т. 2, с. 288). Ирония создаётся несоразмерностью масштабов повода и реакции в ВР Почитаева. Интертекстуальное включение из «Горя от ума» А. С. Грибоедова отражает мировую скорбь редактора в бытовой размолвке. Стилистическое смешение регистров: книжно-поэтического (*о женщины*!) и разговорно-просторечного (*все бабы*) разоблачает трагизм героя, заключающийся в уязвлённом самолюбии.

Таким образом, КК-тактика переопределения при речевосприятии отражает стратегию конфронтации, при которой персонаж подменяет логику собеседника своей, создавая новый, субъективный смысл сообщения. С точки зрения психолингвистики, данная КК-тактика моделирует процесс порождения неидентичных «личностных смыслов», обусловленных различием в мировосприятии персонажей. В идиостиле Чехова КК-тактика переопределения

становится инструментом создания иронии, которая актуализируется контрастом двух логик: высокой и низкой, поэтической и практической, трагической и бытовой.

В рамках конфронтационной стратегии мы выделили КК-тактику **игнорирования** (6 из 145 контекстов), представляющую собой пассивную конфронтацию. Столкнувшись с неуместным или неприятным высказыванием, персонаж в ВР принимает решение прервать коммуникацию. Данный процесс, описываемый как «фаза прекращения (или размыкания) контакта» [Зыкова 2026: 47], реализуется двумя способами: отказом от реагирования и самоустранением.

Отказ от реагирования представляет собой сознательное решение персонажа не участвовать в дальнейшей коммуникации. В рассказе «Палата № 6» Рагин, находясь в состоянии апатии, на любые вопросы реагирует внутренним отказом: «*Мне всё равно,* – думал он, когда ему задавали вопросы. – *Отвечать не стану… Мне всё равно*» (т. 8, с. 86). Отказ от речевого действия отражает сознательный разрыв коммуникации как попытку защититься от дальнейших эмоциональных потрясений.

В ситуациях эмоционального напряжения негативные эмоции (стыд, страх, отвращение) блокируют смысловое восприятие речи, и в ВР отражается желание физически покинуть неприятную ситуацию. В рассказе «Володя», подслушав унизительное обсуждение своего признания в любви, герой испытывает невыносимый стыд: «*Ах, поскорее бы уехать отсюда*! – думал он, хватая себя за голову. – *Боже, поскорее бы*!» (т. 6, с. 91). В рассказе «Несчастье» Софья Петровна, «застигнутая врасплох» признанием в любви, реагирует внутренним решением самоустраниться: «*Уйду*!» (т. 5, с. 85). Глаголы движения *уехать*, *уйти* передают импульсивное решение разорвать контакт.

КК-тактика игнорирования представляет собой пассивную форму конфронтации, реализующуюся в ВР решением о прекращении коммуникативного контакта. Игнорирование реализуется отказом от реагирования и самоустранением. В ВР чеховских героев данная КК-тактика отражает апатию, истощение или негативные эмоции.

3.2.3 Внутренняя речь как этап речевосприятия и речепорождения (на примере рассказа «Гость»)

Исследование внутренней речи (далее – ВР) как этапа речевосприятия основывается на анализе когнитивно-коммуникативных стратегий и тактик. Материалом для детального анализа ВР в процессе смыслового восприятия высказывания стал рассказ Чехова «Гость» (т. 3, с. 339–343). Выбор рассказа обусловлен его коммуникативной ситуацией, позволяющей сопоставить две стратегии речевосприятия: кооперативную (ориентированную на буквальное понимание), представленную во внешней речи отставного полковника Перегарина, и конфронтационную (ориентированную на иносказательную интерпретацию), представленную в ВР частного поверенного Зельтерского. Данное сопоставление выявляет связь речевосприятия и речепорождения, а также различие коммуникативного поведения персонажей в ВР и внешней речи.

Кооперативная стратегия полковника, воспринимающего высказывания Зельтерского буквально, отражает комическое непонимание всех попыток хозяина завершить визит. Таким образом, речевосприятие Перегарина характеризуется неспособностью к декодированию непрямого воздействия [Дементьев 2006].

Попытка Зельтерского окончить встречу реализуется тактикой вежливого намёка на дачный распорядок: «*В двенадцать я всегда в постели. Храни меня бог лечь позже: не отделаться на другой день от мигрени*!» Однако Перегарин воспринимает буквальный, предметный смысл высказывания Зельтерского как информацию о привычках хозяина и, реализуя тактику применения (согласия), отвечает: «*Скажите... Кто как привык, это действительно*».

Угроза Зельтерского заразить дифтеритом реализуется тактикой мнимой заботы о собеседнике: «*У меня дифтерит*!»; «*Болезнь опасная! Мало того, что я сам болен, но могу ещё и других заразить. Болезнь в высшей степени прилипчивая! Как бы мне вас не заразить, Парфений Саввич*!» Перегарин реагирует рассказом о личном опыте, представленном тактикой отрицания-несогласия: «*Меня-то? Ге-ге! В тифозных гошпиталях живал – не заражался, а у*

вас вдруг заражусь! Хе-хе... Меня, батенька, старую кочерыжку, никакая болезнь не возьмёт».

Предложение почитать роман, используемое как тактика, в надежде утомить гостя («*Ах, кстати,* – перебил Зельтерский размышления Перегарина, – *не хотите ли, я почитаю вам своё сочинение? На досуге как-то состряпал... Роман в пяти частях с прологом и эпилогом*...») воспринимается Перегариным как проявление гостеприимства и реализуется тактикой применения: «*С удовольствием... я люблю-с...*»

На предупреждение Зельтерского о нервных припадках и опасном для окружающих поведении («*Я теряю сознание, вскакиваю и начинаю бросать в домашних чем попало. Попадётся под руку нож – я ножом, стул – я стулом. Сейчас знобит меня, вероятно, перед припадком. Всегда знобом начинается*») Перегарин не пугается и реагирует советом: «*Ишь ты... А вы полечились бы*!»

Буквальное восприятие Перегариным высказываний демонстрирует его неспособность участвовать в непрямой коммуникации, которая требует декодирования «смыслов, не содержащихся в собственно высказывании», следовательно, предполагает «дополнительные интерпретативные усилия со стороны адресата» [Дементьев 2018: 23]. Особенности речевосприятия Перегарина – декодирование предметного, а не прагматического смысла высказываний Зельтерского – объясняются опытом и знаниями полковника, а также его мотивами и образом ситуации.

Противоположной моделью является речевосприятие Зельтерского, который не декодирует предметное содержание внешней речи Перегарина, а фокусируется на своей цели – «выжить гостя»: «*Зельтерскому нельзя было идти в спальную, хотя на его веках и висела трёхпудовая тяжесть*»; «*Зельтерский был в отчаянии*». ВР Зельтерского представляет собой динамическую смену тактик, отражающих раздражение хозяина дачи по поводу коммуникативного поведения гостя: его навязчивости, непонимания намёков и нескончаемости рассказов. Конфронтационное восприятие речи гостя реализуется в ВР Зельтерского КК-тактикой негативного оценивания: «*Этот старый хрыч до утра просидит*! –

злился Зельтерский. – *Такая дубина*!»; «*Не понимает! Глуп*! – злился он». Зельтерский воспринимает неспособность Перегарина к пониманию ситуации как свойство личности, т. е. совершает «фундаментальную ошибку атрибуции». Он использует негативные номинации (*старый хрыч, дубина*), позволяющие выплеснуть накопившуюся злость, от которой его «бросает в пот» и которую он скрывает от гостя.

Когнитивно-коммуникативная тактика (далее – КК-тактика) негативного оценивания в ВР сменяется КК-тактикой конфронтационного толкования, моделирующей ментальное состояние гостя: «*Неужели он думает, что своим посещением доставляет мне удовольствие*?»

В ВР Зельтерского речевосприятие стимулирует речепорождение. Воспринимая нескончаемый монолог Перегарина, Зельтерский планирует в ВР внешнее высказывание. Зельтерский, оценивая неэффективность намёков, планирует смену манипулятивных КК-тактик воздействия: «*Ну, уж если он не понимает обыкновенных намёков, то придётся пустить в ход более грубые приёмы*». Коммуникативное намерение в ВР реализуется **КК-тактиками планирования** («*Почитаю-ка ему своё произведение*, – надумал Зельтерский. – *Там у меня где-то роман валяется, в гимназии ещё писал... Авось службу сослужит*...»); **прогнозирования** («*Теперь, наверное, уйдёт*, – мечтал Зельтерский, перелистывая грехи своей юности. – *Буду читать ему до тех пор, пока не взвоет*...»); **угрозы** («*Ужо погоди*! – подумал Зельтерский. – *Взвоешь*!»). Во внешней же речи Зельтерский использует кооперативную стратегию и тактики вежливого намёка, заботы о собеседнике, предупреждения и предложения. Метакоммуникативный контроль в ВР Зельтерского проявляется в оценке собственного внешнего высказывания: «*Все средства испробовал*, – думал он. – *Ни одна пуля не пробила этого мастодонта. Теперь до четырёх часов будет сидеть*...» Внешняя речь и ВР Зельтерского демонстрируют контраст стратегий и тактик, формируя двойной план: обходительная, деликатная внешняя речь и оценочная, агрессивная ВР, раскрывающая истинные намерения, создают

комический эффект. Иронию актуализирует несовпадение регистров: нейтрально-этикетный регистр внешней речи и сниженно-просторечный регистр ВР.

Непонимание гостем коммуникативного намерения приводит хозяина дачи к смене тактик воздействия. Зельтерский использует тактику прямого воздействия – **просьбу о деньгах**: «*Ба! Попрошу-ка у него денег взаймы! Прелестное средство*...» Просьба о займе денег во внешней речи героя представлена прямым обращением: «*Парфений Саввич*! – перебил он полковника. – *Я опять вас перебью. Хочется мне попросить вас об одном маленьком одолжении... Дело в том, что в последнее время, живя здесь на даче, я ужасно истратился. Денег нет ни копейки, а между тем в конце августа мне предстоит получка*». Понимание Перегариным прагматического смысла просьбы Зельтерского проявляется в КК-тактике игнорирования: «*Однако... я у вас засиделся*... – пропыхтел Перегарин, ища глазами фуражки. – *Уж третий час... Так вы о чём же-с?»; «Прощайте, ангел... Спать*!»

Сопоставление двух моделей речевосприятия в рассказе «Гость» (буквального у Перегарина и иносказательного у Зельтерского) позволяет сделать вывод, что успешное речевосприятие требует декодирования не только предметного, но и прагматического смысла, а также зависит от знаний и мотивов коммуникантов, их образов ситуации, от эмоционального и физического состояния. Анализ демонстрирует, что ВР является оценивающим и интерпретирующим этапом речевосприятия, связанным с речепорождением. ВР отражает истинные намерения персонажей; контраст оценочно-угрожающей ВР и учтиво-этикетной внешней речи создаёт комический эффект.

3.2.4 Взаимозависимость стратегии речевосприятия и психофизиологического состояния

Интерпретация содержания высказывания и намерения говорящего зависит не только от семантики и прагматики воспринимаемого сообщения, но и от психофизиологического состояния воспринимающего персонажа. В художественной прозе Чехова одно и то же высказывание может стимулировать

противоположные стратегии восприятия в связи с изменением физического и психического состояния персонажа. Следовательно, анализ взаимосвязи стратегии речевосприятия и психофизиологического состояния является важной задачей нашего исследования.

Процесс «рождения мысли» при переходе от звукового сигнала к его смыслу зависит как от внешних помех (шум, расстояние, искажение канала связи, акцент говорящего и т. п.), так и от внутренних (стресс, утомление, нарушение слуха, недостаточная языковая компетенция и т. п.) [Сахарный 1989: 152]. Состояние персонажа обусловливает возможность адекватного декодирования сообщения или препятствует пониманию, лишая процесс речевосприятия «отправного материала» [Лурия 2009: 148]. Анализ исследуемого материала показывает, что психофизиологическое состояние персонажа влияет на его речевосприятие, определяя выбор стратегии восприятия чужого слова.

Отказ от «установки на понимание» [Седов 2007а: 118] проявляется в состояниях утомления и сонливости. В рассказе «Драма» (т. 6, с. 113–118) писатель Павел Васильевич, настроенный на отдых, вынужден слушать бездарное произведение Мурашкиной. Состояние сытости (*только что позавтракал*) и желание спать (*с тоской вспоминал о своём диване*) приводят к ограничению смыслового декодирования: чужое слово воспринимается как монотонный шум, «жужжание», и смысл утрачивается. Павел Васильевич воспринимает чтение пьесы Мурашкиной как бессмысленные звуки: «*Тру-ту-ту-ту...* – звучал в его ушах голос Мурашкиной. – *Тру-ту-ту... Жжжж...*» При этом он *ничего не понимал* и ощущал болезненно-тактильное действие голоса гостьи: *он чувствовал, как по его барабанным перепонкам стучал её мужской тенор*. Внутренняя речь (далее – ВР) героя отражает конфронтационную стратегию речевосприятия как защитную реакцию: «*Чёрт тебя принёс… Очень мне нужно слушать твою чепуху!.. Ну, чем я виноват, что ты драму написала? Господи, а какая тетрадь толстая! Вот наказание!»* (т. 6, с. 115).

Эмоциональное состояние персонажа искажает смысл воспринимаемой речи и влияет на выбор стратегии речевосприятия. В рассказе «Первый дебют»

(т. 4, с. 197–203) унижение, стыд и злость, испытываемые Пятёркиным после первого неудачного выступления в суде в роли защитника, стимулируют конфронтационную стратегию восприятия речи коллег. Их дружелюбные реплики (*И вас загнало сюда ненастье? Милости просим! Присаживайтесь*; *Вы напрасно брезгаете нашим чаем... Он не из дешёвых...*; *Ну, будет... Мы своим спором не даём спать господину защитнику*) воспринимаются героем как оскорбление, глумление и издевательство, что реализует конфронтацию в ВР: «*Свиньи...* – подумал Пятёркин, косясь на своих врагов. – *Оскорбили человека, втоптали его в грязь и беседуют теперь, как ни в чём не бывало*»; «*Наплевали в рожу и потом чаем угощают*»; «*Нахалы...* – подумал он. – *Оскорбили, оплевали и ещё лезут*!»; «*Пристают...* – подумал Пятёркин. – *Свиньи...*» Герой испытывает целый спектр негативных эмоций (*на душе у него было гнусно, как никогда*; *он чувствовал себя оскорблённым, провалившимся, оплёванным*; *страдал*; *его распирало от злости и стыда*). Соматические реакции (*дрожа всем телом*; *мутило и сосало теперь за сердце*; *положил свою горячую голову*; *хладнокровный и снисходительный тон душили Пятёркина*) и финальный *истерический плач*, вырвавшийся из груди вместо слов, показывают, как состояние влияет на когнитивные процессы.

Положительное психофизиологическое состояние, напротив, реализует кооперативную стратегию: персонаж идеализирует речь собеседника. В рассказе «Чужая беда» Верочка не отрывала «любящих глаз» от мужа, который «обходил каждый сарай, оглядывал, обнюхивал и рисовался своими познаниями по агрономической части». Она идеализирует обожаемый объект и его речь, поскольку её любовь блокирует критическое восприятие: «*Какой ты у меня умный*!» (т. 5, с. 288).

Смена стратегий в процессе речевосприятия показана Чеховым при переходе психофизиологического состояния персонажа от болезни к выздоровлению. В рассказе «Тиф» поручик Климов в лихорадке (*тяжёлая голова*; *горячее дыхание, отражаясь от спинки дивана, жгло ему лицо*; *жар, жажда и те грозящие образы, которые всю ночь не давали ему спать*; *ноги и руки по-прежнему не укладывались, язык прилипал к нёбу*) воспринимал речь и поведение

доктора (его *дэ, дэ, дэ*; *отлично, отлично* и *тэк, тэк, тэк*), суетившегося возле него, как фамильярность (*быстрая, небрежная речь доктора, его сытая физиономия и снисходительное «юноша» раздражали Климова*). В состоянии выздоровления происходит смена стратегии на кооперативную. Теперь те же слова доктора Климов воспринимает радостно, сам доктор кажется ему *милым и симпатичным*, а окружающие люди – *хорошими и интересными*. Следовательно, не само воспринимаемое слово, а состояние воспринимающего персонажа определяет стратегию восприятия.

Важно отметить и влияние воспринимаемого слова на психофизиологическое состояние персонажа. В рассказе «Восклицательный знак» (т. 4, с. 60–64) критика образованности коллежского секретаря Перекладина со стороны юноши (*Но привычка совсем не то, что образование. Мало того, что вы знаки препинания правильно ставите... мало-с! Нужно сознательно ставить! Вы ставите запятую и должны сознавать, для чего её ставите... да-с! А это ваше бессознательное... рефлекторное правописание и гроша не стоит. Это машинное производство и больше ничего*) активизирует у чиновника конфронтационную стратегию восприятия. Он «лёг спать обиженным и даже оскорблённым»: «*Сорок лет служил,* – думал он, – *и никто меня дураком не назвал, а тут, поди ты, какие критики нашлись! „Бессознательно!.. Лефректорно! Машинное производство“... Ах, ты, чёрт тебя возьми! Да я ещё, может быть, больше тебя понимаю, даром что в твоих университетах не был*!»; «*Я знаю... понимаю...* – думал он, засыпая. – *Не поставлю там двоеточия, где запятую нужно, стало быть, сознаю, понимаю. Да... Так-то, молодой человек... Сначала пожить нужно, послужить, а потом уж стариков судить...*»; «*Хоть эти запятые взять...* – думал Перекладин, чувствуя, как его члены сладко немеют от наступавшего сна. – *Я их отлично понимаю... Для каждой могу место найти, ежели хочешь... и... и сознательно, а не зря... Экзаменуй, и увидишь...*» Слова критика вызывают психосоматическое расстройство, которое начинается с бессонницы (*открыл глаза и повернулся на другой бок*; *поднялся и сел на кровати*). Вскоре появляются и другие симптомы – *голова его болела, на лбу выступил холодный пот*; *бедному чиноше было холодно,*

неуютно, точно он заболел тифом; *всю ночь промучился бедный Перекладин*. Пунктуация становится галлюцинацией: *метеором пролетела огненная запятая*; *прилетели огненные точки*; запятые *мешаются с точками, кружатся*; вопросительные знаки *выскочили из облаков и заканканировали*..., *вытянулись в знаки восклицательные*. Знаки пунктуации нарушают не только сон, но и восприятие окружающих объектов: восклицательный знак *стоял уже не в закрытых глазах, а перед ним, в комнате, около женина туалета и насмешливо мигал ему*; *вместо извозчика подкатил восклицательный знак*; *вместо швейцара увидел тот же знак*; *ручка с пером тоже глядела восклицательным знаком*. Незнание правила постановки восклицательного знака перерастает в психосоматическое расстройство, которое разрешается яростным выведением трёх восклицательных знаков (*ставя эти три знака, он восторгался, негодовал, радовался, кипел гневом*).

Таким образом, проведённый анализ показывает, что выбор стратегии речевосприятия (кооперации или конфронтации) в художественной прозе Чехова определяется психофизиологическим состоянием персонажа. Утомление и сонливость персонажа блокируют смысловое восприятие чужого слова, превращая его в «жужжание». Доброжелательные слова при негативном эмоциональном состоянии (стыд, обида и злость) воспринимаются агрессивно. Позитивное переживание поддерживает кооперативную стратегию и идеализацию говорящего. Одно и то же высказывание стимулирует противоположные стратегии восприятия под влиянием состояния болезни и выздоровления персонажа. Кроме того, воспринимаемое слово влияет на психофизиологическое состояние персонажа, вызывая психосоматические нарушения – от бессонницы до галлюцинаций. ВР персонажей отражает связь телесного и ментального, что является чертой «клинического реализма» писателя-врача.

Выводы по третьей главе

1. Внутренняя речь (далее – ВР) является центральным этапом речевой деятельности и характеризуется двунаправленной природой, проявляющейся в

порождении и восприятии речи. В психолингвистической модели речепорождения (Т. В. Ахутина, А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, И. А. Зимняя и др.) ВР формирует или программирует внешнее высказывание, являясь промежуточным звеном между мотивационно-целевым (или побуждающим) этапом и исполнительно-контрольным (или реализующим). Одновременно ВР включена в речевую деятельность как этап речевосприятия и обеспечивает переход от сенсорного приёма речевого сообщения к осмыслению предметного содержания, коммуникативного намерения и мотива говорящего.

2. Для анализа ВР как особой формы коммуникации в процессе программирования и восприятия высказывания используются инструменты коммуникативной лингвистики – стратегии (кооперативная и конфронтационная) и реализующие их когнитивно-коммуникативные тактики (далее – КК-тактики).

3. В процессе речепорождения в ВР чеховских персонажей реализуются кооперативная и конфронтационная стратегии. Количественный анализ показал, что кооперативная стратегия (47 контекстов) доминирует над конфронтационной (27 контекстов). Репертуар КК-тактик направлен на установление, поддержание или восстановление бесконфликтной коммуникации. Кооперативное поддержание разговора проявляется в КК-тактиках поиска темы будущего высказывания для удержания внимания собеседника, планирования обсуждения с учётом его позиции, поиска сочувствия (в лице понимающего слушателя). Для восстановления кооперации используются КК-тактики извинения, просьбы о прощении, оправдания и самопринуждения, которые демонстрируют неприятие персонажем конфликта. Однако настойчивое стремление к восстановлению кооперации приводит к разрушению не только коммуникации, но и личности героя. КК-тактика самопринуждения, отражая достижение кооперативной цели конфронтационным способом, демонстрирует внутреннюю борьбу, представленную расщеплением сознания персонажей на приказывающее «я», стремящееся к кооперации, и принуждаемое «я», испытывающее страх и стыд. Намерение персонажа избежать конфликта представляет собой особую форму чеховской кооперации и находит выражение в КК-тактиках уклонения от правды

и уклонения от разговора. Анализ репертуара КК-тактик выявил стремление чеховских персонажей к кооперации, которое мотивировано страхом перед конфликтом, робостью, деликатностью и желанием сохранить хрупкое равновесие в коммуникации.

4. ВР в процессе речепорождения реализует конфронтационную стратегию, которая является менее частотной (27 из 74 контекстов речепорождения) и представляет адресата как противника. Внешняя речь программируется как подавление собеседника, дискредитация или прекращение общения с ним. Агрессивные КК-тактики угрозы, оскорбления, обвинения, упрёка, запрета и отказа от общения программируют в ВР враждебные сценарии, которые, как правило, не воплощаются во внешней речи чеховских персонажей. ВР реализует компенсаторную функцию (выплеск и снижение эмоционального напряжения) и функцию саморегуляции (большая часть внутренней агрессии не выходит во внешнюю речь, но при этом подавляется искреннее самовыражение персонажа). Амбивалентность интенсивной драматической внутренней речи и сдержанной внешней речи подчёркивает внутреннее противостояние и внешнюю пассивность персонажей, создавая образ рефлексирующего, сомневающегося интеллигента.

5. Анализ КК-тактик в ВР персонажа в рассказе «С женой поссорился» подтверждает, что ВР является центральным, программирующим этапом речепорождения и динамичным процессом, в котором мотив преобразуется в коммуникативное намерение и коммуникативную стратегию. Последовательная смена КК-тактик (от обвинения, отказа от разговора и насмешки к угрозе, самовозражению, прощению и самообвинению) демонстрирует переход от внутренней агрессии к кооперации под влиянием внешних стимулов (аудиальных и тактильных). Исполнительно-контрольный этап речепорождения иллюстрирует неверный выбор стратегии во внешней речи из-за ошибочной интерпретации сенсорных данных. Анализ раскрыл прогностический характер ВР и зависимость коммуникативной стратегии от эмоционального фона и интерпретации сенсорной информации.

6. Сравнительный анализ КК-тактик в ранних рассказах «Трифон», «Мститель» и в позднем рассказе «Супруга» выявил трансформацию конфронтационной стратегии в ВР персонажей. В раннем творчестве трансформация конфронтационной стратегии в кооперативную обусловлена внешними прагматическими факторами (страхом потери, дороговизной, социальными последствиями). КК-тактики угрозы, оскорбления, злопожелания, обвинения и др. направлены на внешнего адресата. В позднем творчестве агрессия перенаправляется с внешнего адресата на самого персонажа, что формирует стратегию самодискредитации и принудительной кооперации во внешней речи и усложняет коммуникативный портрет персонажа. Изменение стратегии в процессе речепорождения от конфронтации к кооперации характеризует персонажный дискурс как сдержанный и позволяет представить героя-интеллигента, для которого размышление становится способом подавления агрессии.

7. Установлена корреляция динамики КК-тактик и психофизиологических фаз аффекта (напряжение, взрыв и истощение). Психофизиологический спад аффективного состояния и восстановление когнитивного контроля соотносятся с трансформацией конфронтационной стратегии ВР в кооперативную. Фазы аффекта моделируются с клинической достоверностью в совокупности психических (мышления, внимания, восприятия, памяти), физиологических (функций организма) и эмоциональных процессов.

8. ВР является центральным этапом в процессе речевосприятия, на котором происходит смысловое и оценочное декодирование чужого слова. Опираясь на психолингвистическую теорию речевой деятельности (И. Н. Горелов, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, К. Ф. Седов и др.) и идею диалогической природы сознания (М. М. Бахтин), мы определяем ВР как внутреннюю реплику-реакцию на внешнее сообщение, направленную на смысловое восприятие предмета сообщения, выявление коммуникативного намерения и мотива говорящего. Для анализа коммуникативного взаимодействия воспринимаемого сообщения и внутренних реплик-реакций была адаптирована типология коммуникативных

стратегий взаимодействия с чужой речью Н. В. Максимовой: выделенные ею стратегии (отрицание, применение, толкование, переоформление, развитие, оценивание, комментирование и переопределение) были преобразованы в КК-тактики в рамках доминирующих стратегий кооперации и конфронтации.

9. Кооперативная стратегия в ВР в процессе речевосприятия направлена на достижение понимания и согласование смыслов. Однако в ВР чеховских персонажей она обнаруживает амбивалентность: кооперативное восприятие приводит как к корректировке поведения и прозрению, так и к самообману, иллюзорным ожиданиям и комически ошибочным интерпретациям. Кооперативная стратегия реализуется КК-тактиками применения, кооперативного толкования, развития и позитивного оценивания. КК-тактика применения отражает кооперацию как внутреннее согласие с внешним аргументом, принятие критической оценки, одобрение побуждения, которые приводят к изменению мнения, поведения или самовосприятия персонажа. Согласие с чужой позицией не всегда ведёт к благополучному исходу, принятие критической оценки может усугублять внутреннюю драму, принятие невыполнимого побуждения порождает чеховскую иронию. КК-тактика кооперативного толкования активизируется в ситуации смысловой неопределённости и отражает искреннее стремление персонажа понять не только предметный смысл высказывания, но и мотив, намерение говорящего. Кооперативное толкование проявляется в таких когнитивных операциях, как поиск мотива, установление результата понимания и узнавание. В художественном мире Чехова КК-тактика кооперативного толкования в речевосприятии участвует в актуализации иронии, создавая комическую дистанцию между искренней попыткой персонажа понять и реальным положением дел. КК-тактика развития демонстрирует кооперацию как переход от восприятия к самостоятельной речемыслительной деятельности. Высказывание становится стимулом для обобщения (выведения правила), прогнозирования (моделирования вероятного будущего) и планирования (конструирования целенаправленных действий). КК-тактика развития отражает чеховское противоречие между внутренней активностью и реальной инертностью

воспринимающего персонажа. КК-тактика позитивного оценивания (похвалы и одобрения) отражает кооперацию как эмоционально-положительное принятие чужой речи и перенос этого отношения на личность говорящего. Низкая частотность этой КК-тактики (16 контекстов) в сравнении с негативным оцениванием (72 контекста) показывает критический настрой персонажа. Положительная эмоциональная реакция переносится с речи на личность говорящего. Оценка приобретает субъектноориентированную направленность, характеризуя воспринимающего персонажа как наивного, влюблённого или расчётливого. Несмотря на кооперативную направленность, данная стратегия зачастую не демонстрирует гармоничное восприятие, а показывает трагедию и комизм понимания или непонимания. Искренние попытки понять оказываются заблуждениями, принятие мнения – признанием бессилия, бурная внутриречевая деятельность по развитию чужой мысли – компенсацией внешней инертности.

10. Анализ реализации конфронтационной стратегии в процессе речевосприятия показал, что она является доминирующей (145 из 257 контекстов речевосприятия). Персонаж, сталкиваясь с сообщением, противоречащим его убеждениям, желаниям, ценностям, активизирует в ВР КК-тактики, направленные на отторжение, оспаривание, критику, игнорирование чужого слова. Выделены КК-тактики, реализующие конфронтационную стратегию: негативное оценивание, конфронтационное толкование, отрицание, переопределение и игнорирование. КК-тактика негативного оценивания является наиболее частотной. Она направлена не только на содержание воспринимаемого высказывания, но и на его форму, манеру говорения и личность говорящего. Этот тип оценивания моделирует механизм когнитивного контроля и эмоциональной саморегуляции: внутреннее осуждение компенсирует невозможность открытой внешней конфронтации. КК-тактика конфронтационного толкования представляет собой интерпретацию высказывания, мотивированную недоверием и направленную на поддержание негативных ожиданий, которые формируются под влиянием предубеждений, негативного опыта и отрицательных эмоций. Многозначность восприятия одного и того же чужого слова отражает

полифоничность сознания персонажа. КК-тактика отрицания уточняет внутреннюю динамику конфронтации. Выбор КК-тактики отрицания-несогласия, отрицания-отказа и отрицания-запрета обусловлен типом воспринимаемого сообщения (отрицание утверждения, побуждения, допустимости сообщения). КК-тактика отрицания-запрета в ВР выполняет компенсаторную функцию, выражая непозволительный во внешней речи протест. Менее частотная КК-тактика переопределения отражает конфронтацию как интеллектуальное противостояние: персонаж вводит услышанное в «новую логику», подменяя смысл. Эта КК-тактика демонстрирует неидентичные личностные смыслы, обусловленные различиями в знаниях, мотивах и «образе ситуации» говорящего и воспринимающего. В чеховском тексте переопределение, создавая контраст логик (высокой и низкой, поэтической и практической) и несовпадение ценностных систем персонажей, актуализирует иронию как проявление идиостиля писателя. КК-тактика игнорирования представляет собой пассивную конфронтацию и реализуется в прекращении коммуникативного контакта, отказе от реагирования и самоустранении.

11. Исследование ВР чеховских персонажей показывает, что речевосприятие и речепорождение неразрывно связаны в художественной модели коммуникации. Анализ ВР в рассказе «Гость» демонстрирует, что речевосприятие стимулирует речепорождение: в ВР героя восприятие внешнего сообщения и оценка коммуникативной ситуации переходят в планирование ответных реплик (намёки, прямая просьба). Тем самым ВР подтверждает свою двунаправленную природу: одновременно декодирует воспринимаемое сообщение и кодирует будущее высказывание. Одной из художественных функций ВР в процессе речевосприятия является создание двойного плана, комического эффекта и внутреннего конфликта героя. Указанные элементы отражают контраст между деликатностью внешней речи и агрессивностью ВР.

12. Выбор стратегии речевосприятия (кооперации или конфронтации) в художественной прозе Чехова определяется психофизиологическим состоянием персонажа. Утомление и сонливость приводят к непониманию воспринимаемого

высказывания, превращая чужое слово в физический раздражитель – «жужжание» и лишая процесс восприятия его «отправного материала». Эмоциональный фон влияет на выбор стратегии восприятия. Негативные эмоции (стыд, обида и злость) побуждают персонажа воспринимать даже доброжелательные слова как враждебные, активизируя конфронтационную стратегию. Позитивные переживания (влюблённость, радость), напротив, способствуют идеализации говорящего и выбору кооперативной стратегии. Одно и то же высказывание стимулирует противоположные стратегии восприятия под влиянием состояния болезни и выздоровления персонажа. Кроме того, воспринимаемое слово влияет на психофизиологическое состояние персонажа, вызывая нарушения – от бессонницы до галлюцинаций. Чехов в ВР персонажа с клинической достоверностью демонстрирует связь телесного и ментального, что является чертой «клинического реализма» писателя-врача.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование посвящено анализу внутренней речи персонажа как когнитивно-коммуникативного феномена и выполнено на материале художественной прозы А. П. Чехова. Исследование художественного моделирования внутренней речи как сложного и многоаспектного феномена основывается на интегральном мультидисциплинарном подходе, объединившем достижения психологии, психолингвистики, литературоведения и лингвистики. Психологические теории стали основой для понимания структуры и функций естественной внутренней речи (далее – ВР), служащей прототипом для её художественного воплощения. Психолингвистический подход определил место ВР в системе речевой деятельности, в моделях речепорождения и речевосприятия, позволив рассматривать её как центральный этап программирования (кодирования) и смыслового восприятия (декодирования). Лингвистические направления (структурно-типологическое, структурно-функциональное, коммуникативно-прагматическое и когнитивное) представили инструментарий для идентификации, классификации и анализа языковых средств и структурных форм ВР в художественном тексте. Мультидисциплинарный подход позволил создать интегральную модель ВР, установить взаимосвязь её языковой формы, моделируемых ею когнитивных процессов и коммуникативной задачи персонажа.

В практической части исследования были проанализированы формы художественной репрезентации ВР в прозе А. П. Чехова – поток сознания, внутренняя реплика-реакция, произнесённая ВР, внутренний монолог как заключительный этап ВР, внутренний монолог в авторском пересказе и внутренний диалог. Анализ показал, что каждая форма когнитивно мотивирована и отражает разные стадии и типы речемыслительной деятельности. Поток сознания репрезентирует динамичное взаимодействие восприятия, памяти и внимания. Восприятие обусловлено сиюминутными сенсорными и интероцептивными (внутренними, исходящими из тела) стимулами, память отражает прошлый опыт, внимание создаёт нелинейную структуру мышления. В

результате формируется специфическая чеховская поэтика потока сознания: спонтанность, ассоциативность, фрагментарность, а в изменённых состояниях сознания (сон, бред) – распад связности и семантическая размытость (эхолалия и глоссолалия). Автокоммуникативность потока сознания реализуется диалогичностью мышления и саморегуляцией (самоанализ, самооправдание, принятие решения и эмоциональное переживание).

Анализ внутренней реплики-реакции (далее – ВРР), оказавшейся наиболее частотной формой ВР в прозе писателя, показал, что ВРР моделирует внимание и восприятие персонажа. ВРР как начальная, мгновенная, спонтанная стадия речемышления возникает как отклик на перцептивные (визуальные, аудиальные, тактильные, ольфакторные и густаторные), интероцептивные и эмоциональные стимулы. Выявлено доминирование визуального канала восприятия в ВРР (более половины контекстов) и значимость аудиального канала как второго по частотности, а также единичные случаи других сенсорных каналов. Связь ВРР с интероцепцией и психосоматикой выявляет идиостилевую черту Чехова – «клинический реализм». Содержание и структура ВРР зачастую определяются физиологическими ощущениями (жажда, голод, температурный дискомфорт) и аффективными состояниями, отражают уникальный авторский взгляд, синтезирующий наблюдательность писателя и профессиональное видение врача, воспринимающего человека в единстве психики и физиологии. На функциональном уровне ВРР описана как система самонаправленных действий. Самоидентификация реализуется в осознании психофизиологических состояний, самопонимание – подфункциями самораскаяния и самодиагностики, саморегуляция – подфункциями самопланирования, самокоррекции, самооправдания, самоотстранения, самообмана. Для анализа дисфункциональной ВР введён термин «саморуминация» – навязчивое бесконтрольное переживание негативных мыслей. Показано, что в художественной системе Чехова саморуминация участвует в формировании концептуально-авторского подтекста произведения, приобретая в нём дополнительные смыслы.

Развёрнутый внутренний монолог (далее – ВМ) в прозе Чехова демонстрирует противоположную потоку сознания форму ВР – логически организованное мышление, структурно близкое внешней речи, но сохраняющее внутреннюю адресованность и когнитивную мотивацию. ВМ отражает взаимодействие памяти, воображения и мышления. Память актуализирует воспоминания, воображение демонстрирует реальные и возможные сценарии будущего. Мыслительные операции представлены причинно-следственными действиями, сравнением прошлого и настоящего, обобщением, планированием, прогнозом. Такое взаимодействие когнитивных процессов стимулирует самопознание персонажа, самоопределение, выбор линии поведения. Автокоммуникативность ВМ проявляется в диалогичности и полифонизме. Выделены конфронтационные (когнитивный конфликт эмоционального и рационального, желаемого и действительного, духовного и мирского) и кооперативные (когнитивное согласие, самоподдержка, самоуспокоение, самоубеждение) взаимодействия смысловых позиций в ВМ. Полифонизм – одновременное сосуществование множества равноправных точек зрения и оценок в ВМ, что отражает чеховскую объективность и отказ от авторского дидактизма. В ВМ выявлены метакогнитивные структуры, демонстрирующие, *как* персонаж думает о своём мышлении: оценивает его глубину и эффективность, регулирует собственные мыслительные процессы (корректирует, прекращает или перенаправляет), предвосхищает последствия. Метакогнитивная деятельность персонажа отражает диалогическую природу мышления и способность к самодистанцированию чеховского героя.

Обоснован статус произнесённой внутренней речи (далее – ПВР) как феномена, основным признаком которого является не беззвучность, а автокоммуникативность. Это позволило включить её в анализ и предложить модель ПВР, основанную на взаимосвязи интенсивности эмоций и уровня когнитивного контроля. При аффекте ПВР выполняет функцию эмоциональной разрядки, при снижении напряжения – когнитивной саморегуляции (планирование, объяснение, мотивация, поиск причин).

Систематизированы формы внутреннего монолога в авторском пересказе (далее – ВМАП), отражающие содержание речемышления. На основе типологии модификаций косвенной речи М. М. Бахтина описаны типы ВМАП: предметно-аналитический (менее характерный для Чехова, моделирующий событийно-объективное мышление), словесно-аналитический (сохраняющий индивидуально-речевые особенности персонажа, репрезентирующий эмоционально-оценочное мышление) и импрессионистический (редуцированный до эмоционально-ассоциативных доминант, демонстрирующий ассоциативно-образное мышление). Показано, что импрессионистический ВМАП отражает чеховский «медицинский взгляд»: физическое состояние героя меняет тональность и структуру мышления, «мысль» персонифицируется и воздействует на персонажа, вызывая соматические реакции. Описаны механизмы диалогизации ВМАП – непроизвольность (герой как пассивный реципиент), раздвоение мышления (внутренний собеседник – голос совести, разума, эмоции), включение «чужого слова» и полифонизм мышления. Показана эволюция авторской позиции от диагноста, вскрывающего ограниченность сознания в аффекте, к сдержанному наблюдателю, признающему бессознательность и иррациональность психики.

Для анализа ВР как автокоммуникации в работе используются инструменты коммуникативной лингвистики – стратегии (кооперативная и конфронтационная) и реализующие их тактики. Для анализа коммуникативных стратегий ВР вводится понятие «*когнитивно-коммуникативная тактика»*, которое определяется как автокоммуникативное действие, побуждаемое мотивом, коммуникативным намерением и эмоциональным состоянием персонажа и объективирующее коммуникативную стратегию в процессе автокоммуникации, речепорождения и речевосприятия. Введение этого понятия дополняет теорию речевых тактик коммуникативной лингвистики и открывает возможности для анализа коммуникативных стратегий персонажа в ВР.

Исследование внутреннего диалога (далее – ВД) подтвердило, что диалогичность является не только свойством форм ВР, но и принципом чеховского моделирования сознания персонажа. Выделены структурно-полный

ВД-спор и метакоммуникативный ВД. Структурно-полный ВД выражает когнитивный конфликт, отражает борьбу субличностей персонажа и реализуется репертуаром когнитивно-коммуникативных тактик (далее – КК-тактик) конфронтационной стратегии. Метакоммуникативный ВД является наиболее частотным типом ВД чеховских персонажей, отражая саморефлексию и самодистанцирование персонажа. Он воспроизводит метакогнитивный контроль, репрезентирует раздвоенность сознания персонажа на «я»-говорящего и «я»-контролирующего. КК-тактики самокоррекции, поиска мотива и самооценивания формируют метакоммуникативную стратегию данного типа ВД. Метакоммуникативный ВД характеризует чеховского персонажа как сомневающегося и склонного к самоанализу.

Моделирование процессов речепорождения (кодирование мотива и коммуникативного намерения будущего внешнего высказывания) и речевосприятия (смысловое декодирование воспринимаемого сообщения, мотива и коммуникативного намерения говорящего) выявило участие ВР чеховских персонажей в речевой деятельности.

Анализ речепорождения в ВР показал количественное преобладание кооперации над конфронтацией. Особенность чеховской кооперативности заключается в её мотивированности страхом, робостью, деликатностью и стремлением избежать конфликта. Репертуар кооперативных КК-тактик описывает внутреннюю работу поддержания контакта (поиска темы будущего высказывания, планирования обсуждения, поиска сочувствия), восстановления контакта (извинения, просьбы о прощении, оправдания и самопринуждения) и особой формы чеховской кооперации – избегания конфликта (уклонения от правды и уклонения от разговора). Конфронтационная стратегия ВР выявила идиостилевую оппозицию внешней сдержанности персонажа и внутренней борьбы. Агрессивные КК-тактики ВР (угрозы, оскорбления, обвинения, упрёка, запрета и отказа от общения) зачастую не переходят во внешнюю речь, поскольку ВР реализует компенсаторную функцию (выплеск и снижение эмоционального напряжения) и функцию саморегуляции (подавление внутренней агрессии),

которая, однако, препятствует подлинной откровенности персонажа и искреннему диалогу. Анализ динамики КК-тактик подтвердил, что ВР процессуальна: стратегии и КК-тактики меняются под влиянием сенсорной информации, аффекта и оценки последствий. Выявлено усложнение чеховского психологизма в диахронии: в ранней прозе – переход от конфронтации к прагматически выгодной кооперации; в поздней – переход к аутоагрессии и самодискредитации. Установлена корреляция динамики КК-тактик и психофизиологических фаз аффекта (напряжение, взрыв и истощение). Психофизиологический спад аффективного состояния и восстановление когнитивного контроля соотносятся с трансформацией конфронтационной стратегии ВР в кооперативную. Медицинские знания Чехова позволяют моделировать фазы аффекта с клинической достоверностью в совокупности физиологических и эмоциональных процессов.

Анализ контекстов ВР, демонстрирующих речевосприятие персонажа, установил доминирование конфронтации, которая характеризует чеховскую коммуникацию как напряжённую. Персонажи зачастую воспринимают чужое слово через призму оценки, недоверия, защитного толкования. Конфронтационные КК-тактики негативного оценивания, конфронтационного толкования, отрицания, переопределения и игнорирования, а также кооперативные КК-тактики применения, кооперативного толкования, развития и позитивного оценивания описаны как когнитивно-коммуникативные механизмы смыслового восприятия чужой речи. Показано, что кооперация при речевосприятии чеховских персонажей амбивалентна и может вести к изменению поведения, но способна также становиться самообманом, ошибочным толкованием. КК-тактика развития чужой мысли нередко компенсирует внешнюю инертность персонажа.

Сопоставление двух моделей речевосприятия в рассказе «Гость» (буквального и иносказательного) позволяет сделать вывод, что успешное речевосприятие требует декодирования не только предметного, но и прагматического смысла. Декодирование чужого слова обусловлено знаниями,

мотивами коммуникантов, образом ситуации, эмоциональным и физическим состоянием воспринимающего. Речевосприятие стимулирует речепорождение. Одновременное декодирование чужого слова-стимула и кодирование ответа подтверждает двунаправленную природу ВР. Исследование взаимозависимости стратегии восприятия и психофизиологического состояния показывает, что отказ от «установки на понимание» чужого слова проявляется в состояниях утомления и сонливости, отрицательные эмоции переводят восприятие в конфронтацию, позитивные – поддерживают кооперацию, идеализируя собеседника. Одно и то же чужое слово воспринимается по-разному в соответствии с физиологическим состоянием персонажа: болезненное состояние стимулирует конфронтационное речевосприятие, состояние выздоровления – кооперативное. Отмечено влияние слова на изменение психофизиологического состояния персонажа. Критика может стимулировать негативные эмоции, бессонницу, галлюцинации. Это отражает чеховскую клиническую точность изображения связи телесного и ментального.

Таким образом, исследование доказывает, что ВР в художественной прозе А. П. Чехова является сложным когнитивно-коммуникативным феноменом, в котором неразрывно связаны психологические процессы, коммуникативные стратегии и идиостиль писателя, что позволяет говорить об уникальности художественной модели сознания.

Настоящее диссертационное исследование имеет перспективы дальнейшего развития, связанные с расширением материала и углублением теоретических положений работы. Разработанная интегральная модель анализа ВР может быть применена к изучению прозы других авторов для выявления как универсальных, так и идиостилевых особенностей художественного моделирования сознания. Перспективным представляется дальнейшее развитие теории когнитивно-коммуникативных тактик, в том числе разработка развёрнутой таксономии. Дальнейшее изучение ВР в интеграции с нейролингвистическими и когнитивными исследованиями позволит уточнить полученные результаты и наметить новые аспекты изучения речемыслительной деятельности.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВД – внутренний диалог

ВМ – внутренний монолог

ВМАП – внутренний монолог в авторском пересказе

ВР – внутренняя речь

ВРР – внутренняя реплика-реакция

КК-тактика – когнитивно-коммуникативная тактика

НПР – несобственно-прямая речь

ПВР – произнесённая внутренняя речь

ГЛОССАРИЙ

Интероцептивные ощущения – ощущения, «сигнализирующие о состоянии внутренних процессов организма, доводят до мозга раздражения, исходящие из стенок желудка и кишечника, сердца, кровеносной системы и других висцеральных аппаратов» [Лурия 2006: 101].

Искажение переноса (англ. correspondence bias) – тип фундаментальной ошибки атрибуции, склонность объяснять поведение человека его личностными качествами, а не ситуационными факторами [Gilbert, Malone 1994; Gawronski 2004].

Контрфактуальное мышление – ментальные репрезентации альтернатив прошлого, направленные не на объективный анализ событий, а на создание их вымышленной версии [Roese 1997; Epstude 2008].

Руминация (англ. rumination) (в психиатрии) – «навязчивый тип мышления, при котором одни и те же темы или мысли постоянно возникают в голове человека, вытесняя все другие виды психической активности. Больной обычно находится в подавленном состоянии и испытывает чувство вины. Руминация может отличаться от болезненной озабоченности какими-либо вопросами тем, что постоянно возникающие у человека мысли являются безрассудными и возникают помимо его воли; они часто включают вызывающие отвращение или агрессивные чувства, касающиеся событий, имевших место в далёком прошлом, и сопровождаются утратой уверенности в собственной памяти» [Толковый словарь по медицине 2013].

Фундаментальная ошибка атрибуции (англ. fundamental attribution error) – «тенденция придавать большее значение личностным (диспозиционным) факторам и игнорировать ситуационные влияния при описании людей и их поведения, а также интерпретации причин поведения» [Большой психологический словарь 2003].

Эхолалия (от греч. echo – отражение звука + laleo – говорю) – «автоматическое повторение чужих слов» [Большой психологический словарь 2003].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абитова, А. Р. Социопрагматика текста «поток сознания» : на материале современной немецкой прозы : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Абитова Анжелика Ряшитовна. – Пятигорск, 1999. – 217 с.

2. Авдевнина, О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте ее синтаксического и художественного моделирования / О. Ю. Авдевнина. – Саратов : Сарат. гос. юрид. академия, 2022. – 416 с.

3. Авдеева, Н. П. Внутренняя речь персонажа в идиостиле А. П. Чехова : структура и функционирование внутреннего монолога в авторском пересказе (на материале рассказов и повестей 1880–1903 годов) / Н. П. Авдеева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 4. – С. 41–51.

4. Авдеева, Н. П. Диалогизация внутреннего монолога персонажа (на материале прозы А. П. Чехова) / Н. П. Авдеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014а. – № 8–2(38). – С. 13–15.

5. Авдеева, Н. П. Импрессионистичность внутренней речи персонажей художественного текста (на материале прозы А. П. Чехова) / Н. П. Авдеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014б. – № 6–1(36). – С. 13–16.

6. Авдеева, Н. П. Конфликтная и бесконфликтная автокоммуникация в художественной прозе А. П. Чехова / Н. П. Авдеева // Когнитивные исследования языка. – 2026а. – № 2–1(67). – С. 179–182.

7. Авдеева, Н. П. Поток сознания персонажей художественного текста (на материале прозы А. П. Чехова разных периодов) / Н. П. Авдеева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2014в. – Т. 14, № 4. – С. 10–15.

8. Авдеева, Н. П. Речепорождение героя в рассказе А. П. Чехова «Супруга» (от мотива к внешней речи через аффективные тактики) / Н. П. Авдеева // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2025. – № 1. – С. 43–51. – DOI 10.24412/2408-9451-2025-1-42-51.

9. Авдеева, Н. П., Прокофьева Л. П. Внутренняя речь персонажа как мультимодальный когнитивный феномен (на материале художественной прозы А. П. Чехова) / Н. П. Авдеева, Л. П. Прокофьева // Когнитивные исследования языка. – 2026б. – № 3–1(68). – С. 137–141.

10. Акимова, Н. В. Внутренний монолог как способ раскрытия характеров героев в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» / Н. В. Акимова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2024. – № 4 (105). – С. 142–148. – DOI 10.33979/1998-2720-2024-105-4-142-148.

11. Ананьев, Б. Г. Психология чувственного познания / Б. Г. Ананьев. – М. : Академии пед. наук РСФСР, 1960. – 488 с.

12. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.

13. Андреева, Е. В. Речь героя и позиция автора в поздних рассказах А. П. Чехова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Андреева Елена Владимировна. – СПб., 2004. – 23 с.

14. Артюшков, И. В. Внутренняя речь и её изображение в художественной литературе (на материале Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого) : дисс. … д. филол. наук : 10.02.01 / Артюшков Игорь Викторович. – М., 2004. – 511 с.

15. Арутюнова, Н. Д. Диалогическая цитация / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 50–64.

16. Архипова, М. В. Репликация как средство экстериоризации внутренней речи в художественном дискурсе (на материале американского короткого рассказа) : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Архипова Марина Владиславовна. – Челябинск, 2003. – 20 с.

17. Ахутина, Т. В. Исследования порождения и восприятия речи в отечественной психолингвистике // Российская психолингвистика : итоги и перспективы (1966–2021) : Коллективная монография / Науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. – М. : Ин-т языкознания-ММА, 2021. – С. 423–435.

18. Ахутина, Т. В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского : основы и верификация / Т. В. Ахутина // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 164, № 1–2. – С. 7–27.

19. Банникова, С. В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов) : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Банникова Светлана Викторовна. – Тамбов, 2004. – 24 с.

20. Барлас, Л. Г. Язык повествовательной прозы Чехова. Проблемы анализа / Л. Г. Барлас. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1991. – 205 с.

21. Бахтин, М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. – М. : Русские словари, 2002. – 800 с.

22. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

23. Беличенко, Е. Е. Несобственно-прямая речь в языке художественной литературы : На материале анималистической прозы : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Беличенко Елизавета Евгеньевна. – СПб., 2006. – 23 с.

24. Блинова, О. А. Лингвокогнитивный аспект репрезентации несобственно-прямой речи : На материале произведений Э. Хемингуэя : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Блинова Ольга Александровна. – М., 2015. – 24 с.

25. Блонский, П. П. Память и мышление / П. П. Блонский. – М., Л. : Соцэкгиз, 1935. – 214 с.

26. Бобрикова, Е. Н. Средства связности текста в литературе «потока сознания» : на материале романа Джеймса Джойса «Улисс» : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бобрикова Елена Николаевна. – Ростов н/Д., 2008. – 20 с.

27. Болдырев, Н. Н. Бесконфликтная коммуникация в свете теории языковой интерпретации // Англистика в третьем тысячелетии : новые подходы и пути развития. – Минск : Респуб. ин-т высш. шк., 2024. – С. 13–14.

28. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33(248). – С. 11–16.

29. Борисова, М. Б. Типы подтекста в жанре драмы (на материале русской драматургии II половины XIX – начала XX века) / М. Б. Борисова // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2008. – № 2. – С. 8–16.

30. Бочаров, С. Г. «Война и мир» Л. Н. Толстого / С. Г. Бочаров. – Изд. 3-е. – М. : Худ. лит., 1978. – 103 с.

31. Буняева, М. В. Психологические особенности эпистолярного и художественного наследия А. П. Чехова : автореф. дисс. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / Буняева Мария Владимировна. – Ростов н/Д., 2013. – 23 с.

32. Бурно, М. Е. О психастеническом мироощущении А. П. Чехова (в связи с рассказом «Чёрный монах») // Целебное творчество А. П. Чехова: размышляют медики и филологи. – М. : Изд-во Российского общества медиков-литераторов, 1996. – С. 14–22.

33. Бутакова, Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста : Когнитивный аспект : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Бутакова Лариса Олеговна. – Омск, 2001. – 459 с.

34. Буцыкина, Н. Е. Лингвокогнитивный и коммуникативный аспекты внутренней речи персонажей (на материале художественной прозы Ф. Мориака) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Буцыкина Надежда Евгеньевна. – Киев, 2004. – 24 с.

35. Бушканец, Л. Е. А. П. Чехов и «чеховский интеллигент» : некоторые грани литературной репутации / Л. Е. Бушканец // Российские исследования. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 27–45.

36. Ван, М. Аксиологический аспект художественной монологической речи (на материале романов В. В. Набокова «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Отчаяние») : дисс. … канд. филол. наук : 5.9.5 / Мэйянь Ван. – СПб., 2023. – 114 с.

37. Верани, А. Роль внутренней речи в высших психических процессах / А. Верани // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 1. – С. 7–17.

38. Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры : Коллективная монография / Н. Б. Боева-Омелечко, Л. И. Гришаева, С. В. Иванова [и др.]. – Барнаул : Алтай. гос. пед. ун-т, 2025. – 300 с.

39. Виноградов, В. В. О языке Толстого: (50–60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. : Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 35/36 (Лит. наследство). – Кн. I. – С. 117–220.

40. Виноградов, В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.

41. Водяницкая, А. А. Экспланаторный потенциал лингвистической аксиологии : анализ академических дискурсивных практик : дисс. … д. филол. наук : 10.02.19 / Водяницкая Альбина Александровна. – М., 2022. – 407 с.

42. Волошинов, В. Н. (М. М. Бахтин) Марксизм и философия языка : основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. – М. : Лабиринт, 1993. – 196 с.

43. Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.

44. Гаибова, М. Т. Коммуникативные аспекты изображения речемыслительной деятельности персонажа в структуре художественного текста (На материале англоязычной прозы) : автореф. дисс. ... д. филол. наук : 10.02.19 / Гаибова Мехнара Талатовна. – Тбилиси, 1986. – 49 с.

45. Гальперин, П. Я. К вопросу о внутренней речи // Доклады АПН РСФСР. – 1957, № 4. – С. 24–31.

46. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – 2-е изд. – Л. : Худ. лит., 1977. – 448 с.

47. Гнатишина, И. И. Внутренняя структура монолога (на материале произведений У. Шекспира) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Гнатишина Ирина Игоревна. – СПб., 2009. – 21 с.

48. Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.

49. Грицай, Н. А. «Точки зрения» в эпике А. П. Чехова : специфика поэтики : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Грицай Нина Александровна. – Тверь, 2011. – 22 с.

50. Гроссман, Л. П. Достоевский-художник // Творчество Ф. М. Достоевского. – М. : Акад. наук СССР, 1959. – С. 330–416.

51. Гусева, Г. В. Типологические характеристики вербализованной внутренней речи : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Гусева Галина Владимировна. – Орел, 2002. – 34 с.

52. Дементьев, В. В. Интегральное описание речевых жанров / В. В. Дементьев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. – 304 с.

53. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.

54. Дементьев, В. В. Проблемы непрямой коммуникации и когнитивная лингвистика / В. В. Дементьев // Язык. Текст. Дискурс. – 2018. – № 16. – С. 20–34.

55. Духанина, Л. Н. К поэтике психологизма Л. Н. Толстого (герои с обсессивной структурой личности в «Войне и мире») / Л. Н. Духанина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 1, № 4. – С. 17–24.

56. Емельянова, Н. А. Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Емельянова Надежда Александровна. – Астрахань, 2004. – 181 с.

57. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – 2-е изд., перераб. – М. : Флинта, Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. – 174 с.

58. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. // Вопросы языкознания. – 1964. – №6. – С. 26–38.

59. Зименкова, В. А. Способы выражения внутренней речи персонажей в художественном тексте (на материале современной прозы ГДР, ФРГ и Австрии) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Зименкова Валерия Анатольевна. – Л., 1989. – 16 с.

60. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж : МОДЭК, 2001. – 432 с.

61. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М. : Наука, 1976. – С. 5–34.

62. Зыкова, И. В. Креативная прагматика диалога: художественная vs. естественная коммуникация // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов – Пятигорск : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Пятигор. гос. ун-т, 2026. С. 46–51.

63. Изотова, Н. В. Внутренняя речь и внутренний диалог в прозе А. П. Чехова / Н. В. Изотова // Текст. Структура и семантика. – М. : Российский новый ун-т, 2017. – С. 33–38.

64. Изотова, Н. В. Диалогические структуры в языке художественной прозы А. П. Чехова : дисс. … д. филол. наук : 10.02.01 / Изотова Наталья Валерьяновна. – М., 2006. – 359 с.

65. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.

66. Ионова, С. В. Язык субъективных ощущений человека: от лингвистики эмоций к тактильной лингвосемиотике / С. В. Ионова // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2024. – № 4(8). – С. 128-135.

67. Исакова, Е. М. Внутренняя речь персонажей с позиций гендерной лингвистики (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Исакова Елена Михайловна. – Уфа, 2011. – 23 с.

68. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.

69. Калашник, Я. М. Патологический аффект // Психология эмоций. Тексты. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 220–227.

70. Калинина, Н. В. Внутренний монолог / диалог как форма отражения бессмертия в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» / Н. В. Калинина // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2023. – № 2–3. – С. 181–188. – DOI 10.24412/2408-9451-2023-2-3-181-188.

71. Каменская, Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Каменская Юлия Валерьевна. – Саратов, 2001. – 173 с.

72. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: дингвокультурные типажи / Под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 25–61.

73. Катаев, В. Б. Проза Чехова : проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 327 с.

74. Кириллова, Т. В. Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации (на материале англоязычной художественной прозы) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кириллова Татьяна Валерьевна. – Самара, 2011. – 23 с.

75. Ковалева, Т. Н. Любовь-«наваждение»: особенности психологизма в повести И. А. Бунина «Митина любовь» / Т. Н. Ковалева // Вестник Воронежского государственного универитета. Серия : Филология. Журналистика. – 2025. – № 2. – С. 35–39.

76. Ковтунова, И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации / И. И. Ковтунова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 3–13.

77. Кожевникова, Н. А. Особенности стиля Чехова (несобственно-прямая речь) // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. – 1963. – № 2. – С. 51–62.

78. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. – 260 с.

79. Кольцова, Е. А., Карташкова Ф. И. Функциональные особенности внутренней речи в лингвопрагматическом и психологическом аспектах / Е. А. Кольцова, Ф. И. Карташкова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 55–73. – DOI 10.15293/2226-3365.1804.04.

80. Кошкаров, В. Л. Внутренняя речь как компонент художественного произведения и её синтаксические особенности в прозе Ф. М. Достоевского : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Кошкаров Владимир Лаврентьевич. – Л., 1987. – 16 с.

81. Кубасов, А. В. Рассказы А. П. Чехова : поэтика жанра / А. В. Кубасов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1990. – 72 с.

82. Кубрякова, Е. С. Понятие внутренней речи и общая характеристика интегральной модели порождения речи // Человеческий фактор в языке : Язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – 240 с.

83. Кузнецова, Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века : автореф. дисс. ... д. филол. наук : 10.02.01 / Кузнецова Наталья Николаевна. – М., 2011. – 42 с.

84. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – 2-изд. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.

85. Кучинский, Г. М. Психология внутреннего диалога / Г. М. Кучинский. – Минск : Университетское, 1988. – 206 с.

86. Лаврентьева, Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Лаврентьева Елизавета Владимировна. – Новосибирск, 2006. – 23 с.

87. Лаврова, С. Ю., Ермакова, Л. А. Внутренняя речь персонажа как основной способ организации художественного дискурса Кадзуо Исигуро (на материале романа «Остаток дня») / С. Ю. Лаврова, Л. А. Ермакова // Научный диалог. – 2021. – № 6. – С. 92–112. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-92-112.

88. Ларина, С. Г. Ситуация конфликта и её отражение во внутренней речи : на материале англоязычной художественной литературы XIX–XX вв. : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ларина Светлана Германовна. – М., 2014. – 23 с.

89. Леонова, Н. М. Прагматика обращённости внутренней речи в немецких и русских художественных текстах : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Леонова Наталья Михайловна. – М., 2005. – 23 с.

90. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М., 1997. – 287 с.

91. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1969. – 307 с.

92. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.

93. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.

94. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – М. : Смысл, 2000. – 508 с.

95. Логинов, А. В. Вопросительное предложение и вопросо-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Логинов Александр Викторович. – СПб., 1992. – 18 с.

96. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация : «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – С. 159–165.

97. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 386 с.

98. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2006. – 320 с.

99. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

100. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

101. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия : автореф. дисс. ... д. филол. наук : 10.02.01 / Максимова Наталия Викторовна. – СПб., 2006. – 41 с.

102. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия : Монография / Н. В. Максимова. – М. : Издательский центр РГГУ, 2005. – 317 с.

103. Манджиева, П. В. Особенности представления внутренней речи персонажей повести А. П. Чехова «Три года» / П. В. Манджиева // Молодежные Чеховские чтения в Таганроге. – Ростов н/Д. : Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2024. – С. 140–144.

104. Матвеева, Н. И. Нарративная структура англоязычного художественного дискурса (на материале романов «потока сознания» начала XX в.) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Матвеева Наталья Игоревна. – М., 2003. – 23 с.

105. Меве, Е. Б. Медицина в творчестве и жизни А. П. Чехова / Е. Б. Меве. – Киев : Здоровье, 1989. – 277 с.

106. Миллер, Л. В. Самоконцепция героя и авторский замысел (на примере рассказа В. Пелевина «Ника») / Л. В. Миллер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 7. – С. 2018–2022. – DOI 10.30853/phil20230323.

107. Милых, М. К. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Чехова // А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Ростов н/Д. : Ростов. книж. изд-во, 1967. – Вып. 4. – С. 152–176.

108. Моисеева, Н. В. Средства диалогизации монологической речи (на материале прозы А. П. Чехова) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Моисеева Наталия Валерьевна. – Ростов н/Д., 1998. – 22 с.

109. Моисеева-Пронь, Н. В. Диалогизация речи как особенность поэтики А. П. Чехова / Н. В. Моисеева-Пронь // Известия южного федерального университета. Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 74–83.

110. Моргулева, О. М. Формы авторского повествования в прозе А. П. Чехова конца 80-х–900-х гг. : автореферат дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Моргулева Ольга Михайловна. – М., 2005. – 21 с.

111. Мотылева, Т. Л. Зарубежный роман сегодня / Т. Л. Мотылева. – М. : Сов. писатель, 1965. – 472 с.

112. Набиуллин, Р. Р. Односоставные глагольные предложения во внутренней речи персонажей в художественной литературе (на материале произведений Л. Н. Толстого) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Набиуллин Рамиль Робиртович. – Уфа, 2010. – 23 с.

113. Новиков, А. И. Семантика текста и её формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 215 с.

114. Новикова, Н. Д. Коммуникативные тактики сравнения и противопоставления в интериоризованном критическом дискурсе (на материале британской художественной литературы XXI В.) / Н. Д. Новикова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2024. – № 65. – С. 86–98. – DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-86-98.

115. Омелькина, О. В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория: на материале немецкоязычной прозы : автореф.

дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Омелькина Оксана Владиславовна. – Самара, 2007. – 26 с.

116. Омелькина, О. В. Семантико-синтаксические особенности внутренней речи в гендерном аспекте (на материале романа S. Cramer «SMS für dich») / О. В. Омелькина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 18(816). – С. 391–402.

117. Оттенс, Г. В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения / Г. В. Оттенс // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – Т. 2, № 19. – С. 92–99.

118. Оюн, Ю. Д. Функционально-семантическая характеристика внутреннего монолога во французской художественной прозе XX века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Оюн Юрий Даваевич. – М., 1998. – 22 с.

119. Падучева, Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. / Е. В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

120. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды : Пер. с англ. и фр. / Вступ. статья В. А. Лекторского, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – М. : Межд. пед. академия, 1994. – 680 с.

121. Пищальникова, В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 1992. – 73 с.

122. Погребняк, Ю. В. Характеристики интериоризованного дискурса : автореф. дисс. … д. филол. наук : 10.02.19 / Погребняк Юлия Владимировна. – Волгоград, 2012. – 40 с.

123. Пономаренко, Е. А. Речевые жанры обвинения и упрёка в речевом поведении врача / Е. А. Пономаренко, О. А. Чуреева // Жанры речи. – 2022. – Т. 17, № 1(33). – С. 21–27.

124. Попова, Л. Г. Прагматика воспроизведения внутренней и внешней речи в немецких и русских художественных текстах : автореф. дисс. … д. филол. наук : 10.02.20 / Попова Лариса Георгиевна. – М., 2002. – 51 с.

125. Пращерук, Н. В. Психологизм прозы И. А. Бунина 1909–1913 годов / Н. В. Пращерук // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. 1995–1996. – Екатеринбург, 1997. – С. 65–74.

126. Прозоров, В. В. Внутренняя немая сцена в автокоммуникации / В. В. Прозоров // Жанры речи. – 2025. – Т. 20, № 2(46). – С. 161–170. – DOI 10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170.

127. Ратмайр, Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 15–22.

128. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.

129. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др. – М. : Наука, 1980. – 709 с.

130. Сакварелидзе, Н. И. Структурно-композиционные формы изображения художественно-трансформированной внутренней речи (на материале англ. и амер. литературы XX в.) : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Сакварелидзе Нелли Ильинична. – Тбилиси, 1975. – 36 с.

131. Салимова, Р. М. Модальность внутренней речи в английских и русских текстах : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Салимова Римма Мидхатовна. – Уфа, 2007. – 24 с.

132. Самойлова, М. Б. Тактики убеждения в разных типах дискурса в художественной прозе А. П. Чехова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Самойлова Марианна Борисовна. – Ростов н/Д., 2013. – 26 с.

133. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.

134. Сахнович, А. Л. Особенности изображенной внутренней речи в англоязычной прозе XIX–XX веков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сахнович Анна Львовна. – Одесса, 1990. – 18 с.

135. Седов, К. Ф. Нейропсихолингвистика / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2007а. – 224 с.

136. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. – 2002. – № 3. – С. 40–52.

137. Седов, К. Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика : Хрестоматия / Сост. К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2007б. – С. 250–277.

138. Седых, А. П., Шевченко, М. И. К вопросу о стратегиях и тактиках в институциональном дискурсе / А. П. Седых, М. И. Шевченко // Научный результат. Серия : Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – Т. 1, № 1(3). – С. 26–31.

139. Сельченок, Е. В. Структура художественно преобразованной внутренней речи : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сельченок Елена Владимировна. – Минск, 1988. – 23 с.

140. Сергеева, Ю. М. Интраперсональная коммуникация: психологический и лингвистический аспекты : Монография / Ю. М. Сергеева. – М. : МПГУ, 2017. – 196 с.

141. Скафтымов, А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей : Статьи и исследования о русских классиках. – М. : Худ. лит., 1972. – С. 165–181.

142. Скорик, К. В. Синтаксические языковые средства и маркеры диалогизации внутреннего монолога персонажа в рассказах С. Хилл / К. В. Скорик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6–3(72). – С. 153–157.

143. Соколов, А. Н. Внутренняя речь и мышление : автореф. дисс. … д. пед. наук (по психологии) / Соколов Александр Николаевич. – М., 1967. – 36 с.

144. Соколова, Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория / Л. А. Соколова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1968. – 280 с.

145. Сопочкина, Г. А. Система способов передачи чужой речи и её реализация в идиостиле А. П. Чехова : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Сопочкина Галина Алексеевна. – М., 2003. – 26 с.

146. Спешилова, В. П. Формы и приёмы психологического изображения героев в сборнике Захара Прилепина «Восьмерка» (на материале повестей «Восьмёрка» и «Допрос») / В. П. Спешилова // Нижневартовский филологический вестник. – 2024. – № 2. – С. 98–108. – DOI 10.36906/2500-1795/24-2/08.

147. Степанов, А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 396 с.

148. Степанов, С. П. Субъективация повествования и способы организации текста (на материале повествовательной прозы Чехова) : автореф. дисс. … д. филол. наук : 10.02.01 / Степанов Сергей Павлович. – СПб., 2002. – 40 с.

149. Страхов, И. В. Психология внутренней речи / И. В. Страхов. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. пед. ин-т, 1969. – 55 с.

150. Сы, Х. Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А. П. Чехова / Х. Сы // Филология : научные исследования. – 2023. – № 4. – С. 53–61. – DOI 10.7256/2454-0749.2023.4.40597.

151. Сысоева, В. В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сысоева Валентина Владимировна. – Белгород, 2004. – 22 с.

152. Тарасов, Е. Ф. Основные направления деятельности Московской психолингвистической школы // Российская психолингвистика : итоги и перспективы (1966–2021) : Коллективная монография. / Научн. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. – М. : Ин-т языкознания–ММА, 2021. – 626 с.

153. Тарасов, Е. Ф., Головина, Л. В. Понимание речевых сообщений и принцип дополнительности / Е. Ф. Тарасов, Л. В. Головина // Организационная психолингвистика. – 2019. – №2 (6). – С. 9–23.

154. Тарасова, И. А. Когнитивная поэтика – новая парадигма интерпретации художественного текста / И. А. Тарасова // Поэтический текст в антропоцентрической научной парадигме : теория, практика, методология. – Саратов : Сарат. источник, 2018. – С. 40–45.

155. Томилова, Т. П. Синтаксическая организация художественной внутренней речи / Т. П. Томилова // Вестник Тувинского государственного университета. – Вып. 1. – Социальные и гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (68). – С. 43–51.

156. Тюпа, В. И. Художественность чеховского рассказа / В. И. Тюпа. – М. : Высш. шк., 1989. – 133 с.

157. Уфимцева, О. А. Номинативный синтаксис в англоязычном тексте потока сознания : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Уфимцева Ольга Александровна. – Воронеж, 2007. – 22 с.

158. Ушакова, Т. Н. Проблема внутренней речи / Т. Н. Ушакова // Вопросы психологии. – 1985. – № 2. – С. 39–51.

159. Федорчук, М. М. Лингвистическая структура и стилистическое функционирование внутреннего монолога : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Федорчук Марта Михайловна. – Львов, 1990.

160. Федотова, О. С. Лингвостилистические средства реализации интроспекции персонажа в современной англоязычной художественной прозе : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Федотова Оксана Сергеевна. – М., 2007. – 24 с.

161. Фотина, Н. Э. Функционирование категории диалогичности в прозе А. П. Чехова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Фотина Надежда Эдуардовна. – Волгоград, 2017. – 24 с.

162. Ходус, В. П. Импрессионистичность драматургического текста А. П. Чехова / В. П. Ходус. – Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2006. – 175 с.

163. Чалый, В. В. Лингвопрагматический потенциал художественно-выразительных средств языка в произведении А. П. Чехова «Открытие» / В. В. Чалый // Гуманитарные исследования. – 2024. – № 1(89). – С. 104–108.

164. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – М. : Наука, 1971. – 291 с.

165. Шарапова, Ю. В. Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах : На материале английского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Шарапова Юлия Викторовна. – СПб., 2001. – 18 с.

166. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : Монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

167. Ширяева, А. Д. Свойства и функции внутренней речи / А. Д. Ширяева // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – Т. 12, № 2–1. – С. 84–91. – DOI 10.34670/AR.2023.53.77.048.

168. Шутеева, А. Ю. «Диалектика души» как отражение духовной сущности человека в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (на примере образа Константина Левина) / А. Ю. Шутеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 77. – С. 233–236.

169. Эткинд, Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. / Е. Г. Эткинд. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 448 с.

170. Ярмоленко, Г. Г. Типы и функции изображенной внутренней речи в современной англоязычной прозе : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ярмоленко Галина Григорьевна. – Одесса, 1982. – 17 с.

171. Alderson-Day, B., Mitrenga, K., Wilkinson, S., McCarthy-Jones, S., Fernyhough, C. The varieties of inner speech questionnaire – Revised (VISQ-R) : Replicating and refining links between inner speech and psychopathology / B. Alderson-Day, K. Mitrenga, S. Wilkinson, S. McCarthy-Jones // Consciousness and Cognition. – 2018. – Oct; 65. – Pp. 48–58.

172. Andrews-Hanna, J. R., Smallwood, J., Spreng, R. N. The default network and self-generated thought : component processes, dynamic control, and clinical relevance / J. R. Andrews-Hanna, J. Smallwood, R. N. Spreng // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2014. – Vol. 1316. – Pp. 29–52.

173. Baddeley, A. D., Hitch, G. J. Working Memory / A. D. Baddeley, G. J. Hitch // The psychology of learning and motivation : Advances in research and theory. – 1974. – Vol. 8. – Pp. 47–89.

174. Borghi, A. M., Fernyhough, C. Concepts, abstractness and inner speech / A. M. Borghi, C. Fernyhough // Philosophical Transactions of the Royal Society B : Biological Sciences. – 2022. – Vol. 378. – №. 1870. – Article. 20210371. DOI 10.1098/rstb.2021.0371

175. Edward, E. Jones, Victor, A. Harris. The attribution of attitudes / E. Jones Edward, A. Harris Victor // Journal of Experimental Social Psychology. – 1967. – Vol. 3, Issue 1. – Pp. 1–24.

176. Epstude, K., Roese, N. J. The functional theory of counterfactual thinking / K. Epstude, N. J. Roese // Personality and Social Psychology Review. – 2008. – Vol. 12. – № 2. – Pp. 168–192.

177. Fernyhough C. The voices within : The history and science of how we talk to ourselves / C. Fernyhough. – New York : Basic Books, 2016. – 307 p.

178. Fernyhough, C., Borghi, A. M. Inner speech as language process and cognitive tool / C. Fernyhough, A. M. Borghi // Trends in Cognitive Sciences. – 2023. – Vol. 27 – № 12. – Pp. 1180–1193.

179. Gade, M., Paelecke, M. Talking matters – evaluative and motivational inner speech use predicts performance in conflict tasks / M. Gade, M. Paelecke // Scientific Reports. – 2019 – Jul 2; 9(1). – Pp. 9531.

180. Gawronski, B. Theory-based bias correction in dispositional inference : The fundamental attribution error is dead, long live the correspondence bias / B. Gawronski // European Review of Social Psychology. – 2004. – № 15. – Pp. 183–217.

181. Gilbert D. T., Malone P. S. The correspondence bias / D. T. Gilbert, P. S. Malone // Psychological Bulletin. – 1995. – Jan; 117(1). – Pp. 21–38.

182. Gilbert, D. T. Inferential correction. In T. Gilovich, D. W. Griffin, D. Kahneman (Eds.), Heuristics and biases : The psychology of intuitive judgment. – Cambridge University Press, 2002. – 874 p.

183. Karbach J., Kray J. How useful is executive control training? Age differences in near and far transfer of task-switching training / J. Karbach, J. Kray // Developmental Science. – 2009. – Vol. 12, № 6. – Pp. 978–990.

184. Lassiter, F. D.; Geers, A. L.; Munhall, P. J. & Ploutz-Snyder, R. J. Illusory causation : Why it occurs, Psychological Science. – 2002. – Jul;13(4). – Pp. 299–305.

185. Laurent, L., Millot, J. L., Andrieu, P., Camos, V., Floccia, C., Mathy, F. Inner speech sustains predictable task switching : direct evidence in adults // Journal of Cognitive Psychology. – 2016. – Vol. 28, № 5. – Pp. 585–592.

186. Martin, L. L., Tesser, A. Some ruminative thoughts / L. L. Martin, A. Tesser // Ruminative thoughts. Advances in Social Cognition. – New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – Vol. IX. – Pp. 1–47.

187. McCarthy-Jones, S., Fernyhough, C. The varieties of inner speech : links between quality of inner speech and psychopathological variables in a sample of young adults // Consciousness and Cognition. – 2011. – Vol. 20. – № 4. – Pp. 1586–1593.

188. Morin, A. Inner Speech / A. Morin // Encyclopedia of Human Behavior. – 2nd ed. – London; Burlington, MA : Elsevier, Academic Press, 2012. – Vol. 1. – Pp. 436–443.

189. Morin, A. The Self-Reflective Functions of Inner Speech : Thirteen Years Later // Inner Speech : New Voices. Eds. P. Langland-Hassan, A. Vicente. New York, NY : Oxford University Press, 2018. – Pp. 276–298.

190. Nedergaard, J., Skewes, J. C., Wallentin, M. “Stay Focused!” : The Role of Inner Speech in Maintaining Attention During a Boring Task // Journal of Experimental Psychology : Human Perception and Performance. – 2023. – Vol. 49, № 4. – Pp. 451–464.

191. Nolen-Hoeksema, S. The Role of Rumination in Depressive Disorders and Mixed Anxiety / Depressive Symptoms / S. Nolen-Hoeksema // Journal of Abnormal Psychology. – 2000. – Vol. 109 (3). – Pp. 504–511.

192. Roese, N. J. Counterfactual thinking / N. J. Roese // Psychological Bulletin. – 1997. – Vol. 121. – № 1. – Pp. 133–148.

Список словарей и справочников

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

2. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2006. – 314 с. Режим доступа : https://literary_criticism.academic.ru/275/поток_сознания

3. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. – М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. Режим доступа : https://psychology.academic.ru

4. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; СПб. : Норинт, 2000. – 1434 с. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/302418

5. Краткий психологический словарь / Л. А. Карпенко, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов н/Д. : ФЕНИКС, 1998. Режим доступа : https://psychology.academic.ru/1828/припоминание; https://psychology.academic.ru/3828принятие_решения

6. Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов: в 2 т. – М.; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.

7. Литературный энциклопедический словарь (ЛЭС) / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-изд. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с.

9. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

10. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.

11. Толковый словарь по медицине, 2013. Режим доступа: https://medicine_dictionary.academic.ru/6546/РУМИНАЦИЯ

12. Толковый словарь русских глаголов: Идиографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

Список источников материала

1. Чехов, А. П. Собр. соч. : в 12 т. – М. : Правда, 1985.